

Библиотека и.и. Самыи Полевых
отъ Логиида С. Полевых
Салт Лейк Сити, Коста, США
26 март 1997г.
С наилучшими поздравлениями!

БУДАИЗМЪ,

РАЗСМАТРИВАЕМЫЙ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЯМЪ ЕГО,

ДАР
Л. ПОЛЕВОГО

ОБИТАЮЩИМЪ

ВЪ

СИБИРИ.

СОЧИНЕНІЕ

НИЛА АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРИГОРИИ ТРЕСОВА.

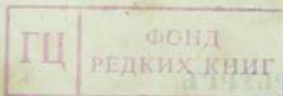
1858.

ЛГ
Книгопродавецкий
Месторнко
ЛГ

86.35(253)
976

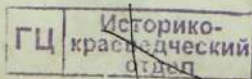
Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры пе-
чатать дозволяется. 18 Февраля 1858 года.

Цензоръ Карповъ.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРНУТСК

(1193 рр)
16781 ✓
✓

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страни.
Введеніе	1
Обшій взглядъ на Буддійское вѣроученіе	17
Происхожденіе міра	18
Первые обитатели видимаго міра — Тенгеринны и паденіе ихъ	25
Первый въ мірѣ человѣкъ и первая чета	29
Событія первыхъ временъ и зависящія отъ нихъ судьбы міра	36
Боги и отношенія ихъ	44
Классы одушевленныхъ тварей	55
Понятія о небесныхъ тѣлахъ и явленіяхъ въ мірѣ нашемъ происходящихъ	61
Составъ Буддійскаго Духовенства	68
Порядокъ производства въ чины духовнаго званія	86
Дацаны	93
Ганджур-данджуръ	105
Хуралъ	114

Обряды	125
Степени нравственнаго совершенства, ко- торых достиженіе возможно для человека	150
Средства къ нравственному усовершенію .	155
Чрезвычайныя средства къ нравствен- ному усовершенію	179
Награды и наказанія по смерти	205
Борьба Буддизма съ Шаманствомъ и ха- рактеръ послѣдняго	219
Вторженіе Буддизма въ Сибирь и уко- рененіе его въ оной	250
О врачебномъ искусствѣ у Ламъ	265
Примѣчанія	277
Алфавитный указатель предметовъ, о ко- торыхъ упоминается въ книгѣ	359

Ісусъ Христе
Ісусъ Христе
Ісусъ Христе

Всѣ же іскѹшающе
добраѣ держите

і бодѹн: г. 20.

ВВЕДЕНІЕ.

Прежде нежели приступимъ къ изложению Буддійскаго вѣроученія, въ предположенномъ нами отношеніи не лишне взглянуть на племена, разсѣянные по пространству Сибири, пространству, — огражденному цѣнью горъ Уральскихъ, Алтайскихъ и Саянскихъ, Восточнымъ океаномъ и Ледовитымъ моремъ (1).

Въ составѣ народонаселенія своего, Сибирь никогда не представляла единства. Человѣкъ искони являлся здѣсь не столько жителемъ, сколько скитальцемъ; не вѣтвью древа, возраставшаго на родной почвѣ, но осколкомъ, откуда-то занесеннымъ бурей переворотовъ.

Племена Финскія, Татарскія, Монгольскія, Американскія, дѣлясь по языкамъ своимъ, сидѣли дрыхлѣя въ шатрахъ своихъ, или бушевали къ довершенію общаго истощанія.

Близъ Западныхъ отроговъ Югорскаго хребта ⁽²⁾, по рѣкамъ, изливающимся въ Каму и Волгу, являются Пермьки, Черемисы—мари ⁽³⁾, Вотяки и другія мелкія племена.

На каменномъ порогѣ Сибири гнѣздились Вогулы—Угры. И конечно не добрыми были сосѣдями, когда Русь еще въ 1549 году ходила на нихъ войною въ Югорію (Мил. 1. 60).

У Сѣверо-Западнаго Уральскаго склона, на побережьяхъ отъ Бѣлаго до Карскаго моря и до Обской губы скитались Самодѣды ⁽⁴⁾.

Близъ устья Оби, въ старинной Обдоріи, а нынѣшнемъ Березовскомъ округѣ, находилась жилища Остяковъ-Финновъ. Въ походъ 1551 года, подъ начальствомъ воеводы Ивана Бражника, Русскіе карая Самодѣдовъ, карали и Остяковъ.

На огромномъ пространствѣ между Тоболомъ и Иртышемъ, Обью, Томою и Енисеемъ ⁽⁵⁾ развертывалась Татарія. Въ XIII вѣкѣ вошедши въ составъ Монархіи, которая при Чингис-ханѣ воспрянула какъ бы изъ бездны, Татарскія Орды много способствовали къ умноженію ужасовъ, сопровождавшихъ нашествіе лютаго варвара. За

то и мечь, подъятый на Сибирь во дни ея завоеванія, тяжело упалъ на голову Татарина (6).

За Обской губой тянулись раскинутыя широкою полосою, особенно въ при-Ленскихъ мѣстахъ, кочевья Якутовъ—Соха, татарскихъ единоплеменниковъ (7).

Область, которой Якутъ усвоилъ свое имя и гдѣ слыветъ онъ туземцемъ, простирается отъ 50 до 70 град. Сѣверной широты и отъ 110 до 160 гр. Восточной долготы. Иначе сказать: отъ рѣкъ Витима, Вилюя и Олекмы до моря Ледовитаго, и отъ Енисея до Охотскаго моря.

За Охотскимъ моремъ выдавшійся подъ 50° шир. между р. Анадырю и Пенъжинскою губой великій мысъ образуетъ собою Камчатскій полуостровъ.

Крашенинниковъ, бывшій при ученой экспедиціи, посланной въ Камчатку (8), проведенной тамъ три года (съ 1738 до 1741), о жителяхъ Камчатки такъ говоритъ: «жителей считается три народа—Камчадалы, Коряки и Курильцы. Камчадалы живутъ въ Южной части Камчатскаго мыса, отъ устья р. Уки до Курильской лопатки и на первомъ Курильскомъ островѣ, называемомъ Шаум-

гичу-шумшу (9). Коряки въ Сѣверныхъ мѣстахъ и въ округѣ Пенжинскаго моря до р. Нукчана, и къ сторонѣ Восточнаго океана почти до Анадыра. Курилы на второмъ Курильскомъ островѣ и на другихъ до Японскаго моря. Итакъ Камчадалы съ Южной стороны имѣютъ въ сосѣдствѣ Курильцевъ, а съ Сѣверной Коряковъ. Коряки смѣжны съ Чукчами, Юкагирами и Ламутами, а Курильцы съ Камчадалами и Японцами» (10).

Изъ сосѣдей сихъ, болѣе или менѣе близкихъ къ Камчадаламъ, примѣчательнъ Чукотскій народъ. Сидя среди двухъ грозныхъ морей въ укромномъ уголкѣ подполюсной Азiи, бывъ ограждены со стороны материка отрогами Становаго хребта, рѣками Анадырю, Омолоемъ и Колымою, а горше всего тундрами и пустынями, Чукчи долго ускользали отъ ординаго взора покорителей Сибири. Наконецъ дошла и до нихъ чреда. Команда Маіора Навлуцкаго употреблена была противъ не мирныхъ, для ихъ обласкиванiя. Но походы, возобновлявшіеся съ 1752 по 1744 годъ, не принесли ожидаемой пользы. Слава же побѣды надъ сердцами Чукчей досталась тому оружию, о которомъ сказано : *оружiя воинства наше-*

го не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердемъ (11).

Всѣ помянутыя доселѣ племена принадлежатъ исключительно къ Сѣверной полосѣ. На Югѣ же Сибири разноплеменность почти исчезаетъ. Между тѣмъ какъ для чело-вѣка, въ его житейскомъ быту, всего есте-ственноѣе было стремиться туда, гдѣ при-рода благосклоннѣе, гдѣ обиліе тучныхъ пажитей.

Когда же этого не случилось, то коне-чно Ордамъ, наводнявшимъ Сѣверъ Сибири, не легко было завладѣвать ея Югомъ. Вѣр-но у туземнаго народа доставало и силъ и мужества къ отраженію чуждыхъ пришель-цевъ. Кто же былъ этотъ народъ?

Ученыя изслѣдованія Синологовъ не по-зволяютъ сомнѣваться, что въ странахъ, лежащихъ на Сѣверо-Востокъ отъ Великой Стѣны, по пустынямъ, сопредѣльными Сѣ-верному Китаю, съ самыхъ древнихъ вре-менъ обитали Тунгусскія и Монгольскія племена. Эти же племена, и только онѣ,— обитали на Югѣ Сибири при ея покореніи.

Отечествомъ Тунгусовъ — Сушень, бы-ла нынѣшняя Манчжурія. Тамъ и донынѣ разныя поколѣнія ихъ, соединившись подѣ

общимъ именемъ Манчжуровъ, составляютъ господствующее народонаселеніе (12).

Но Тунгусъ, волею или неволею, давно перешагнулъ за предѣлы своей отчизны. Беззаботно раскидываетъ онъ шатеръ свой на равнинахъ Даурскихъ; восхищаетъ путника стадами оленей на берегахъ Лены и Енисея, Колымы и Алдана; является будто привидѣніе съ колчаномъ въ рукѣ, среди непроходимыхъ дебрей, горъ и лѣсовъ, на всемъ протяженіи отъ Амура до Анадыри. Во дни покоренія Сибири Тунгусы умѣли показать свой героизмъ. И объясаченіе ихъ, особенно въ прибайкальскихъ странахъ, совершилось довольно поздно: не ранѣе 1657 года.

Тунгусы раздѣляются на бродячихъ и кочевыхъ. Бродячіе, почти дикари, любятъ горы и лѣса, переходятъ съ мѣста на мѣсто не большими партіями, или такъ сказать отдѣльными семьями и носятъ различныя мѣстные названія, съ разными отбѣнками въ характерѣ и языкѣ (13).

Кочующіе (или степные) Тунгусы въ числѣ 10 родовъ сосредоточены въ Нерчинскомъ краѣ и обитаютъ отъ верховьевъ Нерчи до Аргуни, по Онону, Ингадѣ, Тургѣ, Ачингѣ, и по другимъ этого бассейна рѣкамъ.

Все они носят общее названіе Хамнигановъ (14), находятся подъ непосредственнымъ вѣденіемъ шести степныхъ думъ и составляютъ наследственный удѣлъ Князя Гантимура (15). Большинство ихъ давно приклонилось къ Буддизму, остальные еще держатся Шаманства или влаются между обоими вѣрованіями.

Другое изъ Южныхъ племенъ — Монгольское существуетъ въ Сибири подъ именемъ Бурятовъ. Буряты сравнительно съ Тунгусами представляютъ болѣе осѣдлости и сосредоточенія. Сколько еродень Тунгусъ къ дикой жизни, столько Буряты къ жизни кочевой, въ собственномъ значеніи сего слова. Степныя и благопріятныя для стада мѣста составляютъ стихію жизни Бурята. И потому въ теченіи вѣковъ никакою силою обстоятельствъ не отодвинуть онъ отъ роднаго Юга. Не дальше верховьевъ Лены предѣлъ Сѣверному его переходу.

Буряты многочисленнѣе всѣхъ другихъ инородцевъ, обитающихъ въ Восточной Сибири. И въ управленіи ихъ по преимуществу выражается типъ первобытной удѣльности. Состоя подъ непосредственнымъ вѣденіемъ наследственныхъ Тайшей и Шу-

ленгъ, раздѣляются они, подобно прочимъ инородцамъ, на поколѣнія или роды (отокъ).

Таковыхъ родовъ въ Дауріи, иначе за Яблоновымъ хребтомъ, числится шестнадцать и всѣ они слѣдуютъ Буддійскому вѣроученію ⁽¹⁶⁾.

По сию сторону Яблоноваго хребта, т. е. въ Верхнеудинскомъ округѣ, по рр. Удѣ и Хилку (Килгу) тянутся кочевья Харинцевъ. Лѣтъ за тридцать, племя это составляло одну семью съ Нерчинскими Монголами и ему первому усвоено было наименованіе Харіата, измѣненнаго потомъ въ Бурята. Впрочемъ замѣтимъ мимоходомъ: мнѣніе ученыхъ склоняется болѣе къ тому, что слово Бурять тождественно съ словомъ Урять, сохранившимся въ названіи Орды, обитающей у р. Гоанга, выше земли Ортусской (Зап. о Мон. Іак. III. 2).

Кударинцы обитаютъ по Байкальскому побережью, близъ устья Селенги. Ихъ не много.

Баргузинцы на Сѣверо-Восточной оконечности Байкала и по р. Баргузинкѣ. Племя это, равно какъ и Кударинское не велико; но занимаемая имъ мѣста очень обширны.

Селенгинцы, или Цонголы, дѣлятся на 18 родовъ и кочуютъ по Селенгѣ, Чикою Боргѣ, Джидѣ (дзедѣ—мѣдѣ) и Темнику. Цонголы прежде другихъ подверглись обаянію Буддизма, и донинѣ слѣпо преданы ему.

Тункинскіе и Обинскіе, въ числѣ 16 родовъ, обитаютъ къ Сѣверо-западу отъ Байкала въ ложбинахъ и долинахъ между Байкальскими и Саянскими горами. Верховья Оки и прибрежья Пркута наиболѣе покрыты ихъ кочевьями.

Идинскіе Буряты и 27 родовъ Балаганскихъ размѣщены ниже Пркутска на степяхъ, прилегающихъ къ Ангарѣ.

Сосѣди ихъ Аларцы раздѣляются на девять родовъ, изъ коихъ одинъ считается Тунгусскимъ. Степь Аларская заключена между Московскимъ трактомъ и Саянскимъ хребтомъ. Рѣка Преть есть лучшее украшеніе этой мѣстности⁽¹⁷⁾.

Кудинскіе ближе всѣхъ другихъ къ Пркутску. Кто проѣзжалъ до Качугской пристани, тотъ знаетъ, какъ живописно пестрѣются кочевья ихъ по рѣчкѣ Кудѣ и въ окрестностяхъ Ордынскаго озера. Земли Кудинцевъ тянутся до Байкала. И тамъ граничатъ съ одной стороны съ удѣломъ Оль-

хонцевъ, помѣщающихся на Байкальскомъ островѣ Ольхонѣ, съ другой съ удѣломъ Верхоленскихъ Бурятъ, которыхъ улусы разсыпаны отъ Восточныхъ высотъ Байкала до Верхоленскаго острога, и здѣсь замыкается ими длинная цѣнь Бурятскаго населенія (18).

Въ заключеніе статьи этой замѣтимъ: хотя отъ присоединенія Сибири къ державѣ Россійской протекло уже около 250 лѣтъ (19), но бытъ Сибирскихъ инородцевъ не представляетъ ощутительныхъ перемѣнъ. Гдѣ нескони водворялись племена, тамъ и нынѣ ихъ же видимъ, и видимъ во всей простотѣ вѣка Авраамова. Домо-обзаведеніе ихъ ограничено убогою кущею, потребности въ пищу и одеждѣ не простираются далѣе того, что получается отъ стада; дѣятельность и житейскія развлеченія сосредоточены въ передвиженіи изъ дебри въ дебрь, изъ пустыни въ пустыню. — Исключеніе дѣлають собою лишь тѣ изъ инородцевъ, которые постоянно находясь подъ вліяніемъ Русскаго народонаселенія, невольно свѣкаются съ его образомъ жизни и начинаютъ постигать, что не скитальческая беззаботность, а трудъ подъемлемый въ потѣ

лица, составляетъ прямое назначеніе чело-
вѣка.

Вѣра старинныхъ обитателей Сибири
имѣла одинъ общій характеръ, слѣды кото-
раго видимы еще въ остаткахъ Шаманства,
Но единство это давно рушилось, бывъ по-
трясено силою обстоятельствъ.

По раздробленіи огромной Монгольской
монархіи, сперва приволжскіе Татары, вхо-
дившіе въ связь съ Турецкими поколѣнія-
ми, а потомъ и Азіійскіе стали измѣняться
изъ идолопоклонниковъ въ Магометанъ.

Религіозный переворотъ начался въ За-
падной Сибири при Кучумъ ⁽²⁰⁾. Преданіе
говоритъ, что ханъ этотъ, обманутый мни-
мыми откровеніями Бухарскаго пришлеца,
позволилъ ему возстановить память преж-
нихъ проповѣдниковъ, убитыхъ въ Сибири
за исламизмъ, вызвалъ изъ Казани муллъ
и повелѣлъ вводить новую вѣру.

Но поелику намѣреніямъ Царя не со-
отвѣтствовали убѣжденія подданныхъ его:
то дѣло подчинилось обычнымъ въ исламиз-
мѣ мѣрамъ. Кучумъ взялся за мечъ. Къ то-
му же расположилъ и отца своего Муртазу,
Бухарскаго властителя. Отъ послѣдняго при-
слано было войско подъ начальствомъ стар-

шаго его сына Ахметъ-Гирея и вмѣстѣ цѣлый легіонъ муллъ и Абызовъ.

Тогда для народа одно оставалось: покориться необходимости. Лишь жившіе въ глуши и въ отдаленности отъ ханской столицы могли еще сохранять прежнюю свою вѣру. И это досталось на долю Остяковъ и немногихъ Татаръ около Туринска, Барабы и въ Лебаутскихъ юртахъ, между Тобольскимъ и Демьянскимъ ямомъ.

Съ приходомъ Русскихъ, насилія со стороны фанатическихъ ревнителей сами собою прекратились. Но Магометанизмъ не ослабъ. Онъ больше и больше укоренялся. Ибо грубая чувственность новыхъ его адептовъ служила самою благопріятною для него почвою.

Нельзя думать, чтобъ дѣло толикой важности ускользало отъ вниманія Властей. Но обстоятельства края были таковы, что на многое надлежало смотрѣть сквозь пальцы. Особенно благоразуміе предписывало не затрогивать совѣсти людей, доколѣ ничто не ручалось ни за вѣрность ихъ, ни за покорность.

Въ ожиданіи же лучшихъ временъ, столѣтіе умчалось для Сибири. Между тѣмъ родъ пре-

ходилъ и приходилъ, всасывая съ матернимъ млекою привязанность къ тому, что сперва слою навязано было. И теперь въ поклонникахъ жееророка видимъ то окаменѣвше сердце, которое одинъ Всемогущій можетъ отъять.

Магометанизъмъ, вторгнувшись съ Запада, не проникъ на Востокъ далѣе Енисея. И это было благодѣяніемъ для обитателей остальной Сибири.

Промыслъ, избавляя ихъ отъ сѣтей новаго жеученія, тѣмъ самымъ приближалъ ко свѣту своего откровенія. И дѣйствительно многія изъ племенъ сихъ не укоснили покориться Вѣрѣ Христовой, какъ только оглашены были Евангельскою проповѣдію.

Изъ необратившихся же одиѣ пребыли въ томъ самомъ язычествѣ, которое некогда существовало въ Азіи, и которое извѣстно подъ именемъ Шаманства; другіе предались Буддизму.

Обстоятельства событія сего объяснимъ въ послѣдствіи. Здѣсь же замѣтимъ, что Буддизмъ, случайно явившись въ дальнихъ предѣлахъ отечества нашего, умѣлъ стать твердою ногою, воздвигъ капища, обстановилъ себя легиономъ жрецовъ и болѣе столѣтія

господствуетъ отъ Амура до Лены, надъ значительнѣйшею частію Монголо-Бурятскаго и Тунгусскаго племени.

Явленіе это, отъ какихъ причинъ ни происходило бы, не должно ускользать отъ взора и вниманія благомыслящихъ. И чѣмъ глубже гентилизмъ въ виду Православнаго населенія пускаетъ корни свои, — чѣмъ большія массы народа увлечены въ его сѣти, тѣмъ вяцшія даются побужденія къ раскрытію источныхъ началъ зла, къ обнаженію основаній, на которыхъ утверждается столпъ лжемудрія.

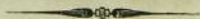
Мысль эта водила перомъ моимъ. Ею воодушевляемый посвящалъ я часы досуга на изученіе Буддизма, — его теоріи и практики, его внутренняго и вѣшняго характера. А шестнадцатилѣтнее служеніе мое въ Восточной Сибири, многократныя путешествія, обозрѣнія капищъ, сношенія съ туземными племенами и другія условія способствовали мнѣ въ трудѣ моемъ, и не разъ давали возможность снимать завѣсу съ самыхъ глубокихъ мистерій.

Впрочемъ обращаясь къ пособіямъ науки и опыта, никогда не терялъ я изъ виду Ганджуръ-Данджура, его держался какъ

аріадниої нити. Въ особенності старался
имѣть подь рукою

۱۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰
 ۱۰۰۰۰۰۰۰

Внося въ текстъ сочиненія своего фразы
и цѣлыя періоды Монгольскіе и Тибетскіе,
желалъ я облегчить трудъ справокъ съ ори-
гиналами и показать, сколь вѣрны принятыя
мною начала. Но достигнута ли желанная
цѣль, и въ какой степени, — о томъ судъ
дадутъ читатели.

СТАТЬИ

I.

Общій взглядъ на Буддійское отроченіе.

Буддизмъ, порожденный во времена Гомеровскія, признаетъ законоположникомъ своимъ Шигемунія и отъ него ведетъ священную свою эру, по которой нынѣ (въ 1837 г.) считается 2894-й годъ.

Дѣлится онъ на двѣ секты—фонстовъ и ламъ. Первая удержалась въ Китаѣ, а послѣдняя въ Индіи, Тибетѣ и Монголіи. Существенное между сектами различіе въ томъ заключается, что одна изъ нихъ имѣетъ іерархію, у другой напротивъ нѣтъ ея.

Догматизмъ Буддійскій представляя легионъ боговъ, приукрашаетъ исторію ихъ тысячами мифовъ и всеми мечтами, какія только могли родиться подъ пламеннымъ небомъ Индіи.

Въ нравственныхъ урокахъ видно стремленіе къ аскетизму; возвѣщается вѣчная

16781 (119999)

ГЦ Историко-краевѣдческий отдел

ГЦ ФОНД РЕДКИХ КНИГ

борьба духа съ матеріею и дѣлаются попытки дать въ природѣ человѣческой перевѣсъ первому.

Въ обрядовой части Буддизмъ приводитъ въ дѣйство все пружины древняго язычества. Дивитъ разнообразіемъ хураловъ и гурумовъ, вдается въ оргіи и допускаетъ экстазы, не разнящіеся отъ индійскихъ и шаманскихъ (21).

Предваривъ читателя о такомъ взглядѣ нашемъ на Буддійское вѣроученіе, приступаемъ къ раскрытію его частныхъ.

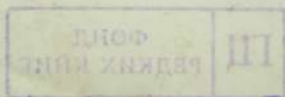
С Т А Т Ь Я

II.

Происхожденіе міра.

Буддійская Космологія была предметомъ изслѣдованія многихъ ученыхъ. Многие старались привести къ началу единства разсѣянные по Буддійскимъ книгамъ сказанія о вселенной и ея Создателѣ.

Но мракъ Ганджур—Данджура, его неопредѣленность и двусмысленность, обыкновенныя свойства Мифовъ, дѣлали то, что изыскатели, идучи къ цѣли своей какъ бы

ощушно, терялись въ гаданіяхъ и составляли системы, чуждыя понятіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ живетъ и умираетъ Буддистъ.

Въ этомъ сознаются сами составители системъ. Вотъ слова одного изъ нихъ : спросите любаго Бурята, или Тунгуса о предвѣчной причинѣ всего видимаго, и получите въ отвѣтъ, что Бурханъ, т. е. Будда почитается началомъ творческимъ. Но Буддійскія книги не знаютъ Всевышняго Существа, создавшаго все видимое и невидимое ; а вмѣсто Всемогущаго Бога, принимаютъ двѣ первоначальныя силы, т. е. духъ и матерію, отъ дѣйствія коихъ міръ происходитъ, совершенствуется, разрушается и по истеченіи времени опять возраждается (22). >

Мы съ своей стороны, при всемъ уваженіи къ автору цитуемой книги и подобнымъ ему ученымъ мыслителямъ, не разделяемъ съ ними мнѣнія, будто вѣра Буддистовъ въ Творца вселенныя не находитъ основаній. Намъ кажется, что основанія очень видимы. Ибо священный Буддійскій кодексъ стократно называетъ Бога безначальнымъ и вѣчнымъ—*теригулеши зрей*,
2

муку (*), Творцемъ всего видимаго и невидимаго — *удзекдекун ба, улу удзекдекун халюги буту-гекчи*, стократно возбуждаетъ благоговѣннѣ къ Нему, какъ къ верховному Владыкѣ, источнику жизни—*амини залгакчи*, и начальной причинѣ всякаго бытія — *анхан, теригутен*. Такъ въ Арансалѣ читаемъ Тибетскій стихъ :

*Сашн бойджи джукиши медокдан,
Рирабѣ линши нида джамбади,
Санджей шинду микдо пулбеть,
Догун намдакѣ шинла джот баршок.*

Въ чинѣ Богослужебномъ стихъ этотъ непосредственно слѣдуетъ за ключемъ закона — *номун тулкигур*, и тѣмъ показывается важность и общность содержащагося въ немъ ученія. А Монголы, внесши его въ катихизическое свое ученіе— *итегелъ*, составили слѣдующее нравственное правило :

*Гадзар делекей болон, Сумбер агула
теригутени бутуген,
Куджись-ер Сурчиджу,*

(*) Предъувѣдомляемъ читателя, что вносилъ въ текстъ свой Монгольскія и Тибетскія слова принялись мы къ выговору забайкальскихъ Монголо-Бурятъ: такъ какъ и всѣ изслѣдованія наши къ нимъ по преимуществу относятся.

*Октаргой-ги наран сарань-эр чимексен,
Бурхандор ачи мандал ургуйе,*

Смысль словъ такой : Тому Богу, который сотворилъ гору Сумберъ и весь міръ, который даровалъ землѣ изобиліе плодовъ, а небо украсилъ солнцемъ и луною, должны мы приносить хвалу и благодареніе (23).

На данныхъ этого рода основано повѣствованіе, къ которому приступаемъ. И мы соблюдая возможную краткость рѣчи, изложимъ его такъ, какъ слышится оно и въ капищѣ и въ кущѣ Буддиста.

Всевышній — *дегере-угей дегеду*, Абидда благость и силу свою первоначально явилъ въ сотвореніи безчисленнаго множества горныхъ, невещественныхъ міровъ, извѣстныхъ подъ именемъ Нирваны т. е. покоища (24).

Въ средоточіи ихъ далъ онъ мѣсто двадцати четверемъ Райскимъ обителямъ — *таріалангун оронъ*, вѣнецъ которыхъ составляютъ пять отдѣловъ, служащихъ жилищемъ самому Абиддѣ и четверемъ ближайшимъ къ нему Буддамъ (25).

Свѣтъ, покой и радость суть вѣчный удѣлъ странъ сихъ. Тамъ нѣтъ тлѣнія и превратностей; тамъ не знаютъ суеты и за-

ботъ житейскихъ, не старѣются и не умираютъ: тамъ текутъ источники воды живой и благоухаетъ священная діана, тамъ все облечено въ чистѣйшую одежду шапшабатовъ, все озаряется премудростію верховнаго Владыки (Мани Гам. бул. 1).

Боги наслаждаются этимъ счастьемъ, и они достойны его. Но для существъ менѣе совершенныхъ требуются иныя условія бытія. И потому въ путяхъ судебъ признанъ былъ необходимымъ міръ органической, стихійный — *Саба-сими, Сансар, орчилангуи пртыицу*.

Вещественнымъ для міра сего началомъ послужилъ райскій цвѣтокъ — *Бадма Линхова*. Ибо его сердцевиною воспользовался Творецъ для произведенія воздуха и образованія изъ него воздушной сферы, похожей на Луну ⁽²⁶⁾.

Положивъ міровыя основанія и утвердивъ ихъ всемошною своею силою, Абида за благо призналъ остаться въ иѣкоемъ покоѣ: а честь дальнѣйшаго устроенія вселенной, и сопряженныя съ тѣмъ заботы предоставилъ другимъ.

Въ видахъ сихъ допущено было рожденіе изъ свѣта праваго глаза Абиды двухъ

геніевъ — *хубилган* — Урай аргату Манджушири и Ариаболо (27).

И вотъ первый изъ нихъ, какъ мудрый архитекторъ, вступивши въ права свои, дѣло міротворенія повелъ слѣдующимъ порядкомъ.

Творческою силою — *хубилгану бимберъ*, въ пустыхъ пространствахъ — *хогосон*, превыше воздушной сферы образовалось облако.

Пролившійся изъ него дождь произвелъ водную сферу — *усун мандал ниген тугурик цаган*, и море называемое нижнимъ — *дорадо далай*, море бездонное, несящееся на воздухъ и только имъ поддерживаемое. Сперва колебалось оно, бушевало и цѣпилось, наконецъ цѣпистая поверхность его мало по малу отвердѣла. И тогда явился золотой материкъ, покрывающій пространство на 520 беровъ (28).

Это земля первой эпохи міра, земля дѣвственная, служившая какъ бы зеркаломъ для вѣка золотаго. Но она далеко не соответствовала послѣднимъ цѣлямъ творенія. Покрывавшія ее безчисленныя горы зіяли вертепами и пропастями, Въ наружномъ видѣ не было пріятнаго разнообразія. Всѣ

части цѣлаго имѣли одинъ типъ, походили на опрокинутый котелъ — *кумуриксен того мету*.

При томъ будучи лишена влаги, земля не могла быть способною и для жизни существъ органическихъ. Словомъ, она была безобразна и пуста.

Въ отвращеніе такихъ неудобствъ, пролился новый дождь изъ облака драгоцѣннаго, преизобиловавшего всѣми дарами природы — *элдеб орон теусексен эуленэце*, и дхвуть бурный духъ Сансары. Подъ вліяніемъ могучихъ двигателей получило бытіе свое Вышнее или Соленое море — *гадагату, худжирту далай*, и появился Сумберъ (сумерь) — это дивное вмѣстилище четырехъ драгоцѣнностей — золота, серебра, яхонта и лазурика, съ окружающими его семью золотыми горами и семью увеселительными морями, исключительно предназначенными для лусун — хана, какъ царя водъ.

Къ сему же времени относится раздѣленіе земли по ея тибамъ, огражденіе ея желѣзными стѣнами и произведеніе на ней растительности, необходимой для жизни тварей (29).

СТАТЬЯ

III.

Первые обитатели видимаго міра—Тенгеринны
и паденіе ихъ.

Выше сказали мы, что первыми обитателями горныхъ міровъ были боги. На долю нашего міра, міра *Саба-силы*, честь эта никогда не доставалась. При самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ въ немъ живали только Тенгеринны (тегрин).

Духи эти занимая три различныя сферы, входящія въ составъ зримой нами вселенной⁽³⁰⁾, не могли не имѣть взаимнаго между собою различія. Но все вообще были они невинны и блаженны.

Со временемъ нѣкоторые изъ Тенгеринновъ, по безразсудной првхоти, обратили для себя въ пищу вещество, которое ни мало не соотвѣтствовало духовной ихъ натурѣ. Это былъ сокъ (шиме) бѣлоцвѣтнаго Аршіана, походившій вкусомъ на медъ.

Другіе, увлекаясь примѣромъ собратіи своихъ, стали ѣсть земное масло, плоды —

ногогану ой и наконецъ Салу, изъ рода проса (31). Словомъ, Тенгерины съ каждымъ днемъ умножали свои прихоти и дѣлались рабами грубой чувственности. А такое поведеніе естественно влекло за собою пагубныя слѣдствія.

По мѣрѣ питанія земными яствами, эфирность тѣла огрубѣвала, блескъ исчезалъ — *быши герыл-ину угей бологат, хаб харангой болбай*, страсти брали верхъ надъ силами ума и воли, и способствовали къ умноженію кровожадныхъ якчис—ракчи-совъ и всѣхъ тѣхъ существъ, которыя извѣстны подъ именемъ падшихъ (32). Съ другой стороны, вышняя природа, постепенно умаляя для нарушителей нравственнаго порядка дары свои, дѣлала ихъ жертвою нужды и лишеній (33).

Въ это время верховный Будда приказалъ Аріаболо посмотреть, что дѣется на землѣ. И когда сердобольный геній взглянулъ на нее съ вершины Сумбера, то ему представилось плачевнѣйшее зрѣлище: ибо духи, какъ снѣгъ, падали съ высоты величія своего, бывъ влекомы какою-то злосчастною судьбиной—*гурбан лагу залану*. Смущенный Аріаболо не зналъ что дѣлать.

Онъ плакалъ, вопилъ, терзался и даже готовъ былъ, вопреки данному имъ обѣту, примѣнить обычную свою милость на мечь. Дальнѣйшаго бореиія чувствъ и помысловъ природа не могла выдержать: голова Ариаболы разсѣлась на десять частей ⁽³⁴⁾.

Случай этотъ, довершая собою мракъ картины, представляемой Сансарою, разительнo показалъ, что на землѣ нельзя оставаться долѣе существующему порядку, какъ потрясенному въ самыхъ основаніяхъ своевољствомъ Тенгериновъ. И такъ Абида рѣшился произвестъ величайшія реформы.

Но прежде всякаго новаго дѣла взрѣлъ онъ окомъ состраданія на несчастнаго Ариаболо и сокрушенной головѣ его возвратилъ прежнюю цѣлость.

За тѣмъ въ предотвращеніе злoключеній, подобныхъ случившемуся, а тѣмъ болѣе въ видахъ доставленія наибольшей возможности дѣлать добро, Ариаболо надѣленъ многими талантами.

Абида благословилъ (адислан) его одиннадцатю лицами и далъ ему тысячу рукъ съ такимъ же числомъ глазъ. Сверхъ того, примѣнительно къ шести классамъ настоя-

щихъ и будущихъ существъ, вооружилъ его шестью таинственными словами; *ом, ма, ни, бад, ме, хом* (35).

Совершивъ такимъ образомъ дѣла любви своей къ Ариаболо, или лучше изобразивъ себя въ немъ (36), Абида приступилъ къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ, требовавшимся законами правды.

Прежде всего надлежало обуздать своевольныхъ Тенгериновъ. А потому приступлено было къ учрежденію надъ ними власти. И Абида поступилъ при этомъ случаѣ также, какъ было поступлено при сотвореніи Ариаболо съ Манджушириномъ.

Онъ испустилъ, только не изъ глазъ уже, а изъ тѣла своего шесть свѣтовъ — *быин-еце бен джурган герыл цацарулан*, и способомъ емъ произвелъ шесть сильныхъ духовъ, въ значеніи властителей и наставниковъ — *чидакчи бакши, хаганъ*. Это были: Хормузда, Бималазедери, Шигемунн, Шакджин — Арсаланъ, Октаргойн-сан и Номун-ханъ (37). Все они должны были отправиться въ назначенныя имъ мѣста и принять бразды правленія надъ тѣмъ, или другимъ классомъ существъ, вступившихъ на пути перерожденій и преселеній.

Въ это же время оказались нужными Солнце, Луна и Звѣзды. Ибо огрубѣлая натура падшихъ, бывъ лишена внутренняго свѣта, не могла уже обойтись безъ свѣта внѣшняго.

С Т А Т Ь Я

IV.

Первой въ міръ человекъ и первая цета.

Устроивъ порядокъ міровыхъ дѣлъ, Абида за благо призналъ восполнить пустоту—*хосони*, ощутившуюся на землѣ послѣ паденія Тенгериновъ. Въ видахъ сихъ произвелъ онъ новое существо изъ свѣта лѣвой ладони своей—*дзегун алаган еце герыл цацарулан*. Существо это былъ Бодисадъ, Хан-шара бычина, по имени Мавдза ⁽³⁸⁾.

По сотвореніи, Абида спросилъ Мандзу: согласенъ ли онъ отправиться въ Сѣверныя страны (конечно по отношенію къ Индіи) и тамъ въ качествѣ пустынноика (діанчи) совершить испытательный подвигъ, чтобы въ послѣдствіи сдѣлаться сноснѣшникомъ боговъ въ дѣлѣ умноженія рода человѣческаго ⁽³⁹⁾.

И когда Мандза изъявилъ на это готовность, то Абида даровалъ ему нужныя для подвиговъ силы, указалъ пути и начерталъ правила жизни, соответствующія Убашинскимъ обѣтамъ — *убашин санвари*.

Iussit coelumque tueri

Et erectos ad sidera tollere vultus.

Ovid. in Metam.

Благоуханный Утей сангун агула, — такъ называлось мѣсто, гдѣ водворился Мандза — срѣтилъ пришельца съ таинственнымъ безмолвіемъ, представилъ взору его величіе горныхъ странъ, всѣ красоты дѣвственной природы. И пустынный нашъ выспреннимъ духа своего пареніемъ надѣялся доказать, что ему, какъ посящему въ себѣ образъ Уран-Мандзуширина, принадлежитъ честь быть представителемъ на землѣ мудрости боговъ — *divinae in terris sapientiae quandam quasi repraesentare imaginem*.

Но увы! Въ путяхъ высшихъ судебъ бѣдному отшельнику готовилась иная доля. Среди глубокихъ созерцаній, въ часы молитвеннаго изліянія чувствъ, невѣдомо откуда и какъ предстала предъ Бодпсадою жена горъ — *хадейн эме*, Ракчиса, и со всею откровенностію объявила о непремѣн-

номъ своемъ намѣреніи вступить въ права супруги (40).

Бодисадъ изумился и не удостоилъ Ракчису ни словомъ, ни взглядомъ. Однакожъ по сѣтительница, не оскорбляясь холодностію, настаивала на своемъ предложеніи, сынала ласкательства, перемѣняла образъ свой, упрасивала, умоляла и наконецъ стала грозить непримиримою враждою, могущею обратиться въ погибель всѣмъ тварямъ (41).

Подъ гнетомъ только тяжкихъ испытаній, Мандза провелъ семь сутокъ и не колебался. Такъ твердъ и могущественъ былъ духъ его!

Qui hostem vicerat, illo fortior fuit,
 Qui libidinem repressit se ipso fortior fuit.
Erasm. in mil Christ.

При неотступности же Ракчисы, надлежало положить какой либо конецъ приключенію. Принять Ракчису — и пожертвовать достоинствомъ Убани; или отринуть ее — и сдѣлаться жертвою лютости местн.

Съ тоскою въ душѣ Бодисадъ отправился къ верховному Буддѣ и изложилъ предъ нимъ всѣ чувства свои. Выслушавши жалобу, Будда отвѣчалъ, что домогательство Ракчисы не повлечетъ за собою дурныхъ по-

слѣдствій; напротивъ оно послужить къ умноженію рода человѣческаго и даже къ распространенію законовъ.

Въ слѣдъ за симъ Абида, при участіи Эрким-Дары, благословилъ брачный союзъ Мандзы съ Ракчисою, обѣщая первому главенство — *манлай болою*, надъ всеми племенами, имѣющими отъ него произойти⁽⁴²⁾.

Такимъ образомъ Мандза сдѣлался сунругомъ, а потомъ и отцемъ шестерыхъ дѣтей. Оставалось наслаждаться семейнымъ счастьемъ. Но счастье это мелькнувъ, какъ призракъ, предъ очами Мандзы, мгновенно исчезло, чтобъ дать урокъ :

Ita comparatum in aetate hominum,

Ita diis placitum; voluptati ut moeror consequatur.

Plaut in Amph.

По мѣрѣ того, какъ дѣти Шара-бычин-Хана приходили въ возрастъ, расло и горе его. Каждый день открывалъ въ нихъ новые недостатки, давалъ случай испытывать отъ нихъ новыя огорченія и убѣждаться, что физическому ихъ безобразію не уступаетъ нравственное⁽⁴³⁾.

1-й изъ сыновъ, при вяломъ характерѣ, предавался лѣни и безпечности. 2-й дышалъ

злобою и местию, искалъ вражды и кра-
моль — *урин, килен, ике баилдогана ду-
ратей*. 3-й не былъ постоянень ни въ до-
брѣ, ни въ злѣ; лишь корыстолюбіе — *эт
агурсана дуратей*, никогда не оставляло
его. 4-й не имѣя здраваго смысла, не отли-
чался отъ безсловесныхъ тварей — *саин
магу-ги улу илан, ухаган медел угей*.
5-й какъ истый Танталъ, всегда алкалъ,
всегда жаждалъ — *идеген, ундагана хобдак*.
6-й совмѣщалъ въ себѣ ярость съ упор-
ствомъ, болѣзненность съ тоскою — *килен
киет, кердзегей болон, дзоболан ике
джирюкетей болбай* (М. Гам. гл. 55).

Но какъ ни дурны и ни кровожадны —
миха чисун дуратей, были дѣти Мандзы,
сравнительно съ Ракчисою онѣ казались
добрыми. Ибо лютость этой фуріи не имѣ-
ла границъ. А потому Мандза, опасаясь,
чтобы она будучи бичемъ страны, не погу-
била со временемъ и собственного семей-
ства, рѣшился бѣжать отъ нея. Итакъ взяв-
ши съ собою дѣтей, пошелъ онъ въ правую
сторону и поселился въ пустынь, называе-
мой Сборною ⁽⁴⁴⁾.

Пустыня избавила Мандзу отъ Ракчисы,
но не отъ тревогъ и терзаній. Да и могли ль

строптивья дѣти дать покой отцу? Особенно тяжкимъ сдѣлалось положеніе его, когда семейство, умножившись до четырехъ сотъ душъ, не находило средствъ къ пропитанію себя и угрожалось голодною смертію.

Въ крайности такой, Мандза явился предъ Абидою и повергшись предъ нимъ — *бакшидор одогат, тегундор мургун*, сказалъ : Я несчастенъ! Узы брачнаго союза влекутъ меня, какъ жертву невѣжества, въ неизбѣжную погибель. Но ты самъ созволялъ на союзъ мой. Будь же теперь моимъ избавителемъ ⁽⁴⁵⁾!

Внявъ воплю злосчастнаго отца, Абида вступилъ съ нимъ въ бесѣду и объяснилъ ему причины и цѣль постигшихъ его испытаній; убѣждалъ не сомнѣваться — *сеткил дамджик бу бари*, въ непреложной вѣрности данныхъ ему обѣщаній и ожидать съ терпѣніемъ того времени, когда потомки его премѣнятъ звѣринный образъ Бычиновъ на образъ достоинству чловѣка соответствующій и стануть пецись о нравственномъ своемъ усовершеніи ⁽⁴⁶⁾.

А дабы положить начало преобразованію, Абида надѣливъ Мандзу семью родами сѣмянъ, повелѣлъ воздѣлывать землю и отъ

плодовъ ея питаться (47). Самъ же принялъ трудъ засѣять снѣжныя страны золотомъ, серебромъ и всякаго рода драгоценностями (48). Наконецъ, къ довершенію благодѣяній, возвѣстилъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ живутъ потомки Мандзы, никогда не оскудѣютъ мудрые вожди и наставники (49).

Мандза, возблагодаривъ за благодѣянія, поспѣшилъ исполнить велѣнія Будды (50). И проходя море житейской суеты, до самаго преселенія въ міръ Nirваны, вѣренъ былъ правилу :

Ἀνέχου κατέχου — будь терпѣливъ и воздерженъ.

Съ другой стороны и дѣти его, послѣ многихъ уроковъ, покорствуя всевышней волѣ, должны были отъ хищничества перейти къ мирнымъ занятіямъ. А съ перемѣною образа жизни, стали постепенно смягчаться нравы ихъ, исчезло прежнее безобразіе, пробудилось сознаніе человѣческаго достоинства и наконецъ упрочился порядокъ, послужившій началомъ золотого вѣка.

С Т А Т Ь Я

У.

Событія первыхъ временъ и зависящія отъ нихъ судьбы міра.

Вѣрный въ обѣщаніяхъ (бивангиритъ) Абида, не уклонилъ посѣтить землю новыми милостями. Образовавши изъ свѣта своего прекраснѣйшаго Хубилгана, онъ послалъ его въ качествѣ наставника (51).

Посланецъ такой не могъ не обратить на себя вниманія. Неуклюжіе потомки Шарабычин-хана (52) смотрѣли на него, какъ на чудо, и всемѣрно старались узнать причину необычайной его красоты.

Хара мандзу шири (такъ назывался Хубилганъ) удовлетворяя любопытству вопрошателей, умѣлъ дать имъ понятіе о законахъ нравственныхъ, внушить уваженіе къ добродѣтели и направить волю каждаго ко благу ближнихъ (53).

Въ слѣдъ за симъ, люди пожелали имѣть царя. И жребій избранія, падшій на достойнѣйшаго изъ нихъ, упрочилъ общее счастье.

Впрочемъ періодъ, объемлющій первыя пять царствованій, служилъ лишь введеніемъ въ золотой вѣкъ, начавшійся династією Загарвадоновъ ⁽⁵⁴⁾. Итакъ, рѣшаясь представить здѣсь фактъ изъ сей послѣдней эпохи, просимъ вниманія къ преданіямъ старины, къ повѣсти времянь, давно минувшихъ.

Пятый Сатурнова вѣка (анхан галабун) царь, называвшійся Теткун асаракчи Хутукту, имѣлъ достойнѣйшаго сына Намикегу Загарвадона. Наслѣдовалъ престолъ отца, Загарвадонъ наслѣдовалъ и его добродѣтели. Предъ всѣми отличался онъ доблестями ума и сердца; всѣ четыре страны свѣта благоденствовали подъ скипетромъ его мудраго правленія⁽⁵⁵⁾.

Жены Загарвадона, а ихъ было болѣе тысячи, имѣя пребываніе въ отдѣльныхъ дворцахъ, живучи среди довольства и утѣхъ, не уклонялись ни отъ одного правила строгой нравственности, особенно дорожили онѣ добродѣтелию гостепріимства. Каждый пришлецъ, особенно странствующій Брамниъ, обрѣталъ подъ кровомъ ихъ помощь и пристанище. Сего требовалъ отъ женъ своихъ царь, и самъ первый служилъ имъ примѣромъ, внушая, что не слава и богатство, но

добродѣтель счастливымъ дѣлаеть челоуѣка.

Sola me virtus dabit usque tutum, sola beatum.

Horat. od. XIX.

Только достойный своего вѣка царь, лишенъ былъ утѣшенія имѣть наследника. И это обстоятельство погружало въ мрачную думу все царство, отравляло горестію веселіе и радость женъ Загарвадоновыхъ. Однакоже самъ онъ, увѣренный въ правосудіи неба, не терялъ надежды и всегда успокоивался тою мыслию, что боги вспомнятъ о немъ и тяжкому испытанію будетъ положенъ конецъ.

И вотъ однажды заходитъ въ царскій дворецъ бѣдный старикъ въ образѣ Банди (56). Царицы, по обычаю своему, приняли его радушно, успокоили и надѣлили щедрою милостынею. Тогда старецъ спросилъ: Не можетъ ли онъ быть чѣмъ либо полезенъ для своихъ благодѣтельница и чего бы желали онъ? Тысяча женъ въ одинъ голосъ отвѣчали: мы бездѣтны, горимъ желаніемъ имѣть сына наследника. Старецъ спокойно сказалъ: желаніе ваше исполнится. Черезъ годъ у каждой изъ васъ будетъ сынъ, но не безъ условія. Съ этимъ словомъ плюнувъ на землю, такъ продолжалъ онъ рѣчь свою: Вы, желающіе имѣть дѣтей, смѣшайте это

брение съ землею и, прибавивъ къ нему ма-
зин-тосо (родъ масла), сдѣлайте опрѣсноки
и съѣшьте по одному.

Сколь ни странно было такое предложе-
ніе, но царскія жены, за исключеніемъ
трехъ царицъ, не участвовавшихъ въ приѣмѣ
Баньди, не поколебавшись ни на минуту, съ
полнымъ довѣріемъ поспѣшили исполнить
совѣтъ. Не укоснило осуществиться и обѣ-
щанное старцемъ. Ибо чрезъ годъ, дворъ
Загарвадона торжествовалъ рожденіе тыся-
чи сыновъ.

Нужно ли говорить о томъ, что чувство-
вали при общей радости царицы, пренебрег-
шія предложеніемъ старца? Желая испра-
вить плачевную ошибку, всюду искали онѣ
безвѣстнаго странника, всюду спрашивали
о благодѣтельномъ Баньди. Но напрасны
поиски! Существо это покрыто было не-
проницаемою тайною.

Убитыя горемъ царицы, прибѣгаютъ къ
последнему средству. Бросивъ всякое вы-
сокомѣріе, сдѣлавшись скромнѣе аглицевъ,
обращаютъ вниманіе свое, какъ на нѣкую
святыню, на то мѣсто, гдѣ плюнулъ Бань-
ди. И когда было оно указано, царицы го-
рячими слезами оросили землю, взяли

выражена та мысль, что тысяча три сына Загарвадон-хана возводятся на степень боговъ міроправителей, что каждый изъ нихъ долженъ править определенное число тысячелѣтій и въ определенныя эпохи, разграничиваемыя седмичнымъ числомъ міроправленій, съ свойственнымъ каждому характеромъ, съ избыткомъ благъ, или зла.

Столь дивно возвеличенные надъ родомъ смертныхъ, дѣти Загарвадоновы принесли хвалу и благодареніе Абидѣ и вступили въ череду міроправленія.

Первый изъ воспользовавшихся этою честію, по праву старшинства, былъ Шиги. Время его правленія было самое блаженное: люди жили по десяткамъ тысячъ лѣтъ среди покоя и радостей, ни чѣмъ не возмущаемыхъ; самыя стихіи находились тогда въ постоянной гармоніи и тѣмъ умножали счастье обитателей земли (57).

При послѣдующихъ пяти правителяхъ, міръ мало по малу началъ клониться къ упадку, такъ что при воцареніи седьмого — т. е. нынѣшняго правителя Шигемуни, люди жили не больше ста лѣтъ и были игролицемъ страстей. А когда богу сему придется оставить скипетръ правленія, по ис-

теченіи пятитысячнаго срока, то вѣкъ человѣческой уменьшится до десяти годовъ. И люди того времени не будутъ отличатся отъ бессловесныхъ животныхъ.

Тогда-то приметъ бразды правленія Майдари и начнетъ новую седмицу всеобщимъ рода человѣческаго преобразованиемъ, имѣющимъ постепенно идти къ совершенству, въ теченіи седми богоправленій. А за тѣмъ міръ нашъ опять пойдетъ къ упадку. И это мировое коловращеніе будетъ повторяться до послѣдняго изъ тысячи трехъ боговъ — Очирвани.

Въ роковое правленіе Очирвани, ужасы правственнаго нестроенія, а вмѣстѣ и страшныя знаменія будутъ постепенно возрастать, предвѣщая близкую кончину міра. На небѣ явятся сперва два солнца, потомъ четыре, напоследокъ шестнадцать солнцевъ. Растѣнія и животныя отъ невыносимаго жара погибнутъ, рѣки и даже моря изсохнутъ, земля представитъ изъ себя раскаленную печь, а горы стануть дышать пламенемъ. Сила этихъ явленій сдѣлается чувствительною и для Алтан мелекей — золотой лягушки, этого знаменитаго существа, представляющаго собою образъ Уран — ман-

дзу — ширипа, находящагося подъ Сумберомъ и охватывающаго землю. Животное, замѣтивъ оскудѣніе потребной для него влаги, принуждено будетъ оставить теперешнее свое положеніе и оборотиться deorsum. Съ такимъ оборотомъ — увы! весь міръ пойдетъ вверхъ дномъ (38). Но и при этой страшной катастрофѣ, человѣкъ вправѣ еще будетъ сказать о себѣ :

Non omnis moriar, multaque pars mei
 Vitabit libitinam, usque ego postera
 Crescam laude recens. *Horat in Odis.*

С Т А Т Ь Я

VI.

Боги и отношенія ихъ.

Буддизмъ допуская боговъ и богинь, полубоговъ и гевіевъ, дѣлитъ ихъ не только по личному и самостоятельному значенію, но и по отношенію къ классамъ другихъ существъ.

Отсюда происходитъ, что каждый Будда, каждый Бодисадъ и Тенгеринъ отнесены къ

одной изъ четырехъ категорій: мира, учительства, власти, силы—*аморлингой, делгеренгой, эрке, докшинъ*. Это раздѣленіе, извѣстное подъ именемъ Дурбен ундусу — четыре корня, имѣетъ приложеніе ко всей теософій и іерархіи.

Наивысшими считаются Боги въица — *титемун бурхан*: *Абиды, Амога сиди, Бириюзана, Очир* — садова и наконецъ *Радна* — самбоба ⁽⁵⁹⁾. Пятерица, служба символомъ, таинственности, служить вмѣстѣ и предметомъ глубокаго благоговѣнія. Притомъ она удерживаетъ за собою то исключительное преимущество, что четыре корня поставляются въ одинаковомъ къ ней отношеніи и даже выводятся изъ нея, какъ изъ своего начала. Но право первенства остается за *Абидою*; ему принадлежатъ и весь божескія совершенства ⁽⁶⁰⁾.

Какъ свѣтъ огня тысячами подобныхъ себѣ свѣтовъ отражается въ кристаллахъ воды, такъ существо (быи) *Абиды*, при единичности божеской природы— *гакца чинар*, способно проявлять себя въ безконечномъ множествѣ своихъ *Хубилгановъ*, не измѣняя тождеству, а тѣмъ болѣе не нарушая своего покоя — *аморлингой*, невозмущае-

мость котораго составляет неотъемлемый и вѣчный удѣлъ божества.

Въ словѣ Абиды заключается источникъ жизни; чрезъ него же судьбы и повелѣнія божескія распространяются — *демерулку бой*, по всему міру, переходятъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

(Мысль (сеткиль) Абиды въ полномъ смыслѣ всемогущая. Къ чему ни обратится, чего ни коснется, все ей покорствуется, надъ всемъ владычествуетъ она — *эрке баримой*.)

Умъ Абиды всеобъемлющій. Отецъ боговъ все видитъ, все знаетъ въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ. И направляя ходъ міровыхъ событій къ высокимъ цѣлямъ своимъ, даетъ всюду чувствовать безмѣрную премудрости своей силу — *цагласи угей эрдем билигун докшин* ⁽⁶¹⁾.

Во вниманіе къ таковымъ достоинствамъ Абиды, а равно и къ тому, что всѣ обители блаженства — *Сукавадин орон*, находятся въ непосредственномъ его распоряженіи, Буддисты, не смотря на множество боговъ своихъ, въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни къ нему одному молитвенно обращаются. Такъ при похоронахъ унывно поется стихъ :

*Эгерелун орон босот-тор угей болай,
нигулескуй-бер удоридун соурха, лама
Абида!*

то есть :

Божественный Абида! по милости своей,
наставь на путь усоншаго : ибо у тебя од-
ного мѣсто упокоенія.

Въ капищахъ изображенія Абиды зани-
мають почетнѣйшее мѣсто. Огневидный
Будда возсѣдаетъ на престолѣ, бывъ полу-
прикрытъ багряною хламиною. На головѣ у
него черная скуфья — *ракчи*, а въ рукахъ
чаша — *бадар аяха*, служащая эмблеммою
блаженства, которое вкушаетъ онъ и кото-
раго удостоиваются всѣ входящіе къ не-
му ⁽⁶²⁾.

Послѣ боговъ вѣнца, слѣдуютъ міропра-
вители, и въ особенности тѣ изъ нихъ, ко-
торые уже приходили и правили дольнимъ
міромъ въ опредѣленные эпохи. Къ числу
сихъ послѣднихъ принадлежать :

Шиги,
Бисваво,
Диван-гара,
Гана-гамони,
Гарга-сонди,
Гашибъ,
Шигемуни.

Образцем молитвеннаго къ богамъ симъ
воззванія можетъ служить слѣдующій Ти-
бетскій стихъ :

*Санджей намшик дзукдор тамджит-
жан,*

Корба джикден сертуб отсрундан,

Шакджи туба годам лхаилхо:

Санджей баво дулла чакцало.

Къ стиху этому, содержащему эпитеты
помянутыхъ боговъ, Монголы придаютъ за-
ключеніе: *Долон тегунчилен ирексен-дор*
мургумой биде—этой седмилицы, уже при-
шедшей покланяемей.

Встрѣчаются также въ Буддійскомъ ка-
нонѣ пѣснопѣнія и молитвы, равно прила-
гаемая къ каждому изъ боговъ пришедшихъ
и вмѣющихся еще придти. Для примѣра
приводимъ:

Иладжу тегус нукчиксен,

Тегунчилен ирексен,

Даини дароксан,

Унен тегус тогулаксан

Бурхан Шигемуни-дор мургумой биде.

Смысль словъ такой:

Покланяемся богу Шигемуни, который
пришедши въ міръ, одержавъ надъ врагами

своими рѣшительную побѣду и изложивъ ихъ, достигъ истиннаго совершенства.

О Шигемуни, какъ нынѣ царствующемъ Буддѣ, желали бы мы сообщить положительныя свѣденія. Но къ сожалѣнію, жизнь его и дѣянія, основныя начала его теоріи и практики, а тѣмъ болѣе правила, побужденія и цѣли первыхъ адептовъ Буддизма полны противорѣчія, омрачены и искажены самыми нелѣпыми вымыслами.

Итакъ, не полагаясь на мнѣнія и судъ Буддистовъ, обращаемся къ ученымъ ориенталистамъ и, водясь ихъ взглядами, представляемъ читателямъ слѣдующія аподегмы:

1) Шигемуни не есть лицо чисто баснословное. Онъ существовалъ; и существовалъ лѣтъ за тысячу до Рождества Христова. По крайней мѣрѣ, начало Буддійскаго лѣтосчисленія, ведомаго отъ Шигемуни, падаетъ на этотъ періодъ времени.

2) Шакъ-ямунскій родъ, изъ котораго происходилъ Шигемуни, или какъ онъ прежде назывался Сиддарта, владѣлъ не по далеку отъ Непала, сдѣлавшись царственнымъ съ возшествіемъ на престолъ Махасамматы.

3) Родъ этотъ нашелъ сильнаго врага въ Вирудакѣ и былъ весь истребленъ. Одному Сидартѣ удалось найти спасеніе въ бѣгствѣ, на берегахъ рѣки Нираджаны.

4) Ставъ невольнымъ изгнанникомъ, Сидарта навсегда удержалъ за собою названіе Муни-отшельника изъ рода Шакья, т. е. Шакьямуни, или по Монгольской письменности, Шягемуни.

5) Анахоретская, скитальческая, полная тяжелыхъ испытаній жизнь Сидарты не могла не расположить его къ созерцаніямъ и даже къ самому аскетизму. А этого очень достаточно было, чтобъ приобрѣсть почетное названіе Будды, т. е. мудраго; конечно въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ Греческимъ ученымъ и созерцателямъ усвоилось некогда названіе то софистовъ, то философовъ (63).

6) Но чѣмъ болѣе удалялось отъ него потомство, чѣмъ болѣе развивалось его ученіе, тѣмъ необыкновеннѣе становился онъ въ глазахъ своихъ поклонниковъ. Это замѣчается въ самой послѣдовательности разграничивающихъ исторію Буддизма трехъ періодовъ—ханаяны, махаяны, и мистицизма (64).

7) Равнымъ образомъ и общество, основанное Шигемуніемъ, въ началѣ было не иное что, какъ братство нищенствующихъ—*бикшу*, людей, покинувшихъ міръ, рѣшившихся быть странниками и пришельцами. Съ теченіемъ времени, внѣшній и внутренній характеръ общества сталъ измѣняться. Правила жизни его и самая теорія, сдѣлавшись сложнѣе, отвлеченнѣе, дали поводъ различнымъ толкамъ и раздѣлили поклонниковъ Будды на секты (65).

8) Шигемуни умеръ 80-ти лѣтнимъ старикомъ и трупъ его, пообычаю Индѣйскому, былъ сожженъ (66).

Вотъ обстоятельства, не лишеныя историческаго вѣроятія. Все же прочее, или почти все, въ біографіи Шигемуни есть чистый вымыселъ.

Шигемуни, какъ глава и представитель желтаго корня, изображается желтымъ и въ желтомъ жреческомъ одѣяніи, съ чашею въ рукѣ. При немъ находятся, въ качествѣ ассистентовъ—*сойбун*, двое изъ ближайшихъ учениковъ его Ананда и Собади. Они держатъ по жезлу—*дулдей*, и считаются одинъ вопрошателемъ, а другой скоронисцемъ.

Къ этому же разряду покровителей че-

ловѣческаго рода причисляются Бодисады и Махасады, которые хотя и не достигли еще достоинствъ Будды, но бывши родомъ божиимъ — *бурхану ундесун даки илете болбай*,—они естественно расположены ко всякому добру и всегда готовы оказывать потребную помощь и услугу. А потому и право исключительное имѣють набожескія почести.

Далѣе, Буддійская Θεософія даетъ мѣсто такимъ богамъ, которые могучи, но не близки къ человѣку; и болѣе грозны, нежели благотворны. Къ классу сему принадлежать: Хормузда, Бимала-зедери, Шакджин-арсаланъ, Октаргойн-санъ и Эрликханъ.

Первый изъ боговъ сихъ править Тенгеринами, а второй Асуриннами. И для обоихъ мѣстопробываніемъ служить гора Сумберъ. Только Хормузда, съ 55 почетными тенгеринами, обитаетъ на ея вершинѣ, въ жилищѣ, называемомъ Садорвасунъ балгасунъ; а Бимала-зедери въ пещерахъ подъ горою. Изъ остальныхъ трехъ, Шакджин-арсаланъ господствуетъ надъ безсловесными тварями. Октаргойн-санъ надъ Биритами, а Эрликномун-ханъ, иначе Чойжилъ, распоряжается во адѣ.

Этотъ Плутоиъ всегда имѣетъ предъ собою зеркало — *gegen thali*, отражающее всѣ тайности человѣческія, и вѣсы правды—*чиннур*, показывающіе истинную цѣну каждаго дѣянія, слова и мысли. А потому ничто не можетъ отъ него укрыться, или представиться ему лучшимъ, нежели каково есть въ дѣйствительности, равно не можетъ и забытымъ быть. Ибо все сдѣланное человѣкомъ записывается съ величайшею точностію. Когда же душа предстанетъ, то Чойжилъ смотритъ, гдѣ большинство дѣлъ ея—на бѣлой, или черной сторонѣ скипетра его. И по этому рѣшаетъ жребій пресельницы. Тогда сила неотвратимаго рока влечетъ душу, какъбы вѣющую пылинку, въ опредѣленную ей сферу; и тамъ начинается она ощущать послѣдствія прежней своей жизни и вступаетъ въ череду новыхъ превращеній. Одна лишь чистая добродѣтель не подвластна такому вліянію судьбы: — *Nulla dominatu premitur*. Она ведется инымъ путемъ и царство Чойжила мипуетъ.

Послѣдній разрядъ чтимыхъ существъ самый многочисленный. Ибо сюда относятся Тенгерини, или духи всѣхъ міровъ, всѣхъ странъ и мѣстъ и всякаго вида и рода —

элдеб удзекделун, лишь бы не были они членами темнаго царства — *хара дзугун*.

Къ Тенгеринамъ обращаются какъ къ посредникамъ между богами и людьми, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно дѣйствовать противу Читкуровъ, Шимнусовъ и другихъ враждебныхъ челоуѣку духовъ. Призывы съ этою цѣлію совершаются по обряду Докшинскому, а дѣятельнѣйшими помощниками признаются: 1) Ямандага, имѣющій 36 рукъ, 16 ногъ и звѣриную съ рогами голову; 2) Гомбо, оказавшій величайшія услуги Буддизму; 3) Сендуме и Ахамо, прославившіеся превращеніями и чародѣіями; 4) Табун хан — пять огненныхъ царей; наконецъ Гонгаръ, Дамдинъ, Джамсоранъ, Цамбо, Шальши, Юсундорлукъ и многіе другіе.

Въ качествѣ этихъ же благодѣтельныхъ духовъ, призываются Шраваки, Брадигабуты, Бутхалисы, Хутукты и Хубилганы, даже и такіе, которые нынѣ еще живутъ, проходя длинный путь предначертанныхъ имъ перерожденій, каковы напримѣръ: Банчинбогдо, Далай-лама, Джимдзанъ — дамбейнгегенъ и подобные имъ святоши (67).

Вотъ общія черты мистико-буддійской

еософiи; но не ими ограниченъ кругъ ея возрѣвiи. Напротивъ она входитъ въ длинныя о Бурханахъ рассказы, превозноситъ заслуги ихъ и силится представить съ возможными подробностями картину жизни каждаго изъ нихъ. А все это какъ бы для того, чтобы изъ подъ пера жалкихъ труженниковъ вышло наконецъ чудовище, могущее осуществить собою мечту Римскаго поэта:

Humano capiti cervicem pictor equinam
 Iungere si velit, et varias inducere plumas,
 Undique collatis membris, ut turpiter atrum
 Desinat in piscem mulier formosa superne;
 Spatatum admissi risum teneatis amici?

Horat. de art Poët.

С Т А Т Ь Я

VII.

Классы одушевленныхъ тварей.

Въ предъидущей статьѣ упомянули мы о богахъ, господствующихъ надъ различными классами одушевленныхъ тварей. Здѣсь намѣрены показать составъ этихъ классовъ и значенiе принадлежащихъ къ каждому изъ нихъ существъ.

Одушевленные твари разсыяны по все́мъ мірамъ, на пространствахъ болѣе, или менѣе обширныхъ, и съ условіями жизни, соотвѣтствующими нравственнымъ и умственнымъ ихъ качествамъ. Въ этихъ же качествахъ положено основаніе раздѣленію ихъ на шесть классовъ, поставленныхъ въ непосредственной зависимости (какъ выше сказано) отъ шести могущественныхъ повелителей — *чидакчи бакши* (68).

Къ первымъ и высшимъ классамъ принадлежатъ: Тенгеринны, Асуринны и люди, къ послѣднимъ безсловесныя животныя, Бириты и обитатели ада.

Тенгеринны вообще почитаются добрыми и благодѣтельными. Они состоятъ подъ управленіемъ славнаго Хормусды, а пребываніе свое имѣютъ одни на горѣ Сумберѣ (69), другіе на солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, а нѣкоторые на землѣ и въ разныхъ пространствахъ воздушной сферы (70). Гении эти, хотя необлечены, подобно намъ, плотію и способны принимать разные виды, однакожъ не могутъ назваться чисто духовными. Существо ихъ связано съ матеріею, которая дѣлаетъ для нихъ необходимою пищу, состоящую въ аршіанѣ (рашіанѣ), или

нектарѣ; допускаетъ между ними различіе пола, и подвергаетъ ихъ разнымъ превратностямъ (71).

Такъ, вѣрный своему значенію Тенгеривъ получаетъ, по мѣрѣ заслугъ своихъ, высшія почести и совершенства, можетъ родиться человѣкомъ и открыть себѣ путь во все блаженныя страны. Въ противномъ случаѣ, онъ ниспадаетъ изъ эфирной сферы, теряетъ свой блескъ и силу и становится жертвою тяжкихъ и уничтожительныхъ перерожденій и переселеній (72).

Асурины, входя въ категорію злыхъ духовъ, наравнѣ съ ними почитаются виновниками несчастій, случающихся на землѣ. Самые Тенгрии не имѣютъ отъ нихъ покоя. Ибо Асурины ни о чемъ столько не хлопочутъ, какъ о похищеніи у нихъ нектара. Съ этою цѣлію ведутъ они непрестанную брань, вынуждающую иногда самаго Хормусду принимать личное въ ней участіе. При грозномъ его ополченіи, брань принимаетъ изумительные размѣры (73). Бури и грома служатъ для насъ ея вѣстниками. Но побѣда добрыхъ геніевъ надъ злыми, по закону вѣчной правды, тогда лишь рѣшительною бываетъ, когда въ мірѣ нашемъ зло нравственное

петоржествуетъ надъ добродѣтелию (74).

Къ третьему классу относятся люди. Въ жилище имъ предоставлены обширѣйшія органическаго, или амарамаккаго міра страны, обнимающія собою Югъ, Востокъ и Сѣверъ. Страны эти рѣзко отличаются одна отъ другой какъ по внѣшнему своему виду, такъ и по условіямъ жизни своихъ обитателей (75). Къ тому каждая изъ нихъ имѣетъ собственныя достопримѣчательности. Таковы напримѣръ два дерева — Дзамбудаши и Галбарбарасъ. Первое, будучи достояніемъ Юга и произрастая на морѣ, называется Мапама, производитъ дивныя плоды. Когда плодъ этотъ упадетъ въ море, то слышенъ звукъ дзамбу; отъ чего и самая страна, произращающая дзамбудаши, получила названіе Дзамбу тибба. Царь драконовъ Ногон-риджа, употребляетъ плоды эти въ пищу; остальные превращаются въ золото рѣки Дзамбу. Другое дерево Галбарбарасъ (калбарнесъ), между Сѣвернымъ и Восточнымъ тибомъ, высится на 100 миль, вѣтвями покрываетъ площадь въ 50 миль и утверждается на плитѣ такого же размѣра. Ему свойственъ даръ слова. Но къ сожалѣнію, слово это есть злоущее — *магу*

дагуту. Галбарбарасъ тогда только начинаетъ говорить, когда нужно предсказать человѣку близкую и неизбежную его кончину. Кромѣ деревь сихъ, много и другихъ въ мѣрѣ нашемъ диковишь. Есть алмазные дворцы, есть поля унизанныя какъ бисеромъ, золотыми горами, озера вѣчно покойныя и произращающія цвѣта цвѣтовъ Лихову. Но всѣ эти достопримѣчательности проходимъ мы молчаніемъ, предоставляя любознательнымъ самимъ заглянуть въ полную чудныхъ сказаній книгу Чихула кереглекчи (76).

Безсловесныя—*адагусун амитан*, причислены къ низшему отдѣлу одушевленныхъ существъ. Наибольшая и самая почетная часть ихъ обитаетъ въ моряхъ. За тѣмъ во множествѣ водятся онѣ на западномъ тибѣ (укерту тиб), гдѣ имѣетъ пребываніе свое и верховный ихъ властитель. Остальные разсѣяны въ разныхъ частяхъ свѣта и поставлены въ большей, или меньшей зависимости отъ человѣка (77).

Бириты, влача жизнь свою въ преддверіи ада, представляютъ собою жалкихъ тварей. У нихъ желудокъ съ гору, а ротъ и горло съ игольные уши. При столь чудовищной

несоразмѣрности частей тѣла, Биритамъ нельзя утолить ни голода, ни жажды. Да и проглоченныя ими капли внутрь ихъ превращаются въ смолу и огонь (78).

Съ осѣднее съ Биритами адское царство состоитъ изъ многихъ и разнороднѣйшихъ существъ, извѣстныхъ подъ именемъ Читгуровъ, Зеткеровъ, Шимнусовъ, Альбинновъ, Буковъ, Ородоновъ, Онготовъ и проч. Главными мѣстопребываніями ихъ служатъ адъ и пропасти земныя, а за тѣмъ пустыни, горы, лѣса, воды и даже жилища людскія. И чѣмъ они ближе къ человѣку, тѣмъ болѣе стараются вредить ему; или по крайней мѣрѣ вражески наблюдать за его дѣйствіями и направлять ихъ, по возможности, къ цѣлямъ своимъ.

Такое раздѣленіе существъ, какъ догматъ Буддизма, входитъ во многія религіозныя легенды, выражается въ обрядахъ и служитъ темою для молитвъ и правоученій. А потому будемъ мы имѣть случай еще говорить какъ о существахъ свхъ, такъ и о богахъ властвующихъ надъ ними.

С Т А Т Ъ Я

VIII.

Понятія о небесныхъ тѣлахъ и явленіяхъ въ міръ нашемъ происходящихъ.

Мифологическимъ началамъ, въ предъидущихъ статьяхъ изложеннымъ, вполне соотвѣтствуютъ всѣ другіе уроки Буддійской мудрости. Наставница эта, выдавая себя за всевѣдущую *ἔπιτοὺν τὰ τε ὑπὸ τῆν γῆν καὶ τὰ ἐπουράνια*, бросаетъ пыль въ глаза адептамъ, дивитъ ихъ, какъ дѣтей, надутымъ пустословіемъ и требуетъ отъ нихъ не ограниченнаго къ себѣ довѣрія на основаніи *αὐτοῦ ἔφη*.

Для примѣра представляемъ отрывокъ, изъ котораго можно видѣть, какое понятіе имѣютъ Буддисты о тѣлахъ небесныхъ и о явленіяхъ въ міръ нашемъ происходящихъ.

Солнце состоитъ изъ огненнаго хрустала — *гал молор*. Въ поперечникѣ имѣетъ оно 51 милію, въ окружности 155, а въ толщину слишкомъ 6 миль. Движеніе его зависитъ отъ воздуха, которымъ будучи гонимо, обтекаетъ въ сутки четыре большихъ

тиба (79). Свѣтило это предоставлено въ лице тѣмъ изъ Тенгериновъ, кои извѣстны подъ именемъ сыновъ солнца, и они блаженствуютъ тамъ въ великолѣпныхъ дворцахъ (80).

Луна огненныхъ элементовъ не содержитъ; состоитъ же изъ водянистаго хрустала — *осун молоръ*. Толщиною она равняется съ солнцемъ, а въ поперечникѣ меньше его, и то на одну лишь милю. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ луна чуть ни превосходитъ солнца, изобилуя чистѣйшими водами и дивными растеніями.

Звѣзды по составу своему походятъ на луну, но по величинѣ не могутъ идти въ сравненіе съ нею. Пбо самыя большія простираются на три тысячи, а меньшія на пять сотъ луковъ. И какъ ни велико число ихъ, однакожъ всѣ онѣ заселены сынами и дщерями небожителей (81).

Атмосфера, служащая опорой толикому множеству тѣлъ, простираясь вверхъ на 40 т. миль, обставлена горами и стѣнами и подвержена тяжкому, всегда единообразному давленію міровыхъ массъ. Отенюда происходитъ упругость и тотъ постоянный законъ круговаго движенія, который проявляется

въ тѣлахъ небесныхъ, и все зданіе міра содержитъ въ стройномъ единствѣ (82).

Теперь взглянемъ окомъ Буддиста на физическія явленія и при руководствѣ сказаній объ Арахолѣ — *Арахалуи дой*, объяснимъ, отъ чего и какъ затмѣваются солнце и луна.

У скипетродержавца Очирвани сберегалась вѣкогда живая вода. Узнавши о такой драгоценности, злой духъ Арахола сталъ искать удобнаго случая, чтобъ воспользоваться ею. И это удалось ему. Въ отсутствіе Очирвани, прокрался онъ въ его жилище и, выпивъ воду до капли, сосудъ наполнилъ смертоюсною жидкостію.

За тѣмъ, чтобы избѣжать заслуженнаго наказанія, демонъ устремился въ отдаленныя міры. И гдѣ ни пролеталъ, вѣчною грозилъ враждою небеснымъ свѣтиламъ, ежели онѣ не съумѣютъ быть молчаливыми и какъ либо укажутъ таинственный его путь гнѣвному Очирвани.

Солнце и луна пренебрегли угрозами, высказали всю правду. Тогда Арахола былъ постигнутъ и понесъ строгое наказаніе. Очирвани разсѣкъ ему чрево своимъ очиромъ; но не могъ умертвить его, какъ пріобрѣтша-

го чрезъ живую воду свойство безсмертія.

Съ тѣхъ поръ для Арахолы одна цѣль, одно желаніе—мстить солнцу и лунѣ за ихъ измѣну. И конечно не сіяютъ бы имъ на тверди небесной, еслибы благодаря Очирвани, не содѣйствовало къ ихъ избавленію уродство демона. Пбо хотя и можетъ онъ при случаѣ поглотить то, или другое свѣтило, но удерживать поглощенное никакъ не въ состояніи.

При всемъ томъ, обстоятельство это важно и всегда имѣетъ характеръ зловѣщаго. Почему крайне не благоразумно быть холоднымъ зрителемъ явленій сего рода. Напротивъ достоинъ всякой похвалы, кто замѣтивъ исчезновеніе луны, или солнца, потрясаетъ воздухъ криками и бряцаніемъ. Арахола чрезъ это приводится въ смущеніе, а поглощенному имъ свѣтилу дается возможность къ скорѣйшему избавленію.

Подобныя же причины дѣйствуютъ на произведеніе дождя, грома, землетрясеній и проч.

Въ книгѣ Лумбум-гарбо такъ пишется:

Одно изъ четырехъ божествъ, господствующихъ надъ царствами природы, есть

Лусун-хань. А подчиненные ему геніи извѣстны подъ общимъ именемъ *Лу*.

Лу обладаетъ способностію 75-хъ превращеній. Зиму проводитъ онъ въ бездѣйствіи, погрузившись въ морскія пучины; а лѣтомъ носится въ воздушной сферѣ, принимая то малые, то самые огромные размѣры.

Во всякомъ случаѣ **Лу** бываетъ окруженъ 9-ю слоями—*юсуи дабхоръ*, облаковъ и держитъ при себѣ водокристалльное сокровище — *осун молор эрдени*, могущее притягивать воду изъ рѣкъ и морей. Снабженный такимъ снарядомъ, **Лу**, по манію **Лусун-хана**, поднимаетъ воду на высоты небесныя, и дождь проливается.

Однакожъ дѣло это не безъ затрудненій и не безъ хлопотъ. Врагъ всякаго добра **Асури**, не желая видѣть людей въ изобиліи и радости, не терпитъ, что бы земля одождѣваема была. А потому чуть завидитъ на небѣ приготовленія къ дождю, **Асури** начинаетъ бить въ чудовищный свой барабанъ (*кенгерге*) и тѣмъ замедляетъ дѣйствіе *осун-молора*, а иногда и все стихіи приводитъ въ беспорядокъ. Тогда **Асурины** торжествуютъ; а земля стонетъ, и въ отраду ей не остается ничего больше, какъ:

Unum est tristibus in malis levamen,
 Pati leniter. Et necessitati,
 Ut virum decet, obsequi libenter.

Громъ и молнія не отъ одной, а отъ различныхъ причинъ происходятъ. Когда громъ отзывается глухимъ и отдаленнымъ эхомъ, то слѣдуетъ заключать, что Лу занять своимъ дѣломъ, и собираетъ дождь. Когда сверкаетъ Зарица, это вѣрный знакъ, что Лу находится въ добромъ расположеніи и тѣшится, вращая своимъ хвостомъ.

Но громы и молніи сокрушительные, а также градъ и каменные дожди, происходятъ по временамъ отъ раздраженнаго Будды, дѣйствующаго въ такомъ случаѣ чрезъ ужасныхъ Арбан-докшитовъ. Чаше же явленія такія находятся въ связи съ войною, которую ведутъ Асуринны противъ Тенгеринновъ. Камено-метныя стрѣлы ихъ, съ громами и молніями, несутся во все страны свѣта и даютъ собою чувствовать, сколь могучи противники и какъ тяжка взаимная между ними брань.

Послѣдствія этихъ явленій могли бѣ быть ужасны, при нашей беззащитности. Но по дѣйствию судебъ, губительныя стрѣлы могутъ поражать лишь виновныхъ предъ бо-

гамп. И здѣсь-то основаніе закона, по которому человекъ убитый громомъ признается отверженнымъ и не заслуживающимъ погребенія, а смерть его поставляется первою въ ряду 15-ти злополучѣйшихъ — *арбан табуи магу укул-еце* (83).

Землетрясенія. При вниманіи къ началу единства, вопросъ о землетрясеніяхъ долженъ бы рѣшиться самъ собою—на основаніи данныхъ, которыми объясняются предшествовавшія явленія. Если Теугерины и Асуривы столь могущественны, что отъ стрѣлъ и мечей ихъ потрясаются небесные своды: то какъ не трястись землѣ подъ ногами этихъ исполиновъ?

Но софисты наши, бросивъ родное дѣтище, пустились въ самыя дальнія окраины и тамъ съумѣли отыскать ключъ къ таинству землетрясеній. Оказалось, что виною ихъ Алтан-мелекей. Читателю извѣстны уже отношенія Мелекея къ нашему міру (см. ст. У). На брюхѣ этой твари лежитъ средоточіе вселенной — величественный Сумберъ, а въ лапахъ ея четыре части свѣта. По этому всякое движеніе животнаго отзывается потрясеніемъ основаній земли. Иначе и быть не можетъ. Не объяснимо лишь терпѣніе,

съ какимъ Мелекей держитъ не извемога въ объятіяхъ своихъ нашу планету и не допускаетъ ей низринуться въ бездну пустоты. Между тѣмъ какъ для него достаточно одного оборота, чтобъ все испровергнуть и оправдать собою древнее изреченіе:

Parvula quaeque

Dum minime credis, quo perimamur habent.

С Т А Т Ь Я

IX.

Составъ буддійскаго духовенства.

Переходимъ къ обрядовой части. И прежде всего покажемъ основные жреческаго сословія элементы.

Шингемуніанская Іерархія—*сакил санвар*, въ общемъ составъ своемъ даетъ видѣть нѣчто похожее на Римско-духовные ордена. Известно, что ордена эти разнятся между собою не только цвѣтомъ и формою одеждъ, но и частностями устава своего.

Это же проявляется и въ Буддизмѣ. Духовенство его, обязанное вообще къ безбрачію, дѣлится на четыре корня, или обряда — *ундусу*: желтый, красный, бѣлый и

черный. И каждый изъ сихъ корней, утверждаясь на одномъ и томъ же основаніи буддійскаго законоположенія, имѣеть свои отличительные признаки вѣшніе и внутренніе.

Такъ, первый изъ корней желтый—*шара ундусу*, иначе сказать ламы этого корня (*gitus*), въ нарядахъ своихъ даютъ наиболѣе мѣста желтому цвѣту, а главнѣйшею своею обязанностію считаютъ благотворительность. И потому признаются исключительно посвященными Шигемунію, какъ наивысшему образцу милосердія и любви.

Второй корень красный—*улаган*, отличающаясь отъ перваго цвѣтомъ, отличается вмѣстѣ характеромъ и назначеніемъ своимъ. Принадлежащіе къ нему лица посвящаютъ себя Докшитамаъ, или грознымъ духамъ, и у нихъ ищутъ помощи противъ враждебныхъ силъ.

Остальные два корня т. е. бѣлый и черный — *цаган*, *хара*, разнясь отъ краснаго цвѣтомъ, сходятствуютъ съ нимъ цѣлію и условіями обрядовыхъ дѣйствій. Покровителями ихъ признаются также Докшиты — *докшин тенгеринер*, только не красные, а бѣлые и черные.

Впрочемъ, въ какомъ бы соотношеніи ни находились послѣдніе три корня, буддійскій канонъ вводитъ ихъ въ одну категорію, и всячески старается мракомъ прикрывать ихъ дѣйствія. А что видимо и осязаемо, то носитъ на себѣ характеръ вакхическихъ вдохновеній, и кажется влагаетъ въ уста жрецовъ стихъ Марціала:

Possum nihil sobrius, bibenti

Occurrunt mihi quindecim Poëtae.

Въ составъ ламской іерархіи входятъ :

1) Убаши,	6) Бандида-хамбò,
2) Ховаракъ,	7) Шаваранъ,
3) Гецулъ,	8) Хубилганъ,
4) Гелунъ,	9) Хутукту,
5) Ширегету,	10) Далай-лама,
	11) Баньчень-богдо.

Убаши.

Это лице среднее между кльромъ и мірянами. Принимая посвященіе и новое имя, Убаши не обязуется ни къ какому служенію въ канищѣ. Давая восемь благочестивыхъ обѣтовъ, онъ не отторгается отъ узъ семейныхъ и отъ попеченій житейскихъ. Отличительными званія его признаками служатъ желтый, или красный по-

ясь — *оркимджи*, трижды охватывающій своего адепта: четки — *эрике*, состоящія изъ 108 корольковъ, и чашка—*аяла*, которою во всѣхъ случаяхъ долженъ онъ пользоваться, въ отвращеніе оскверненія чрезъ употребленіе пищи, или питья изъ нечистаго сосуда. Вещи эти столь важными считаются, что безъ нихъ нельзя сдѣлать трехъ шаговъ. А поелику Убаши, какъ не утвердившійся на пути усовершенія, можетъ заблуждаться и ослабѣвать: то изъ предосторожности приставляется къ нему почти неотлучный наставникъ — *бакши*, изъ пожилыхъ и набожныхъ ламъ.

Все сказанное имѣетъ приложеніе и къ женщинамъ; только онѣ вмѣсто пояса, носятъ перевязку чрезъ лѣвое плечо, и называются не убаши, а убасанца.

Ховаракъ или Баньди.

Ховараки исправляютъ въ капищахъ должность причетниковъ, прислужниковъ и музыкантовъ. При посвященіи, новое имя не всегда получаютъ, а четки, чашу и поясъ всегда. Последній бываетъ шире и длиннѣе, нежели у Убашей. Сверхъ того усвоется имъ желтый, красный, или черный особаго

поврой кафтанъ, составляющій служебную и частную ихъ одежду. Ховараки принимаютъ на себя 14-ть обѣтовъ, въ томъ числѣ и обѣтъ цѣломудрія.

Гецуль или Узатъ.

По служебному значенію равняется съ Діакономъ. Посвящаемому въ этотъ чинъ даются между прочимъ два лоскута или хадаки, красной и желтой матеріи, и оркимджи, въ 7 аршинъ длиною. Къ тому при каждомъ Гецулѣ находится помощникъ Джун-джикъ. Въ старину Гецулами бывали и женщины, но теперь это не допускается.

Гелунъ.

Слово Гелунъ соответствуетъ Еврейскому—*коген*, означающему Священника. Служебное облаченіе Гелунскаго чина составляютъ:

1) Докъ-икъ, желтый съ красными обшлагами камзолъ.

2) Шантанъ, цвѣтомъ красный съ такими же нашивками. Онъ дѣлается въ видѣ простыни, и служитъ къ покрытію тѣла отъ пояса до пятъ.

3) Гиракъ. Имъ опоясывается Гелунъ,

для поддержанія на себѣ тяжелаго своего шантана.

4) Оркимджи, о которомъ уже упоминали мы, является здѣсь длиною въ десять, а шириною около двухъ аршинъ. Жрецъ перекидываетъ его чрезъ лѣвое плечо, и обвиваетъ около рукъ.

5) Лагой. Употребленіе его одинаковое съ оркимджи; цвѣтомъ бываетъ желтый и походить на простыню, только сшитую изъ 60-ти полосъ, въ опредѣленныхъ закономъ размѣрахъ.

6) Намджиръ, покроемъ не отличаясь отъ Лагой, шьется изъ золотоцвѣтной шелковой ткани, и составляетъ наилучшее убранство. А при богослуженіяхъ особой важности, накидываются одна на другую всѣ три повязки—оркимджи, лагой и намджиръ; тогда жрецы не только пестрѣютъ, но можно сказать, закутываются отъ головы до ногъ.

7) Натонъ, ваншой, шисаръ, ободай. Это желто-красныя шапки, употребляемыя ламами. Натонъ походить на пѣтушій гребень: въ Ваншоѣ приставлены длинныя ваушники, упадающіе на грудь; Шисаръ увѣшанъ кистями, кои прикрываютъ собою затылокъ,

Ободай есть конусо-образная ермолка, съ цвѣтнымъ шарикомъ на верхушкѣ. Изъ шапокъ сихъ, или малагаевъ главный, по-четь принадлежитъ Ваншою.

8) Джанчи—маптiя, желтаго, или краснаго цвѣта. Въ формѣ представляетъ ту особенность, что имѣеть короткiй семизубный воротникъ, лежащiй на плечахъ. Ламы накидываютъ маптiю поверхъ обыкновенныхъ своихъ одеждъ и пользуются ими при разныхъ церемонiяхъ.

9) Динва — красноцвѣтный съ разными нашивками коврикъ, длиною въ три локтя. Вещь эта служитъ символомъ щита противу враждебныхъ силъ. А потому, чтобы ни дѣлалъ лама, при немъ всегда должна находиться его Динва. Тоже предписывается закономъ и въ отношенiи прочихъ священныхъ одеждъ. Не имѣя ихъ съ собою, жрецъ не можетъ никуда отлучиться, а особенно проводить ночь.

Всѣ помянутые атрибуты Гелунскаго чина относятся къ желтому обряду и принадлежать, съ малыми лишь измѣненiями, и всему высшему духовенству. Но ежели служба совершается по красному обряду и вообще въ честь Докшитовъ, то дѣйствова-

тель является въ особой формѣ. Тогда облаченіе его составляютъ.

1) Шанак-гошакъ. Это роль хитона, надѣваемого поверхъ обыкновенныхъ одеждъ, и онъ бываетъ разныхъ цвѣтовъ, судя по рангу Добшитовъ, которымъ приносится жертва.

2) Руйджинъ — длинный красный кафтанъ, похожій на подризникъ. На немъ сверху до низу нашиваются эмблематическія изображенія геніевъ, привѣшиваются кисти, позвонки, побрякушки и все то, что можетъ служить къ произведенію звука и пестроты.

3) Царбукчи. Это металлическія поручи, украшенные моржанами и всякими блестящими мелочами. Сюда же отнести надлежитъ и кольца-буга, надѣваемая у локтя.

4) Додъ-икъ. Онъ ни мало не походитъ на тотъ додъ-икъ, о которомъ выше говорили; ибо является здѣсь уже не камзолъ, а длиннымъ кашпономъ съ застежками. Цвѣтъ ему даютъ темный, а окраины испещряются пятицвѣтными нашивками.

5. Мадыкъ представляетъ не большой запанъ. Но въ противоположность додъ-ику, середина его пятицвѣтная, сложенная

изъ квадратныхъ шелковыхъ лоскутковъ, а окраины темныя.

6) Ванзейн-хубцать, есть остроконечная черная каска. Ее всегда увѣнчиваютъ литыми изваяніями пяти бурхановъ—*титимунтабуи бурхан*, и столькихъ же мертвыхъ головъ—*хакимойн толгой*. Отъ вѣнца этого опущены черные волоса, закрывающіе лицо, а кисти и длинныя наушники—*джотбон*, падаютъ на грудь и плечи.

Должно замѣтить, что для служенія по обряду трехъ послѣднихъ корней, не довольно обыкновеннаго посвященія въ Гелуны, но требуется посвященіе въ особыя таинства. И кто удостоился этой чести, тотъ будучи даже міряниномъ, имѣетъ право служить по обряду Докшитскому, хотя на дѣлѣ и не бываетъ этого.

Ширету.

Титулъ Ширету, или Шигерету, носятъ Гелуны, управляющіе Дацаномъ, или капищемъ. Слѣдовательно Ширеты равняются съ Пекинскими Да-ламами. Право на это достоинство пріобрѣтается долговременною службою въ жреческомъ званіи, принятіемъ четырехъ таинствъ, а болѣе всего глубокимъ

знаніемъ вѣры. При каждомъ Ширетѣ, на случай болѣзни, или смерти его, находятся два кандидата, старшій—*лацап* и младшій—*джитбу*; а для почета и въ помощь при богослуженіи, имѣетъ онъ двухъ прислужниковъ — *сойбуицъ*. Въ канищѣ же предоставляется ему первое мѣсто въ ряду ламскихъ сѣдалищъ—*джабданъ*. Изъ нынѣшнихъ Ширетовъ Русской Монголіи наибольшую извѣстностію пользуется Цугольскій. Для Монголовъ это истинный оракуль; Буряты говорятъ, что онъ не выпускаетъ изъ рукъ Ганджур-Данджура; что все глубины мудрости ему доступны. А намъ при взглядѣ на такихъ мудрецовъ, остается сказать:

Qui recte consulat, Consul fiat.

Ennius.

Бандида-хамбо.

По смыслу Китайскаго уложенія, Бандида-хамбо, иначе хамбо, или Камбу-лама, долженъ занимать мѣсто между Засак-даламою, т. е. верховнымъ Пекинскимъ жрецомъ, и между Цорджи-ламою. Это же уложеніе, указывая на Хамбо-ламъ, какъ на обычныхъ посланцевъ отъ Далай-ламы и Баньчень-эрдени, привозящихъ ежегодно

ко двору дань, называютъ ихъ алчными къ прибыткамъ невѣждами. Отсюда усматривается, что Хамбо-ламамъ въ Китаѣ не много чести. И вся промоція ихъ ограничивается настоятельствомъ въ которомъ либо изъ Пекинскихъ монастырей. Но каково бы ни было значеніе ихъ въ царствѣ Хиновъ, на пространствѣ Русской Монголіи, титулъ Бандиды важенъ и громокъ. И это потому, что онъ тамъ одинъ, и въ лицѣ его сосредоточена вся духовная власть надъ Монголо-бурятами ламайской вѣры, обитающими по ту и по сю сторону Байкала. Такое значеніе бандиды въ актахъ выражается сими словами: *Баягал далейн-эмене-даки баяху Монгол-Бурят шаджинтану ахалакчи, Бандида* и проч.

Резиденцію свою имѣетъ Бандида у Гусинскаго озера, которое Буряты называютъ Кулун-нуръ. Озеро это находится въ угрюмой степи, прилегающей къ Забайкальскому городу новому Селенгинску, и составляющей собою первая ступени пресловутой Гоби.

Дацанъ Гусино-озерскій ничѣмъ не отличается отъ другихъ. Даже многимъ изъ нихъ, особенно Анинскому и Цонгольскому,

далеко уступаетъ какъ архитектурою, такъ и убранствомъ. Въ домашнемъ быту Бандиды также видна лишь степная простота съ прикрасами Буддѣйской набожности. Но самъ Гаванъ-хамбо Чойван-Дорджи Пшиджимцойнъ, котораго я имѣлъ случай познакомиться, представляетъ интересный предметъ по изумительному дородству своему, соединяемому съ исполинскимъ ростомъ. И я увѣренъ, что портретъ его могъ бы занять почетное мѣсто въ лучшихъ картинныхъ галереяхъ.

Шаваранъ, Хубиланъ, Биширелту.

Существа, носящія эти названія, начиная собою рядъ перерожденцевъ, являются столь темными, сколько темень и самый путь, которымъ приходятъ они къ намъ изъ другаго міра. И конечно задачи Сфинксовы, узель Горгіевъ и философскій камень, все вмѣстѣ взятые, менѣе затрудняютъ собою мыслителя, нежели разбирательство признаковъ, по которымъ различаются Хубилганы отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Но ключъ отъ тайны въ рукахъ Буддѣйскихъ законовѣдцевъ. Чуть оказывается, что душа, идущая путемъ усовершеннаго перерожденія, ос-

тавила, по выраженію канона, старую одежду свою—*джанчи арилджаху*: то спѣшати обратиться къ жребіямъ судебъ, и по нихъ указаніямъ сперва отыскиваютъ слѣды стражницы, а потомъ узнаютъ и самое существо, въ которое вновь облеклась она. Вообще же, при сужденіи о дѣлахъ такой важности, принимаются за основаніе слѣдующія аксіоматическія положенія:

1) Хубилганъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, можетъ стоять на разныхъ степеняхъ совершенства, какія только находятся на огромномъ разстояніи отъ Шаварава до Далай-ламы и Бачъченъ-богдо. Но въ тѣсномъ (*angusto*) смыслѣ, Хубилганы принадлежатъ къ низшему разряду перерожденцевъ. Чтобъ быть таковымъ, довольно сознавать въ себѣ три перерожденія—*турбанъ туруль-ен айлатху*. И люди этого значенія обладаютъ способностію мгновенно переноситься съ мѣста на мѣсто; являться гдѣ ихъ не ожидаютъ, помогать бѣдствующимъ, когда считаютъ то нужнымъ.

2) Шаварапъ, при сознаніи нѣсколькихъ перерожденій, проявляетъ свѣтлость ума, чистоту воли и пламенную къ Буддизму привязанность.

5) Биширелту, сверхъ помлнутыхъ совершенствъ, имѣеть силу низлагать шаманство и дѣлать разныя диковины—*иди сиди удзегулекчи бой*.

Людьми этого сорта Китайская Монголія ни когда не оскудѣвала. Но въ нашей Монголіи являются они какъ рѣдкій феномень: и то не изъ туземнаго племени, а изъ чуждыхъ пришельцевъ, которые обходя и проходя пустыни, умѣють найти себѣ дорогу и къ Русскимъ Монголамъ. Впереди увидимъ мы, къ чему клонятся и чѣмъ сопровождаются такія посѣщенія.

Хутукту.

Хутукту, а по выговору Китайскихъ Монголовъ Кутукту, почитается лампстами за святошу, который прошедши длинный рядъ перерожденій, стяжалъ высокія духовныя совершенства. Савовниковъ этого класса въ Китайскомъ государствѣ находится четыре: 1) Ургинскій Хутукту, титулюющійся въ отличіе отъ другихъ Джебдзун дамбейн гегень, или Джебдзун дамба; 2) Уамдомскій кутукту—Пакбала; 3) Цзяря кутукту; 4) Пекинскій кутукту, который впрочемъ въ штатѣ Пекинскаго духовенства по-

ситъ названіе лишь верховнаго жреца—
Джасак-да ламы.

Каждый изъ нихъ имѣетъ свою степень значенія и свои особенныя обязанности. Такъ, Пекинскій Хутукту есть главный блюститель чина и порядка при религиозныхъ торжествахъ и даже при всѣхъ пиршествахъ, даваемыхъ отъ двора, къ которымъ обыкновенно приглашаются ирѣзжіе кутукты, джасань-ламы, хамбо, цорджи и хубилганы.

Пакбала Хутукту и Цзяра Хутукту обязаны присылать ко двору посланниковъ и дань чрезъ пять лѣтъ. Первый долженъ присылать золотую чашу и корень — *хуан-лять*: а послѣдній бронзовыя статуи божествъ, благовонія и тому подобныя вещи. А въ замѣнъ сего, посылаются къ каждому подарки отъ Двора, состоящіе изъ серебряныхъ сосудовъ и шелковыхъ тканей.

Ургинскій Хутукту, пользуясь особеннымъ уваженіемъ Двора, подноситъ лишь дары Хуандіевой небесной благодати, не по обязанности, а въ знакъ неизмѣнной вѣрности своей. И ежели разсудитъ прибыть въ Пекинъ съ цѣлю изъясненія вѣроподданническихъ чувствъ, то верховный госу-

дарственный Совѣтъ обязуется сдѣлать все нужныя распоряженія касательно почестей и заготовленія подарковъ.

До 1764 года Ламайское въ Сибири Духовенство находилось въ зависимости отъ Ургинскаго Хутукты; потомъ отношенія эти прекращены. А какъ и для чего, о томъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ (84).

Далай-Лама и Баньчень-богда.

Стоя въ главѣ Буддйской Иерархіи, Далай-лама и Баньчень-богда имѣютъ пребываніе свое — одинъ въ Северо-западномъ, или такъ называемомъ Далай-ламскомъ Тибетѣ. Другой въ Юго-восточной его части, и оба кажутся обреченными на то, чтобъ быть во взаимномъ столкновеніи и представлять въ лицѣ своемъ Двуглавую Иерархію. По смыслу Буддйскаго закона, первенство принадлежитъ Баньчень богда; но Китайское уложеніе оставляетъ честь первенства за Далай-ламою. Даже Баньченювъ эпитетъ богда, въ отвращеніе сближенія съ священнымъ именемъ Богда-хана, силою уложеній измѣнено на слово эрдени-сокровище, съ каковымъ аддитаментомъ и является сановникъ этотъ во всехъ актахъ.

Правда, къ посольству Баньчевъ-эрдени, Китайскія власти оказываютъ вниманіе не меньшее, какъ и къ посольству отъ Далай-ламы: но при отдариваніи посланцевъ, опять является расчетъ не въ пользу Баньчева.

Между тѣмъ въ понятіи Буддистовъ существо эго, по чрезвычайнымъ своимъ духовнымъ дарованіямъ, оставляетъ за собою всѣхъ Хубилгановъ, Хутуктъ и санаго Далай-ламу.

Кореннымъ мѣстопробываніемъ Баньчева считается Индія— инеткегун орон. А для доступна къ нему необходимыми признаются трехмѣсячные очистительные подвиги. Къ тому должно благопріятствовать и опредѣленіе неба, безъ чего никакія очищенія не помогутъ. Счастливецъ, вводимый въ чертоги Баньчева, восходитъ чрезъ многія отдѣленія все выше и выше. Но долгомъ же шествиіи достигаетъ онъ вѣскога таинственнаго храма, изумляющаго великолѣпными и дивными гіероглифами. Въ слѣдъ за тѣмъ является и самъ свѣтозарный (*incomparabili perfectionum luce micans*) Баньчевъ-богдa.

Совершенство Далай-ламы при всей высотѣ своей, какъ выше сказано, уступаютъ

Баньченowymъ. Но тотъ и другой равно принадлежать къ разряду наввысшихъ хубилгановъ, которые хотя и въ мѣрѣ, но къ мѣру не принадлежатъ. Ибо души ихъ, бывъ свободны отъ всѣхъ вліяній зла, свободными остаются и отъ всѣхъ ощущеній, привязующихъ человека къ землѣ. Онѣ исполняютъ лишь предопредѣленіе высшихъ судебъ и живутъ среди насъ единственно для общей пользы — *хамок амитану тусейн тола*.

Само собою разумѣется, что люди эти, или скорѣе автоматы, въ дѣлѣ званія и избранія своего не могутъ зависѣть отъ обыкновенныхъ условій. И если къ кому, то къ нимъ первымъ должны бы имѣть обширнѣйшее приложеніе слова Епиктета: *Τὰ μὲν ἐφ' ἡμῖν, ἔτι φήσκει ἐλευθερά, ἀκόλουτα ἀπαρεμπόδιτα* (Еυγγερίαι β.). Однакожъ ограничительная сила человеческихъ постановленій простерлась какъ на всѣхъ вообще Хубилгановъ, такъ равно и на Далай-ламу и Баньчень-богда. А въ какомъ именно отношеніи, то объяснено будетъ въ слѣдующей статьѣ.

С Т А Т Ъ Я

Х.

Порядокъ производства въ чины духовнаго званія.

Показавъ значеніе чиновъ отъ убаши до Далай-ламы и Баньчень-богда, входящихъ въ составъ Ламской Иерархіи, наиболѣе умѣстнымъ находимъ заняться разсказомъ объ обрядахъ, соблюдаемыхъ при производствѣ въ эти чины.

Буддизмъ, допуская существенное различіе между Хубилганами и людьми обыкновенными, смотритъ на первыхъ какъ на освященныхъ самою природою, а для освященія другихъ считаетъ нужными разныя обрядовыя дѣйствія.

Дѣйствіе поставленія на низшія ступени совершается не въ капищѣ, а въ юртѣ. П обыкновенно Убаша и Убасанца ставятся однимъ Гелуномъ при участіи бакши; даваемые ими обѣды, ограничиваясь условіями времени, могутъ быть по произволу возобновляемы, съ повтореніемъ самаго обряда.

Но посвященіе въ Баньди, или въ Хо-

вараки и въ Шимванцы можетъ совершать только Ширеть съ однимъ, или двумя Гелунами.

Ширеть, перекинувъ черезъ плечо оркимджи, садится и въ слухъ прочитываетъ родъ символа *въры-номун тулкиурь*.

По окончаніи чтенія посвящаемый, бывъ руководимъ бакшею, подноситъ Ширету умиловительную жертву—гоюлтеи мандалъ, отъ которой жрецъ беретъ нѣсколько зерепъ и, въ знакъ приношенія ихъ богамъ, бросаетъ на воздухъ. За тѣмъ ставленникъ, сдѣлавъ по три земныхъ поклона кумирамъ, помамъ (закону) и самому Ширету, становится на колѣни. Въ это время подають ему деревянную чашку, четки и поясъ, обычныя принадлежности убашинскаго и ховаратскаго чина. И едва коснется онъ ихъ какъ совершитель обряда, краемъ своего оркимджи, прикрываетъ руку простертую для принятія и выслушиваетъ обѣты, которые принимаетъ на себя поставляемый. Тутъ возлагается на него священный поясъ; и если это ховаракъ: то остригаются послѣдніе волоса, нарочно оставляемые для этого дѣйствія на макушкѣ головы, при

сплошномъ обрѣтѣнїи ея въ часы приготовленїя къ прїятію новаго званїя. Напротивъ у Убаши только укорачивается, но не совсемъ обрѣзывается коса. Весь же обрядъ посвященїя оканчиваютъ приношенїемъ благодарной жертвы — *ачи мандалъ*.

Подобнымъ образомъ совершается поставленїе я въ Гецулы. Но дѣйствїе происходитъ уже въ капищѣ, при участїи по крайней мѣрѣ пяти Гелуновъ и Ширета. Обѣты Гецула восходятъ до 60-ти (85).

Наконецъ, удостоиваемые полнаго жреческаго, т. е. Гелунскаго сана, обязаны предъ посвященїемъ исповѣдывать грѣхи свои духовному отцу — *нигуцейн бакши*. А совершителемъ обряда надъ ними бываетъ самъ Бандида съ сонмомъ ламъ. Жрецы въ полныхъ облаченїяхъ усаживаются на своихъ мѣстахъ. За тѣмъ предъ первенствующимъ изъ нихъ кладутъ съ одной стороны колокольчикъ, чашу, жезлъ, бубенчикъ (хонхо, бадара, дудей, дамара) и проч., съ другой священныя одежды для готовящихся къ прїятію гелунства.

Посвящаемые разомъ выводятся на капищную арену, хотябъ ихъ было нѣсколько десятковъ.

Тамъ сдѣлавъ обычныя поклоненія, и выслушавъ ученіе вѣры, приносятъ они умиловительную жертву, а потомъ снимаютъ съ себя одежду до nec plus ultra. И въ этомъ не изящномъ видѣ, предводимые бакшами, дѣлаютъ по три поклона предъ бурханами, номами и первенствующимъ жрецемъ. Потомъ, принявъ первую облачную принадлежность, — опять начинаютъ кланяться. И это повторяется столько разъ, сколько дается имъ вещей. Столько же разъ выслушиваются и наставленія, сообразныя съ таинственнымъ значеніемъ каждой вещи. Въ заключеніе же всего, посвящаемые даютъ 255 обѣта ⁽⁸⁶⁾ и приносятъ благодарную жертву.

По выходѣ изъ капища ставши рядомъ, съ книгами въ рукахъ, благословляютъ каждаго подходящаго къ нимъ.

Производство въ дальнѣйшіе чины—Ширета, Хамбо и друг. ограничивается какъ въ Россіи, такъ и въ Китаѣ пожалованіемъ отъ правительства.

Эта зависимость и притомъ въ самомъ строгомъ смыслѣ, простирается по Китайскимъ законамъ и на всѣхъ перерожденцевъ высшаго ламскаго чина, павѣстныхъ

подъ именемъ Хубилгановъ и Хутуктовъ.

А чтобы дать точнѣйшее понятіе о силѣ этого ограниченія, мы выписываемъ пункты изъ уложенія Китайской палаты вѣшнихъ сношеній, издавнаго въ 1826 году Ст. Липовцовымъ.

«Да будетъ извѣстно всеѣмъ Монголамъ и прочимъ народамъ, исповѣдующимъ ламскую вѣру, чтобы тѣ, которымъ предоставлено право доносить по принадлежности о смерти какого либо Хутукты, или Ламы высшей степени, и объявлять мѣста ихъ возрожденія, отнюдь не указывали какъ на тѣхъ дѣтей мужескаго пола, кои соединены родствомъ съ самимъ Далай-ламою и съ Баянчеш-эрдени, такъ и на дѣтей и внуковъ всеѣхъ Монгольскихъ хановъ, равностепенныхъ князей и Тайцзиевъ, главноначальствующихъ надъ дивизіями : иначе подвергнутся они строжайшей отвѣтственности. Но они могутъ указывать на дѣтей Тайцзиевъ, которые не отправляютъ никакихъ общественныхъ должностей, равно на малолѣтнихъ сыновей простыхъ Монголовъ и Тангутовъ, и возвѣстить, что умершій переродился, или сдѣлался Хубилганомъ въ томъ, или другомъ семействѣ».

«Ни подь какимъ предлогомъ не должно открывать вновь перерожденцевъ (хубилган) и особенно по смерти Ламъ, начальствовавшихъ въ незнатныхъ монастыряхъ, въ которыхъ прежде не являлись Хубилганы».

«Никакой хубилганъ не можетъ быть признанъ таковымъ, если не будетъ утверждёнъ въ семъ званіи законнымъ порядкомъ отъ установленныхъ властей... Избраніе же и утверженіе Хубилгановъ должно производиться слѣдующимъ образомъ: писать на жребіяхъ, нарочито для сего приготовленныхъ, имена младенчествующихъ кандидатовъ на достоинство Хубилгановъ; жребій класть въ чашу, находящуюся въ большомъ золотомъ духовномъ сосудѣ, состоящемся въ храмѣ Тибетскомъ Чжоо, а Пекинскомъ хуля-сун хуля-кигурунъ. Вынимать же оныя жребіи въ Тибетъ Далай-ламъ, вмѣстѣ съ тамошнимъ генераломъ, а въ Пекинѣ членамъ Палаты съ главнымъ Пекинскимъ Хутуктою: счастливый жребій долженъ рѣшить сіе дѣло, которое приводится въ исполненіе вышеозначенными властями».

«Чтожь касается до возрожденія Куку-нугорскаго (синеозерскаго) Помуп-хагана :

то избраніе его не должно подводить подь общія правила. Но по уваженію къ тому, что съ высокимъ его духовнымъ саномъ соединена свѣтская власть-управленіе цѣлымъ княжествомъ, надлежитъ смотрѣть при семъ случаѣ не столько на родъ и происхожденіе избираемаго, сколько на расположеніе и преданность къ нему того народа, который имѣетъ поступить въ его управленіе. Такимъ образомъ народное желаніе должно сопровождать жребій избираемаго въ золотой сосудъ-бумба, и извлечь его изъ онаго къ общему удовольствію (т. 11. стр. 205-7).

Отъ такихъ ограниченій не изъяты ни Далай-лама, ни Баньченъ-эрдени. И при ихъ избраніи, судьба жребіями своими не прежде начинаетъ располагать, какъ посоветовавшись съ закономъ. Безъ этого же условія самые очевидные признаки, совершившагося перерожденія теряютъ свое значеніе. А когда дѣло о Хубилганахъ заключено въ столь тѣсную раму гражданскихъ законовъ: то нужно ли говорить о томъ, какъ понимаются люди эти Китайскимъ Правительствомъ, и какъ смотритъ оно на Буддическое ученіе о переселеніи душъ? Но каковы ни были бъ его взгляды и понятія,

только къ чести своей оно не забываетъ
правила :

Qualis, qualis erit, tamen ferendus

Est tibi : potius modestus ipsum

Quam perversus, et abstinatus audi.

С Т А Т Ь Я

ХІ.

Д а ц а н ы .*

Буддійскія капища извѣстны въ Сибири
подъ именемъ дасановъ, или дацановъ (87).
Строятъ ихъ въ мѣстахъ пустынныхъ, по
образцамъ единожды заимствованнымъ у
Тибета и Китая.

Мѣсто, предназначенное подъ дацанъ,
усвояется богамъ чрезъ посредство обряда,
называемаго испрашиваніемъ земли—*газар*
гоюху. Совмъ ламъ въ предшествіи Ши-
рета, и сопровождаемый многолюдною тол-
пою, отправляется къ избранному пункту.
Тамъ привнеши молитвы духамъ, господ-
ствующимъ надъ стихіями, и опредѣливъ
размѣры будущаго зданія, роютъ въ углахъ
его и на срединѣ ямки фута въ три глуби-

ною, и ставятъ въ нихъ по глиняному сосуду. Сосуды наполняются разными сѣменами, съ приложеніемъ монеть, моржановъ и другихъ вещей, болѣе или менѣе цѣнныхъ и составляющихъ посильную жертву каждаго изъ прихожанъ.

По зарытіи сосудовъ, вколачиваютъ надъ ними небольшія палочки изъ акаціи—*шарамодон*, описанныя текстомъ Ганджур-Данджура, протягиваютъ по направленію ихъ шелковый пятидвѣтвый шнурокъ, а площадь капищную устилаютъ бѣлыми войлоками.

За тѣмъ начинается третій и послѣдній актъ. Толпа выстроившись въ одну линію, приступаетъ къ чертѣ, обозначенной шнуркомъ, и принимается рыть борозду, употребляя всѣ домашнія орудія отъ стрѣлы до сохи. Тутъ же долженъ участвовать и рогъ единорога—*оронгойн эбер*. Дѣйствіе это походитъ на вакхическій хороводъ и повторяется трижды. Столько же разъ поливаютъ прорытую борозду молокомъ верблюдиць, коровъ, овецъ и другихъ доящихъ животныхъ, исключительно бѣлыхъ.

Само собою разумѣется, что во время столь продолжительной сцены, ламы не остаются праздными зрителями. Ихъ пѣніе и

брячаніе въ хонхо и дамару сопутствуютъ каждому акту.

Тѣмъ съ большею торжественностію совершается обрядъ освященія капищъ. Только разнообразію дѣйствій мало даютъ тамъ мѣста, обращая преимущественно вниманіе на громогласіе музыки и шумъ праздника, на жертвы и пѣнопѣнія, приносимыя прежде идолу, избранному въ покровители капища, а потомъ и прочимъ бурханамъ.

Въ общей обстановкѣ Дацаны походятъ на монастыри и представляютъ группы здавій, имѣющихъ назначеніе частію религіозное, частію хозяйственное. Почему и понимаются они въ смыслѣ собирательномъ, выражаемомъ словами: *кейт* и *курбе*.

Средину капищнаго двора всегда занимаетъ главная кумирня, отличающаяся отъ другихъ здавій какъ размѣромъ своимъ, такъ и пестротою кровли.

Кровля развѣтвленная бываетъ на нѣсколько коническихъ возвышеній, увѣнчанныхъ замысловатою фигурою — *ганджир*, которую составляютъ рѣзныя изображенія — солнца, луны, дамары, хонхо и очира.

Окна допускаются съ двухъ сторонъ — восточной и западной. Надъ окнами спан-

чею налегаетъ широкій навѣсъ, пріосвѣ-
 ющій собою круговой балконъ. При такомъ
 устройствѣ, въ канище проникаетъ лишь
 полу-свѣтъ. Да и онъ значительно умяет-
 ся, будучи заслоняемъ связками тканей—
такилун яндар чилык, во множествѣ
 развѣшиваемыхъ на перекладинахъ между
 колоннами.

Сѣдалищемъ для ламъ служатъ низкія
 скамьи — *жабдан*. Онѣ тянутся и по сре-
 динѣ и по сторонамъ кумирни. Въ главѣ
 сѣдалищныхъ рядовъ замѣтны постепен-
 ныя возвышенія и наконецъ почетныя кре-
 сла — *тушилмету шире*. Это мѣста для
 старѣйшихъ жрецовъ.

Странно впрочемъ, что жрецы распо-
 жившись соответственно служебному свое-
 му чину, оставляютъ идоловъ за собою. Не
 есть ли это безотчетное сознаніе истины,
 врожденной безсмертному духу и таинст-
 венно воззывающей заблудшихъ отъ покло-
 ненія суетнымъ, къ прославленію Единого,
 живущаго во свѣтъ неприступномъ ?

Истуканы размѣщены въ глубинѣ кани-
 ща, т. е. на полочной его сторонѣ, какбы
 для показанія, что всѣ они принадлежать
 къ темному царству и суть его порожденіе.

Первое между истуканами мѣсто занимаютъ боги вѣнца и Шигемуни съ пералучными его спутниками, ламами Чодбо и Зунхаба (88). Бурханы эти ставятся на пьедесталахъ, нарочито устрояемыхъ за жертвенниками, а иногда и на самыхъ жертвенникахъ — *такилуи орон*.

О жертвенникахъ должно замѣтить, что они составляя главнѣйшую принадлежность капищъ, служатъ для Буддистовъ предметомъ глубокаго благоговѣнія.

На одномъ изъ нихъ, кромѣ *мандала* и *толи*—символовъ неба и земли, постоянно паходятся слѣдующія приношенія :

- 1) Вода трехъ сортовъ — *аргамъ*, *бадимъ*, *ганди* какъ жертва отъ морей.
- 2) Сѣмена—*бусви*,—отъ земли.
- 3) Благовонія—*дукбей*,—отъ воздуха.
- 4) Лампада—*алогъ*,—отъ огня.
- 5) Опрѣсноки—*нивидъ*,—отъ человѣка.
- 6) Музыкальное орудіе — *шабда* — отъ всего міра (89).

Жертвы эти каждодневно перемѣняются, или по крайней мѣрѣ должны перемѣняться—*такильчимъ*. Но другаго алтаря принадлежности считаются не прикосновенными, а потому въ отношеніи къ нимъ ника-

кая переменна мѣста не имѣеть. Въ эту категорию входятъ:

1) *Ранчин дукден*, иначе *молор эр-дени*, представляющей собою пирамидку, сложившую изъ шариковъ, исходящихъ изъ Линховы и приосѣненныхъ какъ бы зонтомъ. Въ немъ видятъ образъ Сумбера и всѣхъ таинственныхъ силъ природы. Такія силы предполагаются и въ самыхъ шарикахъ. И кто пользуется ими съ умѣньемъ, тотъ легко (*sic dicitur*) становится тевматургомъ, могущимъ поспорить не съ однимъ Аполлоніемъ, или Парацельсомъ, но и со всѣми магами древнихъ и новыхъ временъ.

2) Двѣ золотыя рыбки — по Тибетски *серня-дан*, а по Монгольски — *алтан дзасу*, представительницы исполинскихъ рыбъ, которыя охватывая землю, не позволяютъ ей уклоняться отъ законовъ равновѣсія и тѣмъ облегчаютъ трудъ Алтан мелея.

3) Сосудъ — *дирчин булба* съ сладкою и ароматною водою, служащею символомъ той сладости, какую вкушаютъ небожители⁽⁹⁰⁾.

4) Таинственный цвѣтокъ — *Бадма сан*

линхова, какъ эмблема царства Сукавади.

5) Раковина — *дунгар йичилъ*, принимаемая по Буддѣйской символикѣ въ значеніи глашатая, возвѣщающаго славу боговъ.

6) Сѣтчатый овальной формы платъ — *балба-о*, коимъ выражается готовность человѣка къ принесенію въ жертву всего тѣлеснаго состава своего.

7) Четырех-цвѣтная хоругвь — *чониджал-цан*, напоминающая собою о четырехъ обрядахъ, принятыхъ въ Буддизмѣ.

8) Курду, — *хорло сок*, обыкновенная молитвенная принадлежность, являющаяся въ разныхъ видахъ и формахъ, судя по мѣсту и назначенію. Мы будемъ имѣть случай обстоятельнѣе поговорить о ней.

9) Священное колесо — *хорло римбучи*. Начиная второй рядъ жертвенныхъ принадлежностей, извѣстныхъ подъ именемъ седми сокровищъ — *долон эрдени*, изображаетъ собою вселенную и всѣ превратности судьбы.

10) Сановникъ — *норбо римбучи*. Его принимаютъ за идеаль благотворительности, коею по преимуществу пользуются послѣдователи Будды.

11) Дивная жена — *дзумбе римбучи*.

Это *Дуритер*, олицетвореніе благъ жизни и всего того, что Церера, Веста, Рея общими силами могутъ доставить человѣку.

12) Слонь великанъ—*ломбо римбучи*. Мифологія возлагаетъ на хребетъ его 84 тысячи священныхъ книгъ и заставляетъ переходить изъ края въ край, изъ страны въ страну, для повсюднаго распространенія свѣта вѣры.

13) Огненный талисманъ—*ламбу римбучи*, дающій собою ту мысль, что душа человѣческая тогда только просвѣтляется, когда горитъ она огнемъ небеснымъ.

14) Волшебный конь — *дамчокъ римбучи*. Конь этотъ имѣетъ одинаковое значеніе съ Пегасомъ древнихъ Грековъ. Только по Буддійскому ученію, не Олимпъ и Геликонъ видятъ его, и не поэты располагаютъ имъ, но смиренные труженики, ревнующіе о распространеніи Ганджур-данджура.

15) Доблестный витязь—*макбон римбучи*. Обладая циклопическою силою, онъ со всѣми борется за славу Буддизма. И горе тому, противу кого обнажитъ онъ пламенный свой мечъ ⁽⁹¹⁾.

Наконецъ за семью сокровищами пред-

стоятъ пять небесныхъ Девъ, *такилуи табуи укии тенгери*, посредствомъ которыхъ возносятся къ небу жертвы, моленія и обѣты. Въ смыслъ же таинственномъ принимаютъ ихъ за символъ пяти чувствъ, которыми одаренъ человекъ и которыми долженъ онъ работать богу.

Жертвенникъ пріосвящается балдахиномъ—*лабари*, оюмсааннымъ бахрамою съ позвонками и массивными по угламъ кистями—*джалцан бадан*. По правую и лѣвую сторону находятся двѣ небольшія сѣни — *шикур тубден*, всегда праздна и неприкосновенная. Но при религіозныхъ процессіяхъ, онѣ торжественно выносятся изъ каплица, и тогда почетные бурханы шествуютъ подъ ихъ прикрытіемъ.

Въ размѣщеніи второстепенныхъ кумировъ не соблюдается порядка, да и заботы большой о ихъ пріобрѣтеніи ламы не прилагаютъ. Изъ 54-хъ дацановъ, находящихся въ Восточной Сибири, только о Цонгольскомъ и Анинскомъ можно сказать, что они не бѣдны кумирами и пестрятъ замѣчательнымъ ихъ разнообразіемъ.

Въ Цонгольскомъ Дацанѣ, колоссальные истуканы Аюши и Оточи, первые обраца-

ютъ на себя взоръ и вниманіе. Потомъ являются Махаранзы: это разноцвѣтные стражи неба. У одного изъ нихъ въ рукахъ мечъ и рогъ, у другаго извивающаяся змѣя, у третьяго жезлъ и бѣлая мышь, четвертый же играетъ на лютнѣ.

Подлѣ Махаранзовъ богиня Лхамо или Само, ѣдущая (quasi) на конѣ Лусъ, и ужасный синеватый Ямандага, охватывающій подобное себѣ чудовище. Далѣе слѣдуетъ адское божество когтистый Чойжилъ, шестирукій Гуи-гар, трехголовый Дзукдер намджилъ, богиня Сендуме, и тутъ же мощный защитникъ Буддизма Гомбо. Онъ весь обвитъ змѣями и украшенъ вѣнцемъ изъ мертвыхъ головъ: а поелику у него шесть рукъ, то въ одной держитъ трезубецъ съ изображеніемъ смерти, въ другой крюкъ и петлю, въ третьей дамару, въ четвертой четки, въ пятой чашу изъ черепа, въ шестой секиру.

Въ *Ачинскомъ* дацанѣ, кромѣ сихъ и подобныхъ имъ изображеній, нестрѣютъ по наружности каменнаго зданія фигуры, имѣющія отношенія къ буддійскимъ додекадамъ. Начинаясь тигромъ оканчиваются коровою — *укыр* (92).

Второстепенные бурханы, по большой части, изображаются разноцветными красками на тканяхъ и бумагахъ. Но бываютъ они рѣзные и лепные, каковы и всё вышеупомянутые. Въ последнемъ случаѣ массивность съ уродствомъ составляетъ все достоинство идоловъ.

Забота обо всемъ, что касается до канищъ, возложена на особыхъ лицъ, избираемыхъ изъ среды жреческаго сословія. А поелику въ жрецахъ недостатка не бываетъ, и каждый дацанъ считаетъ ихъ сотнями: то для Буддизма нѣтъ причины стѣсняться въ дѣлѣ распредѣленія должностей. Онѣ дробить ихъ съ полною свободою. И прежде всего являются у него при каждомъ канищѣ слѣдующіе девять чиновъ—*Шигемунни юсун кергем*:

- 1) Ширету — настоятель.
- 2) Цорджи — благочинный,
- 3) Чинзаба — товарищъ благочиннаго,
- 4) Засакъ — распорядитель,
- 5) Да — уставщикъ,
- 6) Навсо — экзаменаторъ.
- 7) Гебгой-блиоститель кумирнаго порядка.
- 8) Уизать — начинатель службы,
- 9) Нирба — казначей.

Рядъ этихъ первыхъ чиновъ, зависящихъ непосредственно отъ Бандидо-хамбы, продолжаютъ собою

10) Лацап и Джитбу — старшій и младшій кандидатъ на ширетское достоинство,

11) Гурумбе — требосправитель.

12) Такилчи — распорядитель при жертвахъ и церемоніяхъ,

13) Дуганчи — наблюдатель за чистотою дацановъ,

14) Джима — стольничій.

15) Сойбун — прислужникъ ширета при идолослуженіи. Ихъ два.

16) Гынкъ — помощникъ Гебгоя.

17) Джунджикъ — помощникъ Унзата.

Къ этому пусть читатель присоветовать десятки и сотни музыкантовъ, пѣвцевъ, чтецевъ, и всякаго рода прислужниковъ съ легіономъ ламъ; и тогда получатъ онъ понятіе не только о существующихъ въ Сибири капищахъ, но и о тѣхъ, которыя были нѣкогда разбѣяны во всѣхъ концахъ свѣта, и потомъ стерты съ лица земли побѣдною силою Креста.

С Т А Т Ь Я

XII.

Ганджуръ-Данджуръ.

Первую драгоценность дацановъ и гордость ихъ составляетъ Ганджур-данджуръ, или собраніе священныхъ книгъ, число которыхъ возводится до 560.

Изъ этого числа собственно Ганджура, или книгъ канонической важности 108. Всѣ онѣ приписываются частию Шигемунію, частию ближайшимъ его ученикамъ Анандъ, Собади и другимъ ⁽⁹³⁾. Остальные 252 носятъ названіе Данджура, и ихъ признають комментариемъ на Шигемуніево ученіе ⁽⁹⁴⁾.

О толковникахъ преданіе гласитъ, что ихъ было восемьдесятъ одинъ; родились они на берегахъ священнаго Ганга, и оттуда пролили свѣтъ на глубокія таинства Буддизма. А поелику предполагается, что дѣло такой важности не могло иначе совершиться, какъ подъ вліяніемъ сверхъестественныхъ силъ: то мудрые истолкователи Ганджура причислены къ разряду геніевъ и имъ

усвоенъ почетный титулъ *Индійскихъ чудотворцевъ*— *инеткегун наин ниген Сидитен*.

Тѣмъ большимъ авторитетомъ пользуются самыя книги. На нихъ смотрять, какъ на законъ жизни, хранилище знаній. Вѣрятъ, что въ Ганджурѣ все измѣрено, исчислено отъ кедра до иссопа, отъ человѣка до червя, отъ глубинъ тартара до превыспренняго царства Сукавади. Къ тому за аксіому принимается, что книги эти писаны на Санскритскомъ и Тибетскомъ языкахъ. А потому разновременно, по требованію обстоятельствъ, перелагаемы были, съ большею или меньшею полнотою, и на прочіе языки, особенно Китайскій и Монгольскій. Важнѣйшую въ дѣлѣ семъ услугу оказали Богдыханы. По ихъ повелѣнію дѣлались сличенія текстовъ, составлялись комментаріи и переводы, и міръ Буддійскій обогащался многими и роскошными изданіями.

Кайба джумнейн даг-икъ насчитываетъ въ Ганджурѣ одиннадцать отдѣловъ. Но изъ нихъ не болѣе шести соприкасаются къ предметамъ вѣры, и части эти суть слѣдующія :

1) *Барамиды*, въ которыхъ, сверхъ мно-

гихъ частностей, излагается ученіе о богахъ, благочестіи, взаимной связи существъ міра и способахъ познанія ихъ.

2) *Мадья-магама* — это трактаты о свойствахъ пустоты (хогосун чинарун), ничтожности всего земнаго и временнаго, и о путяхъ, коими идутъ подвижники, борясь съ тысячами препятствій.

3) *Абидарма* — теорія о составѣ и положеніи міровъ, объ условіяхъ жизни въ разныхъ частяхъ вселенныя и о послѣдовательности перерожденій и переселеній — *турун тугекуй*, каковыя испытываются живущими въ мірѣ тварями, въ воздаяніе дѣлъ ихъ.

4) *Виная*, или уставы и учрежденія, опредѣляющія внѣшній и внутренній характеръ Буддизма.

5) *Тарнины*, изъ которыхъ почерпается познаніе таинствъ міра вещественнаго и духовнаго, и гдѣ указуются чрезвычайныя средства къ восхожденію на высоту того совершенства, каковаго достигли Бодисады и Будды.

6) *Вишну*—вишнейи илгал. Къ отдѣлу сему отнесены защитительныя, обличительныя, утѣшительныя и вообще нравствен-

наго содержанія разсужденія , излагаемая діалектическою формою.

Остальныя же части содержатъ не связные отрывки, касающіеся словесныхъ-*дагун бутугекуй*, и математическихъ-*джурхайи*, наукъ , особенно же терапіи и разныхъ отраслей естествознанія, каковы суть: Шаджоть , Джаджоть , Ман-а-джоть , Чимейджить и проч.

Впрочемъ раздѣленіе такое мало извѣстности имѣеть. И по канону какъ Индійскихъ, такъ и Сибирскихъ Буддистовъ допущено въ Ганджурѣ всего три части: *Сутры*, или основныя правила вѣры, *Виная* и *Абидармы*, о которыхъ упомянули выше. Въ каковомъ отношеніи и весь кодексъ называется трисоставнымъ сосудомъ — *гурбан аймак саба* ⁽⁹⁵⁾.

Въ первой изъ сихъ частей Буддисты находятъ примѣненіе къ тремъ степенямъ нравственнаго совершенства , извѣстнымъ подъ символическимъ названіемъ: Дулбейн санварь , Бодисадоин санварь, Тарнин санварь. Шигемуни, въ качествѣ представителя верховнаго Будды, открываетъ таинства вѣры, предписываетъ законы, указываетъ пути перерожденій, повѣдаетъ о чудесахъ неба и

ада, и все это языкомъ сладкогласнымъ. Но увы! Пышность словъ не скрываетъ пустоты афоризмовъ, и громкіе звуки устъ не достаточны къ тому, чтобъ заглушить тайной голосъ души оракула:

Dum prendere summa

Nitor, in adversum culmine dejicior.

Тѣмъ меньше значенія имѣютъ остальные двѣ части Ганджура, вращающіяся въ области аскетизма и мистики. Бывъ порожденіемъ въковаго боренія сектъ, онѣ представляютъ безконечный рядъ дѣленій и подраздѣленій, гипотезъ и софизмовъ, какъ бы съ намѣреніемъ допущенныхъ, чтобъ оутытывать и умъ и память читателя. А потому глубокіе знатоки Ганджур-данджура суть рѣдкое явленіе въ мірѣ Буддійскомъ. Масса же ламъ не простирается далѣе поверхностнаго знанія тѣхъ лишь книгъ, безъ которыхъ не лзя обойтись при отпращеніи дѣлъ званія. Но и этотъ отдѣлъ книгъ такъ великъ, что можетъ составить собою цѣлую бібліотеку. Вотъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ:

1) *Юмъ*, иначе Эке билык барамдъ, книга многотомная. Она соотвѣтствуетъ Брахманскимъ Ведамъ и служитъ основаніемъ буддійской догматики и морали.

2) *Брандза-барамиды*. Подъ именемъ симъ извѣстны на Тибетскомъ языкѣ не одно, а многія сочиненія, слишкомъ неравномѣрныхъ объемовъ. Въ нихъ говорится по преимуществу о дѣянiяхъ Будды, прославляется его ученiе и счастье тѣхъ, кои вѣрны ему.

3) *Джадамба*. Она составляетъ отдѣлъ Брандза-Барамиды и справедливо можетъ назваться панигирикомъ всему сонму боговъ. Похвалы писаны стихами, число которыхъ простирается до восьми тысячъ.

4) *Доди дзамлун*, или *Улигерундамай*. Занимается разсказомъ о борьбѣ Будды съ послѣдователями черной вѣры, о торжествѣ надъ ними и въ особенности о чудесахъ, изъ которыхъ пятнадцать составляютъ вѣнецъ славы Шигемунiя ⁽⁹⁶⁾.

5) *Шигемунин намтаръ*. Это Шигемунiева биографiя, отличающаяся отъ другихъ подобныхъ жизнеописанiй полнотою, а потому и пользуется большимъ уваженiемъ.

6) *Мани гамбум*. Книга богатая сколько историческими, столько и нравственными уроками. Барамиды ея, бывъ примѣнены къ извѣстной молитвѣ — *ом, ма, ни,*

бад, ме, жом, служатъ какъ бы лѣстницею, возводящею изъ міра Сансари въ царство Сукавади.

7) *Чихула керелекчи* считается лучшимъ руководствомъ къ познанію основныхъ началъ буддійской космологіи.

8) *Кайба джумнейн даг-икъ*, иначе *мерет гарху оронъ*, трактуетъ о составѣ и взаимныхъ отношеніяхъ міровъ, о богахъ и геніяхъ, и опредѣляетъ значеніе и обязанности лицъ буддійской Іерархіи.

9) *Санан-сецень* пытается рѣшить великія космологическія задачи, касающіяся начала міра и тѣхъ переворотовъ, какіе уже испытаны имъ, или еще грозятъ ему (*).

10) *Саин цакъ* даетъ понятіе о первобытномъ состояніи міра и въ особенности раскрываетъ исторію происхожденія боговъ міроправителей.

11) *Алтан герылъ*. Этотъ золотой свѣтъ ограниченъ не многими сказаніями о самоотверженіи Шягемунія и объ открытіи имъ же самимъ золотого гроба, вмѣщавшаго бѣлоснѣжныя его кости.

12) *Бадми гатанъ*. Принадлежитъ къ разряду таинственныхъ. Но таинства ея на-

(*) Текстъ и переводъ Санан-сецена издавъ Акад. Швидтомъ.

ходятъ мѣсто лишь въ красномъ кортѣ, которому и посвящена она сочинителемъ своимъ бакшею Бадма Самбабою.

15) *Арапсаль* — служебникъ желтаго, или Шигемувіева обряда. Въ 72-хъ отдѣлахъ, изъ которыхъ состоитъ Арапсаль, содержатся службы цѣлаго года, примѣненныя: а) къ тремъ богослужебнымъ временамъ: утру, полудню и вечеру; б) къ тремъ отдѣленіямъ боговъ міроправителей — *гурбан цагун бурхандор* т. е. настоящаго, прошедшаго и будущаго времени; в) къ тремъ классамъ существъ божеской природы, каковыми признаются бурханы, бодисаты, и тенгеряны. Не забыты здѣсь и перерожденцы, особенно Банчин-богдо, Далай-лама и Ургинскій Хутукту, извѣстный подъ именемъ *Дзибдзан дамбейн гегенъ*.

14) *Докшитъ*. Книга эта будучи продолженіемъ Арапсала, содержитъ подобно ему службы, только не желтаго обряда, а краснаго, бѣлаго и чернаго. По каковымъ обрядамъ прежде всего чествуютъ девять грозныхъ духовъ, или Докшитовъ; а за ними уже Очирвани, Гунгара, Дуйн-хара, Селдуме и другихъ страшиллицъ.

15) *Гурумун номъ*. Обряды, коихъ пра-

вила излагаются здѣсь, представляя два отдѣла—бѣлый и черный, служатъ одни къ сближенію съ добрыми духами, другіе избавляютъ отъ злыхъ.

16) *Сундой*. Когда въ борьбѣ съ злыми духами мѣры обыкновенныя не приносятъ желаемой пользы: то обращаются къ Сундою, и силою его заклинаній заставляютъ враждебныя силы прекращать дѣйствія свои и даже искать для себя новыхъ убѣжищъ.

Прочія книги, въ числѣ 57-ми, занимающія собою Ламъ, но чуждыя для дѣлъ вѣры, извѣстны подъ общимъ названіемъ *Боди дзугун гочин дологан полъ*. Для Буддистовъ онѣ служатъ какъ бы энциклопедію, отъ Грамматики до Метафизики и отъ Геологій до Астрологій. О совершенствѣ наукъ сихъ судить можно по той недвижности, на которую обречены онѣ. За то и адепты не взыскательны. Системы для нихъ не существуютъ. Одна медицина составляетъ нѣкоторое изъятіе, и это потому, что съ жреческимъ званіемъ соединено званіе врача, обязаннаго быть готовымъ на помощь всѣмъ и каждому. Да и она въ области Буддизма до нынѣ остается съ характеромъ тѣхъ временъ, когда даже Пливіи могли не-

обинуясь говорить о врачебномъ искусствѣ: *Fraudes hominum et ingeniorum capturae officinas invenire istas, in quibus sua cuique homini venalis promittitur vita. Statim compositiones et mixturae inexplicabiles decantantur. Arabia atque India in remedio aestimantur: Ulcerique paruo medicina a rubro mari imputatur. Cum remedia vera quotidie pauperrimus quisque coenet. Nam si ex horto pentantur, aut herba vel frutex quaeratur, nulla artium vilior fiat* (Plin. L. XXII. c. 23).

С Т А Т Ь Я

ХІІІ.

Х у р а л ь.

Въ предъидущихъ статьяхъ не разъ упоминали мы о службахъ, или хуралахъ. Здѣсь объяснимъ какъ совершаются хуралы и какими особенностями отличаются они одинъ отъ другаго.

Арапсалъ каждому дню назначаетъ особья чтенія и пѣнія. Но частности не измѣняютъ общаго характера службъ и сами подчинены началу единства, выражающемуся въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ.

На разсвѣтѣ, по пробитіи въ харонгу, готовящіеся къ служенію жрецы, облекшись въ оркимджи, шисарь и джанчи, отправляются, въ предшествіи Ширета, читая мысленно Мекземъ. Достигнувъ же канища, останавливаются на крыльцѣ, а Гебгой поспѣшаетъ отворить двери. Жрецы снимаютъ съ головъ шисары и дѣлаютъ три поклоненія. Между тѣмъ дверь предъ ними затворяется. Тогда, не сходя съ мѣста, начинаютъ монотонно: *Бодисадо ике ниу-мусекчи эдзен.... эуде-бен негетугей* — многомилостивый Господи отвори намъ двери и проч.

Молитва трижды пропѣвается. Потомъ Ламы входятъ въ сѣни канища и начинаютъ одинъ за другимъ вертѣть курду. Доколь она движется, Ширетъ не остается въ покоѣ. Онъ дѣлаетъ поклоненія предъ жертвенниками, касаясь ихъ челомъ; одѣвается въ полный нарядъ и усаживается въ почетныхъ креслахъ. При сихъ и подобныхъ дѣйствіяхъ, Ширету обыкновенно прислуживаютъ два Сойбуна, *quasi diaconobutes, et assistentium vices gerentes.*

Ламы, исполнивъ долгъ Курды, обращаются съ знаками глубокаго уваженія къ

Ширету и принимаютъ благословеніе, которое преподается имъ возложеніемъ на голову каждаго книги трехъ сокровищъ, называемой Гусумтукъ.

По принятіи благословенія, садятся на своихъ мѣстахъ и пропѣваютъ, или прочитываютъ ключъ закона, явче исповѣданіе—*итегелъ*. Велѣдъ за тѣмъ одни изъ нихъ отправляются въ верхнюю часть капища—*Гонхо*, или въ побочныя—*дурбен ундесуну суме*, для отправленія службъ—*эрке* докшитами; другіе остаются въ главномъ капищѣ и продолжаютъ утреннюю службу—*харонтайн хуралъ*.

Описанный обрядъ при послѣдующихъ хуралахъ, то есть полуденномъ и вечернемъ, не повторяется. А потому смотрѣть на него должно, какъ на введеніе къ службамъ цѣлаго дня.

При службахъ всѣ жрецы находятся въ сидячемъ положеніи, съ поджатыми ногами. Только Узатъ и два, или четыре Гебгоя становятся на уступахъ между ламскихъ рядовъ, чтобъ быть и блюстителями чина и канонархами. Начинаясь ими стихи пропѣваются совмомъ служащихъ, съ большимъ, или меньшимъ повышеніемъ голоса. Но во-

обще въ пѣніи господствуетъ монотонія. Однѣ докшитскія службы составляютъ изъятіе, допуская всякаго рода экстазы.

Въ продолженіе службы, особенно при пѣснопѣніяхъ, главный жрецъ постоянно бываетъ озабоченъ. Ибо каждое знаменательное и патетическое мѣсто, требуя своихъ сигналовъ, обязуетъ жреца къ выраженію ихъ чрезъ очирь, ховхо, дамару и разные жесты рукъ. Всѣ же знаки и движенія совершаются по руководству правилъ Чахдза и Докбо, обряда Шигемуніанскаго и докшитскаго, изложенныхъ въ книгѣ Мигрим-джидримъ. Символика эта высоко цѣнится. И кто изучилъ ее, тотъ имѣетъ право на ученую степень и на титулъ Мигримба (97).

Главное условіе жестовъ заключается въ примѣненіи къ формѣ и свойствамъ предметовъ, требующихъ вниманія со стороны зрителя. Такъ, обѣихъ рукъ пальцы—большой и перстеночный, приложенные одинъ къ другому въ полусогнутомъ состояніи, изображаютъ гору Сумберъ, а остальные четыре служатъ символомъ четырехъ странъ свѣта. Быстрое вращеніе руками, захватываніе чего-то, а потомъ удареніе въ ладони напоминаютъ о непрестанной борьбѣ съ

злыми духами и объ отраженіи ихъ силою молитвъ. Ладонь, приложенная къ ладони, указываетъ на десять грѣховъ и на готовность человѣка воздерживаться отъ нихъ. Поднятіемъ сложенныхъ рукъ выражается чувство умиленія, а распростертіемъ ихъ и самыхъ пальцевъ— благоговѣніе и преданность, особенно ежели распростирающій руки, вмѣстѣ съ тѣмъ, и голову свою смиренно приклоняетъ и очи смежаетъ.

Говоря о жестахъ, мы вѣсколько уклонились отъ главнаго предмета. Теперь опять обращаемся къ нему. Чинъ хураловъ, какъ выше замѣчено, даетъ первое мѣсто ключу закона, а за нимъ слѣдуютъ уже молитвы. Въ молитвахъ, на утренней службѣ поименно призываются на помощь всѣ боги. На службѣ полуденной прославляются божескія дѣянія, особенно боговъ міроправителей и тѣхъ, въ честь которыхъ совершается хураль. Почему службу эту по преимуществу называютъ хвалебною—*мактагалун хураль*. На вечерни—*ирюгелун хураль*, благодарятъ боговъ и приносятъ молитвы за живыхъ и умершихъ.

Послѣ молитвъ и хвалебныхъ пѣснопѣній, берутся за Юмъ, Мани гамбумъ, или

за другую подобную книгу, соображаясь частью съ уставомъ, частью съ обстоятельствами и приказами, какіе дѣлаются иногда отъ набожныхъ прихожанъ. Но во всякомъ случаѣ цѣль одна—прочитать много и скоро, какъ будто для того, чтобъ не уклониться ни на шагъ отъ правила, изложеннаго въ стихахъ Овидія:

... Propere, nec te venturas differ in horas,

Qui non es hodie, cras minus aptus eris.

Приступая съ такими побужденіями къ дѣлу, первенствующій жрецъ беретъ на свою долю нѣсколько листовъ изъ книжнаго свитка, а прочіе вручаетъ старшему послѣ себя, который тоже дѣлаетъ. Такимъ образомъ листы расходятся по рукамъ всѣхъ присутствующихъ ламъ.

Вдругъ капище оглашается извѣстною анафонею: *ламадор итегемой*... и каждый начинаетъ читать доставшійся ему фрагментъ. А кому удастся предварить другихъ окончаніемъ чтенія, тотъ обязанъ помогать отсталымъ; по этому общее дѣло изъ уровня своего никогда не выходитъ. Пусть слова чтецовъ бьютъ только воздухъ; пусть отзываются онѣ эхомъ вавилонскаго языкосмѣшенія: въ понятіи Буддистовъ это

не роняетъ, но высить цѣну религіознаго подвига. Ибо предполагается, что звуки, не впитаны людямъ, впитаны богамъ; и чѣмъ большее сліяніе голосовъ, тѣмъ скорѣе достигаютъ они небесныхъ высотъ и низводятъ оттуда благословеніе.

По окончаніи чтенія, приступаютъ къ отправленію разныхъ обрядовъ, каковы суть: Туйиъ, Аршіанъ и Мандза.

1) Туйиъ составляетъ исключительную принадлежность утренней службы. Для совершенія его, Узать и двое Такильчихъ выносятъ на капищную арену изображеніе неба—толи и бумбу съ сладкою и ароматною водою. Толи держать почтительно, едва касаясь окраинъ; жрецы поютъ, селницы и кегере гремятъ. Въ это время одинъ изъ Такильчихъ начинаетъ лить воду изъ бумбы, стараясь, чтобы ни одна капля не капнула на блюдо, не оросивши напередъ небеснаго круга. Узать по мѣрѣ орошенія, отираетъ кругъ хадаками разныхъ цвѣтовъ, примѣнительно къ рангу прославляемыхъ боговъ. Оставшаяся за симъ на блюдѣ вода почитается священою—*per excellentiam*—*бумбейи аршіан*. Ее вкушаютъ, какъ нектаръ, ея мажутъ, какъ слезы святымъ.

Сосудъ же, въѣщающій эту воду отличаютъ отъ другихъ жертвенныхъ принадлежностей цвѣтами и павлиными перьями. Не трудно понять, что все дѣйствіе Туйна есть символическое. Буддисты привѣтствуютъ имъ небожителей и какъ бы омывають свѣтлый ихъ зракъ послѣ пробужденія, для подвиговъ наступающаго дня. А поелику счастье быть при подобныхъ представительствахъ рѣдкому достается: то избранные приносятъ благодарную жертву — *ачиту мандаля*, и тѣмъ довершаютъ исполненіе утренныхъ религіозныхъ обязанностей.

2) Аршіанъ, а равно и Адис-аршіанъ принадлежатъ къ извѣстнѣйшимъ въ Монголіи вещамъ. Самый же обрядъ Аршіана совершается слѣдующимъ образомъ: по окончаніи обычныхъ молитвословій, одинъ, или двое изъ младшихъ ламъ отходятъ къ жертвенному мѣсту и тамъ готовятъ Адисъ, т. е. пучки сушеного вереса съ разными другими травами, и Аршіанъ—воду съ примѣсью молока.

Весь этотъ аппаратъ, или только Аршіанъ безъ Адиса, подносится на блюдахъ участвовавшимъ въ священнодѣйствіи, и они, начиная отъ послѣднихъ до перваго,

дуновеніемъ своимъ освящаютъ и воду и траву. А купно съ тѣмъ, принимая нѣчто отъ запаха сихъ веществъ, и сами на себя дуютъ. Чинъ Аршіана, будучи кратокъ, не лишень торжественности, доставляемой нѣніемъ и музыкаю. Почему и даютъ ему мѣсто при всѣхъ хуралахъ и гурумахъ. Воду же и траву употребляютъ, какъ духовное врачевство, противу оскверненія и стуженій, претерпѣваемыхъ отъ злыхъ духовъ.

5) Мандза. Это жертва приносимая за живыхъ и умершихъ — *укусун, амидойн ирюгелъ*. Она бываетъ утренняя и вечерняя. Но прочтеніи Гелуномъ шести предварительныхъ молитвъ, долгъ жертвователей предстать предъ сонмищемъ, сдѣлать обычные поклоненія, разлить мандзу и поднести ее въ освященныхъ чашкахъ каждому ламѣ. Между тѣмъ Геской (гебгой) является на сценѣ съ монологомъ слѣдующаго содержания: Свѣтозарные хутукты и хубилганы, прошедшіе море житейской суеты и поприще великаго міра, служащіе спасительнымъ орудіемъ противу трехъ роковыхъ золь! **И вы** достопочтенные ламы! воззрите на предстоящихъ предъ вами. Это благотворители: *ий.па, ый.па, перелен кемекдеку ули-*

гейн эдзет - ину. Принося жертву сію (мандза, дзет, селгешн: питіе, деньги и пр.), они испрашиваютъ вашихъ молитвъ: да будутъ избавлены отъ бѣдъ настоящей жизни, и сподобятся достигнуть совершенства Бодихутуктовъ въ вѣкѣ грядущемъ (98).

Выслушавъ такую рѣчь, жрецы поютъ молитву, держа въ рукахъ чашки и показывая движеніемъ рукъ, что они приносятъ жертву богамъ. Потомъ мандза выпивается, а жертвователи, поклонившись трижды до земли, становятся на колѣни подлѣ ламскихъ сѣдалищъ. Въ это время ширеть читаетъ молитву и препосылаетъ благословеніе всѣмъ, участвовавшимъ въ приношеніи жертвы.

Отъ вводныхъ сихъ дѣйствій, возвращаются къ общему чину службы. Узать начинаетъ мани татаху, а ламскій хоръ на каждый пропѣтый имъ стихъ отвѣчаетъ особымъ приѣвомъ — *тунжуръ*. Послѣ этого пѣнія, составляющаго одну изъ важнѣйшихъ частей богослуженія, прочитывается благодарственная молитва, и тѣмъ служба кончается. Ламы выходятъ изъ капища въ предшествіи ширета, и ежели благоприятствуетъ погода, или случай, то совершаютъ обхожденіе вокругъ кумирни, а

потомъ уже отправляются во свояси.

Сказанное нами доселѣ даетъ понятіе о частностяхъ хураловъ. Но чтобъ изучить ихъ въ цѣломъ составѣ, чтобъ живо напечатлѣть въ памяти фізіономію ихъ, надобно приглядѣться на хуралы во дни великихъ праздниковъ.

Тогда міръ языческій даетъ себя видѣть со всею своею религіозною помпою. Тогда пустынные окрестности дацановъ превращаются въ позорище; кипятъ народомъ дикимъ, шумнымъ, дающимъ разгулъ всѣмъ страстямъ: костры пылаютъ, кровь животныхъ льется.

Между тѣмъ отъ двора капищаго далеко несется эхо.—Тамъ гремитъ кенгерге, звучать деншики и гавлины, цаны и сельины, пронзаютъ слухъ миганъ, лимбо, джуру, шуглу, бискуры, дум-буръ, укыр-буръ и множество другихъ музыкальныхъ орудій⁽⁹⁰⁾, не измѣненныхъ типовъ того времени, когда племена и языки, по гласу трубы и *всякаго рода мусикійска*, повергались предъ золотымъ истуканомъ на полѣ Деиръ (Прор. Дан. гл. III).

Реву сихъ орудій не уступаютъ и клики жрецовъ. И когда весь ихъ сонмъ, распо-

ложенный длинными рядами, отливающій пламеннымъ цвѣтомъ странныхъ одеждъ, находящійся подъ вліяніемъ вакхальныхъ вдохновеній праздника: когда говорю, возносятъ онъ къ идоламъ молитвенный голосъ свой: то при видѣ этого зрѣлища, душа невольно погружается въ мрачную думу. Мнѣ всегда казалось, будто предо мною тѣ самые жрецы Вааловы и жрецы дубравные, ядущіе трапезу Іезавелину, которые нѣкогда, по глаголу Пророка Божія, бывъ собраны на гору Кармильскую, встали около жертвенника, громко вопія:—*Ваале, послушай насъ!*... *И не бѣ гласа, ни послушанія* (3 Цар. XVIII).

С Т А Т Ь Я

XIV.

Обряды.

Къ настоящей статьѣ относимъ тѣ изъ обрядовыхъ дѣйствій, которыя не входя въ составъ хураловъ и завися отъ условій человеческой жизни, могутъ быть совершаемы всегда и вездѣ, только не въ капищахъ. Дѣйствія эти и разнородны и таинственны.

Но извѣстнѣйшія изъ нихъ, по общеупотребительности своей, суть слѣдующія:

Милангоръ,
 Брачные обряды,
 Призывъ души,
 Искупъ жизни,
 Проводы души.

Милангоръ.

Душа, поставленная жребіемъ судебъ на порогъ земной жизни, видитъ предъ собою четыре моря—*орчилангун далай*. По первому носится колыбель, обуреваемая Адами. По четвертому—гробъ, окруженный лютыми Иргачинами. А два среднихъ представляютъ кипучую бездну страстей и болѣзней, соборище альбиновъ, буковъ, лусовъ, оролоновъ, шимнусовъ и подобныхъ имъ существъ. Всѣ эти моря человѣкъ долженъ проплыть; долженъ одолѣть всѣхъ враговъ, прежде нежели достигнетъ безмятежныхъ обителей Нирваны (*exemption de la douleur*. Burn. p. 590).

Въ видахъ споспѣшествованія на великомъ семъ поприщѣ, совершается обрядъ Милангоръ.

Въ третій день по рожденіи дитяти, зсы-
ваются родственники и приглашается Лама.
Жрецъ принесши обычныя молитвы, рас-
крываетъ книгу Джурхейн-лите, и при руко-
водствѣ ея старается опредѣлить отношенія,
какія имѣютъ къ рожденію: а) восьми-сти-
хійныя начала—*найман ку.ли.л*, находящія-
ся въ непосредственной связи съ стихій-
ными духами. б) девятицвѣтные знаки—
юсуи мынге, служащіе символами разныхъ
предметовъ духовнаго міра. в) Додекада ⁽¹⁰⁰⁾,
опредѣляющая собою значеніе годовъ, мѣ-
сяцевъ, сутокъ и даже часовъ. д) Семница
дней — *долон гарак*, обыкновенно начина-
ющаяся съ субботы ⁽¹⁰¹⁾ и служащая бли-
жайшимъ указателемъ дней благопріятныхъ
и злосчастныхъ. е) Суточный отдѣлъ, заклю-
чающій въ себѣ 360-ть степеней. г) Господ-
ствующія созвѣздія, особенно 25-ти звѣзд-
ное—*хорин табуи одон*, и другія, могущія
имѣть вліяніе на судьбу человѣка.

Опредѣливъ всѣ эти условія, жрецъ тор-
жественно возвѣщаетъ, что по не ложному
указанію Дзурхейн лите, рожденіе дитяти
послѣдовало (рго ехемрло): въ стихіи огня,
подъ краснымъ знакомъ, въ годъ тигра, въ
мѣсяцъ овцы, въ день вепря, въ часъ дра-

кона; въ сороковомъ отдѣлѣ (муцу) сутокъ; подь вліяніемъ десятой звѣзды; и потому новорожденному усвоится имя Демберель и пр. Въ этомъ же тонѣ составляется и письменный актъ, для справокъ при разныхъ обстоятельствахъ жизни. За тѣмъ родственники омывають дитя Аршіаномъ, а жрецъ читаетъ молитвы и заклинанія по книгѣ пяти боговъ хранителей—*табуи сакіану банзаракца*. Продолжительность такого чтенія опредѣляется достаткомъ хозяина. Если онъ богатъ, то Лама каждаго мѣсячно, въ теченіи года, приходитъ въ юрту и всякой разъ прочитываетъ надъ дитятею по главѣ изъ книги Банзаракца. Вообще же гурумъ этотъ оканчивается домашнимъ праздникомъ, носящимъ исключительное названіе Милангора.

Брачные обряды.

При заключеніи брачныхъ союзовъ—*быри булалгейн цаган гурум*, обращаютъ вниманіе сколько на родство ⁽¹⁰²⁾, столько на стихіи и созвѣздія, подь вліяніемъ которыхъ родились женихъ и невѣста. И если окажется, что условія рожденій взаимно противоположны, если напримѣръ, въ роковой моментъ на одно лицо дѣйствовалъ

огонь, а на другое вода: то лица такія признаются не могущими имѣть другъ къ другу сочувствія—*саудал харши* (antipathetici), а потому и бракъ между ними не допускается. Впрочемъ рѣшительные отказы рѣдко бывають. Ибо жрецы находятъ возможность къ умилостивленію враждебныхъ духовъ и даже къ примиренію противныхъ между собою стихій. Только семейства, въ пользу которыхъ дѣлаются примиренія враждебныхъ силъ, должны быть готовы на всякое пожертвованіе.

Устранивъ религіозныя затрудненія, приступаютъ къ формальному сватовству—*уге тутхаху*. Родители будущихъ супруговъ сперва дѣйствуютъ чрезъ довѣренныхъ, потомъ сами непосредственно; и вообще безъ согласія невѣсты. Ибо она признается не имѣющею права собою располагать. Ей даже не дозволено видѣть не только жениха, но и никого изъ принадлежащихъ къ его сторонѣ.

Между совѣщающимися о бракъ первые вопросы обращаются къ лѣтамъ жениха и невѣсты, къ родственнымъ ихъ связямъ, домохозяйству, и другимъ околичностямъ. Но существенность всегда заклю-

чается въ колымѣ, который долженъ быть заплаченъ за невѣсту, и который служитъ красугольнымъ камнемъ всѣхъ брачныхъ сдѣлокъ.

И ежели не предвидится съ этой стороны затрудненій, даютъ согласіе вести дальнѣйшіе переговоры; приглашаютъ жреца и вмѣстѣ съ нимъ молятся о благоуспѣшнѣмъ предпринятаго намѣренія. Читатель да замѣтитъ это обстоятельство: въ отношеніи къ жениху сямъ ограничивается весь вѣнчальный обрядъ. Все прочее вѣнчаній условій религіи. Положивъ такое начало дѣлу, извѣстному подъ фразою *былыкъ табуху*, въ урочный день вторично являются къ родителямъ невѣсты посланцы, или самъ отецъ жениха. Тутъ же долженъ быть и лама. Вошедши въ юрту, становятся на колѣни, дѣлаютъ покловеніе и приносятъ домашнимъ божествамъ жертву. Она обыкновенно состоитъ изъ кирпичнаго чая, который вмѣстѣ съ хадаками полагается предъ бурханами.

Послѣ сего радушно другъ друга привѣтствуютъ — *мендечилку*, съ соблюденіемъ правильнаго этикета. При близкомъ знакомствѣ, при равенствѣ лѣтъ и состояніи, обнимаютъ одинъ другаго — *золаху*, при дальности

отношеній, ограничиваются взаимнымъ простертіемъ рукъ и легкимъ склоненіемъ головы: при встрѣчѣ старшаго съ младшимъ, первый кладетъ руки на плечи, а послѣдній имѣетъ право коснуться только реберъ старика; а буде старѣйшій находится въ сидячемъ положеніи, то младшій, подошедши къ нему въ полусогбенномъ состояніи, полагаетъ осторожно руки на его колѣни, а тотъ, не трогаясь съ мѣста, оплачиваетъ ему прикосновеніемъ къ плечамъ.

Изливъ чувства радости и благожеланій, садятся вокругъ огня и принимаютъ заганзу (трубку), мандзу, кумысъ, тарасунъ и другія сласти кочеваго быта. Среди сихъ развлеченій, задача о колымѣ получаетъ окончательную развязку. Только исполненіемъ условій неспѣшать, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда плательщикъ не богатъ стадами, или когда женихъ и невѣста не созрѣли для брака. Но къ самому браковѣчанію никогда не приступаютъ прежде уплаты колыма во всей условленной полнотѣ, и прежде присылки гостинцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сагаль, или Сун тугелей кургеку, дающихъ поводъ къ сборищу и веселью. Бываетъ же и то, что

обязательныя условія переходятъ отъ одного лица къ другому; а иногда женихъ, проживши съ невѣстою годы и не получивъ дѣтей, отказывается отъ нея и отправляетъ ее вояси-*туркумдо харигулаху*. При снхъ и подобныхъ картинахъ жизни, нельзя не воскликнуть съ Овенонъ :

Neu male diluitur, teneris quod mentibus haesit;

Praesertim durant, quae didicere mala.

Monost. p. 108.

Самый свадебный обрядъ совершается въ юртѣ, принадлежащей отцу женихову. Невѣста приводится подъ покрываломъ, и переступивъ черезъ порогъ, становится, вмѣстѣ съ двумя подругами, на колѣни передъ огнемъ. Жрецъ прерываетъ молчаніе молитвенными воззваніями, на которыя невѣста отвѣчаетъ земными поклонами. Сперва кланяется она трижды домашнимъ богамъ и приноситъ имъ, чрезъ посредство тысяцкаго, хадакъ и другія вещицы. Потомъ кланяется огню — *чалдо жургуку*, и бросаетъ въ него кусокъ варенаго бараньяго жиру; тысяцкій же съ своей стороны украшаетъ лентами треножникъ — *тула*, и тѣмъ воздаютъ должную честь священной стихіи огня. Далѣе слѣдуетъ

длинный ряд поцеловъ родственникамъ и знакомымъ, старшимъ и младшимъ, ближнимъ и дальнимъ. И на долю каждаго изъ нихъ невѣста бросаетъ по куску жиру; между тѣмъ тысяцкѣй раздаетъ подарки. А тѣ въ свою очередь перевозносятся ловкостью, съ каковою изъ подъ рукъ невидимки вылетаютъ лакомства, и отблагодариваютъ ее подарками. Въ продолженіи всей этой сцены Лама, сидя на почетномъ мѣстѣ, не умолкаетъ и чтеніемъ своимъ даетъ ипршеству характеръ, какъ бы религіозный.

Наконецъ, подруги отводятъ невѣсту въ женихову куцу. Тамъ только снимается съ глазъ ея повязка, чтобы воззрѣть на своего суженаго. Тамъ, увы! часто однимъ мгновеніемъ разсыпаются всѣ льстивыя мечты и открывается горькая дѣйствительность (103). Впрочемъ для міра нашего это не новость. Подъ кровомъ куцы и въ чертогахъ жребій чловѣка одинаковъ. Щастливъ лишь тотъ, кто вѣренъ мудрому правилу:

Quod tibi contigerit, patienter ferre memento:

Nam certum, fieri numine cuncta Dei.

Oven. Ethic. Epig. 39.

Призывъ души.

Буддійская Психологія, допуская въ чело-
вѣкѣ двѣ души: матеріальную — *укеге-
рун*, и духовную, или главную — *эрким
сунесун*, одной изъ нихъ подчиняетъ фи-
зическую жизнь челоѣка, другой умствен-
ную и нравственную; одну поставляетъ въ
неразлучной связи съ тѣломъ, другую на-
противъ въ соотношеніяхъ случайныхъ и
удобопрерываемыхъ.

На основаніи началъ сихъ, Буддисты вѣ-
рятъ, что главная душа можетъ быть по-
хищена у челоѣка демонами, можетъ ос-
тавлять тѣло и сама, при сильныхъ и не-
чаянныхъ потрясеніяхъ. Но какъ бы ни
случилось это несчастье, послѣдствія его
всегда ужасны. Ибо челоѣкъ, потерявъ
душу свою, быстро слабѣетъ умомъ и на-
мятію. Его томить смертная тоска, мучать
и повергають въ отчаяніе недуги. Помощь
врачебная ему не въ пользу; и лишь свя-
щенные гурумы подають лучъ надежды и
утѣшенія.

При сихъ-то обстоятельствахъ совер-
шается обрядъ призыва души—*сунесу ду-
далга*.

Когда не остается болѣе сомнѣнія, что

душа похищена у больного Иргачиномъ, то первымъ долгомъ считаютъ умилостивить адскаго бога Чойжила, дабы при помощи его, вызвать похитителя и отобрать душу. Съ этою цѣлю дѣлаютъ изображеніе девяти Иргачиновъ, съ надписаніемъ на оборотѣ именъ ихъ. Дождавшись полуночи, иргачиновъ кладутъ въ мѣшокъ изъ сырой нестрой кожи, и завязываютъ такимъ же арканомъ въ девять оборотовъ. Потомъ, нарочито избираемые изъ общества девять смѣльчаковъ, окруживъ заключенныхъ иргачиновъ и имѣя каждый въ готовности оружіе, какъ бы для ихъ пораженія, внимаютъ заклинаніямъ, произносимымъ ламою по руководству таинственной книги *Сидилъ*. По окончаніи же заклинаній, одинъ изъ отважнѣйшихъ, схвативъ за арканъ и перекинувъ его черезъ плечо, увлекаетъ мѣшокъ изъ юрты и трижды обѣгаетъ ее въ сопровожденіи толпы, старающейся сколько можно болѣе встревожить духовъ ночи дикимъ воплемъ, стукомъ оружія, звуками трубъ и бубновъ. А когда мѣшокъ съ иргачинами появляется въ преддверіи юрты, его встрѣчаютъ стрѣльбою и поспѣшно выбрасываютъ истукановъ на землю, замѣчая,

какъ они падаютъ—лицъ, или на спину. Тутъ же упавшихъ лицъ раздробляютъ молотомъ; напротивъ лежащiе на спинѣ признаются требующими новыхъ жертвъ. Почему опять кладутъ ихъ въ мѣшокъ и подвергаютъ новымъ усиленнымъ заклинанiямъ, повторяя вмѣстѣ съ тѣмъ и сцену бѣготни. Ренетниця эта съ дополнительными къ ней обѣтами, опредѣляемыми книгою Сидиль, продолжается дотолѣ, пока все иргачины упадутъ лицъ и попадутъ подъ сокрушительный молотъ.

Сокрушенные идолы еще разъ появляются въ мѣшкѣ, и уже болѣе не выходятъ изъ него. Ихъ влекутъ въ пустыню, и тамъ зарывши, полагаютъ подъ черный камень съ надписью, выражающею ту мысль, что хищные духи, бывъ удовлетворены, не станутъ впередъ причинять вреда семейству, ради котораго совершился обрядъ.

За симъ все обѣщанное Иргачинамъ, въ томъ числѣ и бывшiя въ дѣлѣ орудiя, отдаются совершителямъ гурума.

Но этимъ не всегда полагается конецъ дѣлу. Случается, и очень часто, что больной, повесивъ всю тяготу издержекъ, не чувствуетъ никакого облегченiя. Тогда при-

ступаютъ къ новымъ предположеніямъ о причинѣ гнѣздящагося въ человѣкѣ зла. Являются новые искусники, увѣряющіе, что прежній совершитель обряда не имѣлъ довольной опытности и не соблюлъ всѣхъ предписанныхъ правилъ. И потому семейство больного вторично обрекается на совершеніе гурума и подыятіе раззорительныхъ издержекъ.

Иногда же дѣло врачеванія получаетъ такой оборотъ: тайновѣдцы начинаютъ утверждать, что душа больного, силою заклинаній и дѣйствіемъ принесенныхъ жертвъ, хотя и освободилась изъ подъ вліянія пргачиновъ, но не можетъ возвратиться въ тѣло, не находя къ нему дороги; или не хочетъ, пренебрегая брѣвностію тѣла.

Чтобы помочь этому горю, раскладываютъ вокругъ больного лучшую его одежду и все то, чѣмъ наиболѣе дорожить онъ и что удовлетворяетъ его вкусу и привычкамъ. Самъ же онъ оmyвается, окуривается и вообще приводится въ возможно-хорошее и успокоительное положеніе. Тутъ же должны находиться ближайшіе родственники, друзья и пріатели больного. И всѣ эти лица въ дѣлѣ призыва души принимаютъ живое

участіе. Они три раза съ важностію обходить юрту, и умиленно зовутъ по имени бѣдную скитальницу—*ире, ире!* умоляя ее такимъ образомъ возвратиться въ тѣло.

Для удобства же къ возвращенію души въ забытое ею, или потерянное жилище, проводится пяти-цвѣтный снурокъ, на протяженіи девяти аршинъ, отъ головы больного за дверь юрты.

Во время всей этой операціи жрецъ, облеченный въ священную одежду, читаетъ во всеуслышаніе объ ужасахъ ада и объ опасностяхъ, какимъ подвергается душа, самовольно отдѣлившаяся отъ тѣла. Наконецъ онъ обращается къ присутствующимъ и къ самому больному съ вопросомъ: *Пре-ю-пришла ли?* И на вопросъ его всѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: *иребей, иребей, иребей!* давая симъ знать, что искомая душа возвратилась, что цѣль обряда достигнута, и больной не замедлитъ придти въ нормальное состояніе. Вслѣдъ за симъ спѣшатъ съ привѣтами и поклонами къ возвратившейся странницѣ, и въ знакъ радости, бросаютъ на больного сѣмена. А снурокъ, послужившій проводникомъ для души, свиваютъ (начиная *ab extra*) въ мотокъ и надѣваютъ боль-

ному на шею, съ тѣмъ, чтобы онъ семеро сутокъ носилъ его не скидая. Всѣ же члены семейства обязуются не только не оскорблять больного и не пугать какою либо печальностію, но и всячески угождать ему. Это вужнымъ считается для того, чтобъ душа, не привыкшая еще къ тѣлу, не рѣшилась вторично расторгнуть съ нимъ связь и такимъ образомъ подвергнуть жизнь и здоровье паціента повой и горшей опасности.

Искупъ жизни.

Когда всѣ средства, принятыя къ исцѣленію больного, оказываются не дѣйствительными, и жизнь его находится въ явной опасности, тогда приступаютъ къ совершенію обряда, называемаго искупомъ души—*аминь долик*.

Совершителями обряда по преимуществу бываютъ ламы Докшитскаго чина. Подъ ихъ руководствомъ дѣлаютъ изъ травы чучелу, одѣваютъ ее въ лучшее платье паціента и даютъ ей возможно-приличную позу. За тѣмъ вокругъ чучелы разставляютъ лѣгнныя изображенія альбиновъ, буковъ, элье, ады, кульчина, онгоновъ, оролоновъ и всѣхъ тѣхъ духовъ, кои, будучи всегда близки къ чело-

вѣку, любятъ тѣшиться его горемъ и бѣдою. Изображенія эти украшаются чѣмъ можно, а въ особенности атрибутами каждаго духа. Вмѣсто же жертвъ полагаютъ волосы разныхъ животныхъ, приносимыхъ въ искупъ за душу. Тутъ же долженъ находиться въ полной сбруѣ лучшій конь больного, или вошь, дабы изгоняемый духъ могъ беспрепятственно уѣхать въ пустыню.

Сдѣлавъ такія приготовленія и дождавшись глубокой ночи, жрецы приступаютъ къ гуруму. Сперва чтеніе идетъ тихо, духи улачиваются, умаливаются, упрощаются, оставляютъ больного и переселиться въ чучелу, взявъ въ придатокъ предложенныя жертвы.—Потомъ, мало по малу, тонъ начинаютъ измѣнять, и тѣмъ побуждаютъ самую чучелу измѣнить свое положеніе: она дѣлаетъ поворотъ и становится личиною къ жрецамъ. Между тѣмъ дѣйствователи, постепенно возвышая гласы свои, доходятъ до неистоваго козлогласованія. Такая же и музыка сопровождаетъ этотъ актъ. А чтобъ болѣе произвестъ на зрителей впечатлѣнія, то искуснѣйшій изъ ламъ (каковою репутаціею пользовался въ недавніе годы Лумбумъ) выходитъ во всеоружіи Докшитскомъ на

арену, пляшетъ подь тактъ бубновъ и другихъ подобныхъ орудій: наконецъ, достигнувъ апогея изступленія, яростно мечется по всеѣмъ направленіямъ юрты, провъщеваетъ языкомъ Шоѳи, уродуетъ и рѣжетъ себя, а иногда и больного пронзааетъ пожемъ. Среди Фокусовъ такихъ, бросая химическіе составы—*гал дурама*, на очагъ, производитъ пламя, трескъ, дымъ и удушающее зловоніе.

Все это считается нужнымъ для того, чтобы принудить враждебныхъ духовъ оставитъ въ покоѣ больного и переселиться въ чучелу, или уѣхать. И дѣйствительно, хозяинъ не видитъ уже болѣе любимаго коня своего, или вола; но какой духъ уѣзжаетъ на нихъ, про то знаетъ лишь совершитель гурума. Чтожъ касается до чучелы, то ее сожигаютъ вмѣстѣ съ истуканами въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жилищъ. А бывшая на ней одежда, равно и всѣ животныя, обреченныя въ жертву, достаются ламамъ.

Подобныя гурумы совершаются и при общественныхъ бѣдствіяхъ, съ цѣлію умиловленія боговъ. Мѣстомъ дѣйствія въ такихъ случаяхъ бываетъ Обо. Близъ него дѣлается деревянная статуя—*линга*, пред-

ставляющая собою одного изъ враждебныхъ міру духовъ—*дайду делекейн эдзен*. Статуѣ дается грозный видъ, и она облекается во всѣ воинскіе доспѣхи. А самое Обо и оеѣняющія его дерева украшаютъ разными мелочными вещами, извѣстными подъ общимъ именемъ—*Юсун эрденин дзуилъ*.

За тѣмъ приступаютъ къ обряду. Слѣдуя общему правилу гурумовъ, сперва упрашиваютъ боговъ, особенно Хормусду, а потомъ сыплютъ проклятія на Асури и на все мятежное царство, находящееся, какъ извѣстно, подъ священнымъ Сумберомъ. Въ заключеніе же провозглашается побѣда надъ враждебными духами; представитель ихъ *Линга* разстрѣливается—*харбоху*, и погребается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ выставленъ былъ для позора. А орда, съ своими манторами, продолжаетъ пировать и веселиться.

Описанный здѣсь обрядъ допускаетъ разныя видоизмѣненія, зависящія отъ обстоятельствъ. Чаще же всего, деревянный пестукашъ замѣняется лѣпнымъ изъ теста. А чтобъ фигура эта живѣе представляла гонимаго врага и побѣду надъ нимъ, то наполняютъ ее кровью и потомъ казнятъ, раз-

рѣзывая на части. Въ каковомъ случаѣ и самый обрядъ называется крушеніемъ Линги—*Линга эбделе*. Иногда же, вмѣсто расправы съ Лингою, принимаются за укрощеніе мѣстныхъ духовъ и, по совершеніи обряда—*бумхан такилу*, заключаютъ ихъ въ одномъ изъ Бумхановъ, кои находится при каждомъ канищѣ и составляютъ родъ малыхъ часовень. Въ Бумханахъ сихъ заключенцы содержатся безвыходно круглый годъ, потомъ выносятся ихъ (*simulacra*), чествуютъ жертвами и опять на годъ заключаютъ, доколѣ время не наложитъ на нихъ свою руку и не истребитъ слѣдовъ ихъ ⁽¹⁰⁴⁾.

Dum certis incerta sequor, rem prodigus omnem
Converti in fumos, et miseros cineres.

Наконецъ къ обрядамъ, имѣющимъ цѣлю избавленіе отъ бѣдъ и напастей, относятся гаданія. И за это дѣло берутся ламы краснаго корня—Дзотчи, Чойживцы и подобные. Авгуръ прежде всего оглашаетъ адептовъ своихъ тьмою вопросовъ, какъ бы не относящихся къ дѣлу, но нужныхъ въ цѣли гаданія. Въ то же время намѣкаетъ оныя лаконически на разныя мистеріи, касающіяся Демонологіи и тѣхъ способовъ, ко-

торыми мудрецы всегда умѣли пользоваться для узнавiя сокровенныхъ таинствъ. Вся же рѣчь приводится къ заключенiю въ смыслъ словъ Кирхера: Deus decem vestimentis indutus, se mundo conspicendum praebuit. Hoc itaque cognito, cognoscuntur Angeli, cognitis Angelis, nota erunt Astra, notis astris, omnia in visibili mundo producta non latebunt; cognito mundo visibili, notus erit Microcosmus, homo mundi filius (Kircher. in aedip. Aegypt. part. 1. tom. 2. Clas. 4. cap. 19).

Послѣ такого введенiя, Авгуръ раскрываетъ книгу судебъ—*удзелуи ном*, и она не замедляетъ дать искомый отвѣтъ.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ считаютъ нужнымъ прибѣгать къ столикамъ и стрѣламъ. Гадатель, сѣвъ на землю, въ одной рукѣ держитъ книгу, а другую кладетъ на миниатюрный столикъ, къ которому привязана длинная вервь.

Послѣ чтенiя, болѣе или менѣе продолжительнаго, столикъ подчиняется влiянiю руки. Гадатель, ощутивъ въ себѣ эту силу, выноситъ столикъ изъ юрты, или вѣрнѣе, слѣдуетъ за его направлениемъ доколѣ возможно. Но столикъ, ускоряя собственное движенiе, вырывается изъ подъ руки и мечется въ ту, или другую сторону. Тогда

хватаются за вервь и скачуть на конѣ во слѣдъ летуна, тщательно наблюдая, куда и какъ обращается онъ и какъ упадетъ.

Но если указанія столика не опредѣлительны, тогда пользуются стрѣлою. Жрецъ ставитъ ее остриемъ на ладонь и слегка придерживаетъ. Между тѣмъ начинаютъ читать. По мѣрѣ чтенія, движеніе стрѣлы ускоряется и она силится вырваться изъ рукъ. Тогда, или свободу ей даютъ, чтобъ полетъ ея открылъ искомую тайну; или заставляютъ ее писать на пескѣ, подобно тому, какъ пишутъ иногда карандаши въ рукахъ Европейскихъ вѣщунговъ.

Не мало и другихъ этого рода вещей проявляется въ сферѣ Буддизма. Но не входя съ своей стороны удобнымъ входить въ сужденіе объ нихъ, оканчиваю настоящее отдѣленіе словами древняго поэта: *Esse antrum Galeni, cuius me vestigia terrent.*

Проводы души.

Различные обряды, соблюдаемые при погребеніи умершихъ, извѣстны у Монголовъ подъ общимъ названіемъ Проводовъ души — *сунесу кутулку*. И вотъ условія сихъ проводовъ :

Омывать покойника не дозволено. Но вмѣняется въ обязанность одѣть его прилично, закрыть лицо хадакомъ и положить на правый бокъ, чтобы одна рука могла находиться подъ головою, а другая на бедрѣ. При томъ лѣвая нога должна быть нѣсколько согбена. Поза эта для Буддистовъ имѣетъ особую важность, и они называютъ ее львиною-*арсалун кентеме*.

Уложивъ мертвеца, зажигаютъ предъ бурханами курительныя свѣчи, и берутся за чтеніе молитвенной книги Дзотбо, которое и продолжается до ближайшаго изъ счастливыхъ дней. По наступленіи же этого дня, приводятъ къ юртѣ осѣдланнаго коня и ставятъ противъ двери съ лѣвой стороны, а человекъ, держащій его, садится внутри юрты на цыпочкахъ и перекидываетъ чимбуръ черезъ лѣвое свое плечо. Символическимъ симъ дѣйствіемъ даютъ знать, что часъ разлуки съ покойникомъ насталъ; и тутъ же приступаютъ къ отпѣванію.

По окончаніи пѣснопѣній, старшій жрецъ восклицаетъ, *хек, хек, хек!* И вслѣдъ за симъ, нарочито избираемый человекъ дотрогивается до (бариху) покойника иногда рукою, а иногда стрѣлою, или другимъ

орудіемъ. Потомъ всѣ выходятъ изъ юрты и садятся на коней: покойника же кладутъ на телегу, или сани.

Шествіе продолжается въ безмолвіи. Провожающіе читаютъ лишь мысленно: *ом, ма, ни, бад, ме, хом*. Пришедши же на мѣсто, назначенное для погребенія, бросаютъ бѣлый войлокъ, длиною около сажени; вколачиваютъ по угламъ его четыре палки; обводятъ по направленію ихъ троекратно вервю и ставятъ на войлокъ жертвенные сосуды съ сѣменами и молокомъ. Вообще здѣсь повторяются, въ маломъ лишь размѣрѣ, всѣ тѣ дѣйствія, о которыхъ говорили мы въ статьѣ о Дацанахъ. Разность дѣлаетъ одинъ искупъ земли: ибо покойникамъ достается она очень дорого. Богатый платитъ 81 скотину, человѣкъ средняго состоянія 21, и самый бѣдный не получаетъ ее даромъ. Судя по этому искупу, устроится и весь церемоніаль службы, съ большею или меньшею торжественностію.

Послѣ искуна, жрецы приступаютъ къ отрѣзу земли, употребляя для сего въ дѣло сперва алтанъ мелекей, а потомъ и всѣ другіе инструменты—*багаджи*. Каждый изъ жрецовъ, обходя три раза войлокъ, прово-

дять борозду по землѣ. Между тѣмъ жертвенныя принадлежности разсываются и разливаются во все стороны. А четыре малые сосуда — *бумба дарома*, съ монетами, моржанами и всякими блестящими бездѣльцами — *юсун эрденин дзуйлѣ*, зарываютъ по четыремъ угламъ купленной земли.

Въ это время начинаютъ рыть могилу. И доколѣ идетъ работа, ламы не умолкаютъ. Пѣніе и чтеніе ихъ оживляется звономъ колокольчика: но музыкальнымъ орудіямъ мѣста не даютъ.

Изготовивъ могилу, зарываютъ посреди ея такой же сосудецъ, какіе зарыты и по угламъ. А потомъ уже полагается покойникъ, обращенный лицомъ на западъ солнца.

Возвратясь къ юртѣ, все бывшіе при погребеніи обязуются совершить очищеніе — *сан табиху*. И съ этою цѣлю они, остановившись передъ огнемъ, умываютъ руки теплою водою, надъ раскаленными камнями; потомъ трижды окуриваются и выслушиваютъ очистительную молитву. Тѣмъ тщательнѣе окуривается самая юрта, и она еще до прихода гостей должна быть перевнесена на другое мѣсто.

За погребеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ поминокъ и жертвоприношеній. У зажиточныхъ людей исправляются онѣ въ теченіе 49 дней, по утру, въ полдень и вечеромъ. А люди съ малымъ состояніемъ обязаны исполнить поминовеніе по крайней мѣрѣ четыре раза: въ 5, 7 и 49-й день. При томъ ноставляется за правило, чтобъ первая жертва приносима была за три шага отъ юрты, вторая за шесть и такъ далѣе. Жертвенное животное дѣлится на многія части, и одна изъ нихъ поступаетъ на долю души покойника и сжигается. Остальными частями пользуются жрецы. Сверхъ сего, они же получаютъ по животному за каждый совершенный ими обрядъ и общую благодарность — *ирел абху*, за всѣ подъятыя ими при поминкахъ труды.

Сколь ни тяжки эти условія, по семейство радо бываетъ, ежели ими только отдѣляется отъ своего покойника.

На бѣду не рѣдко выходятъ такіе случаи: тайповидцы, руководимые книгою алтан саба, объявляютъ, что душа покойника, будучи чѣмъ-то не довольна, направила полеть свой — *цуику* въ чуждую сторону и тамъ ищетъ сближенія — *дариху* съ

душею избраннаго ею человѣка; или настоятельно требуетъ къ себѣ душу одного изъ родственниковъ своихъ, и ея только переселеніемъ можетъ быть успокоена въ новомъ мірѣ. При роковомъ этомъ объявленіи, начинаются новыя жертвы, новыя искуны, обѣты и гурумы, уносящія на вѣтеръ все добытое вѣковымъ трудомъ. Сцены эти у кого не исторгнуть вздоха и не заставятъ сказать:

O vita fallax, abditos sensus geris!

СТАТЬЯ

XV.

Ступени нравственнаго совершенства, которыхъ достиженіе возможно для человѣка.

Обращаемся къ нравственнымъ урокамъ и начинаемъ ихъ ученіемъ о самомъ человѣкѣ.

Чтобы показать нравственное значеніе человѣка и вліяніе на него добра и зла, Буддисты пользуются символическимъ объясненіемъ.

Два дерева, говорятъ они, растутъ въ каждомъ человѣкѣ — одно доброе, другое

злое. У обоихъ деревъ по шести корней, по десяти вѣтвей — *шшшгу*, и по 48-ми тысячъ листьевъ.

Корни одного составлены изъ шести радикальныхъ добротъ, а корни другаго изъ такихъ же золъ. Первому вѣтвями служатъ бѣлыя доблести — *цган буин*, другому темныя грѣхи — *хара нигул*. На первомъ зеленѣютъ листья 48-ми тысячъ благихъ стремлений — *но муи цокцасъ*, на последнемъ такое же число грѣховныхъ поползновеній — *нисванисъ*.

При свойствахъ, столь противныхъ между собою, деревьямъ этимъ никакъ нельзя расти вмѣстѣ съ равною силою. Но по мѣрѣ того, какъ одно изъ нихъ усиливается, другое начинаетъ чахнуть, одно крѣпнеть и вѣтвится, у другаго гибнутъ самыя корни.

И горе тому, кто не внимая себѣ, довелъ доброе дерево до искорененія! Человѣкъ этотъ нравственно умираетъ: ибо самыя тяжкіе грѣхи становятся для него дѣломъ безразличнымъ — *дзансар-угей ни гул*; сила ихъ вращаетъ имъ, какъ пылинкою, и безвозвратно увлекаетъ его въ бездну погибели — *аюс тамо*.

Напротивъ, съ уничтоженіемъ въ себѣ

корней злаго дерева, человекъ поставляется на той высотѣ, гдѣ безвѣстны, куда не достаютъ никакія бури жптейскаго моря — *сансарун далайнъ*. Онъ занимаетъ мѣсто какъ бы между небомъ и землею; представляетъ въ лицѣ своемъ доблестнаго героя, который низложилъ врага своего, свергъ съ себя яремъ и стяжалъ свободу: *даини дорагат, эмурге-бен гегеджу убе-рун тусей-ги олоксан-бой*.

Здѣсь не лишне остановиться вниманіемъ и замѣтить, что послѣднія слова, составляющія всю цѣль предложеннаго иносказанія, не варварствомъ уже отзываются, но проявляютъ гений достойный лучшихъ временъ Греціи и Рима. И конечно, чѣмъ больше нравственнаго назиданія въ такихъ правилахъ языческаго міра, тѣмъ непреложнѣе глаголь Великаго вселеннаго Учителя: «когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ: то они, не имѣя закона, сами себѣ законъ: они показываютъ, что предписанное закономъ написано у нихъ въ сердцахъ» (Рим. II).

Допустивши же въ человекѣ возможность къ достиженію совершенства, при которомъ исчезаетъ самый корень зла,

Буддизмъ старается показать ступени, ведущія на эту нравственную высоту. И вотъ онъ.

1) Состояніе *Убаши*, иначе *Генинь*. Вступившіе въ него сознають нравственную свою порчу и нужду исправленія. Но при недостаткѣ рѣшимости, а тѣмъ болѣе опытности, заботу объ улучшеніи себя ограничиваютъ лишь слабыми попытками и вѣчно влаются между добромъ и зломъ.

Apparent illi virtus hinc, inde voluptas,
Et studet in partes flectere quaeque suas.

2) *Сартаванъ*. Въ этомъ состояніи человѣкъ столько имѣетъ благоразумія, что міръ Сансары теряетъ для него всю прелесть. Онъ смѣрится на него, съ одной стороны посмѣваясь житейской суетности, съ другой—оплакивая ее, какъ неисцѣлимое зло. А такимъ образомъ *Сартаванъ* будто олицетворяетъ собою тѣхъ древнихъ философовъ, о которыхъ сказано:

Defleret mores, si viverit, Heraclites,

Nostraque rideret tempora Democrites.

3) *Сагардагамъ*, иначе *нигенте харин ирекчи*, т. е. совершившій уже единожды, и конечно съ успѣхомъ, путь житейскаго странствованія, и опять возвратившійся на

землю, для дальнѣйшаго усовершенствованія себя и споспѣшествованія въ томъ другимъ. Честность и безкорыстіе суть отличительныя черты Сагардагама.

Wirtute me involvo, probamque
Pauperiem sine dote quaero. *Horatius.*

4) *Анагамани*. Сюда принадлежать тѣ изъ смертныхъ, которые исполнивъ всѣ лежащія на нихъ обязанности, не имѣютъ уже надобности въ новыхъ перерожденіяхъ—*харин улу ирекчи*. А доколѣ остаются здѣсь, все услажденіе жизни своей заключаютъ они въ стяжаніи мудрости и благочестія.

Nil dulcius est, bene quam munita tenere
Edita doctrinâ sapientum templa serenâ
Despicere.... *Lucret. lib. 1.*

5) *Архатъ, даини дароксанъ*. Это герой, умѣвшій восторжествовать надъ всѣми препятствіями, исторгнуть на пути шествія своего корень всякаго зла и проникнуть въ священныя таинства природы.

Quae natura negavit
Visibus humanis, oculis ea pectoris hausit.
Ovidius.

6) *Бради-габутъ, уберь-ен бурханъ*. Взшедшіе на эту высоту видятъ предъ собою отверстыми врата Номовъ, вводятся

въ міръ чудесь и перерождаются въ существа одной природы—*такца чинарту*, съ Буддами (103).

. . . . . quem denique in unum

Descendit Deus, atque habitat ipsumque requirit.

Man. lib. 2.

Но общимъ симъ началамъ, не трудно предугадать, какимъ путемъ идти и куда стремится Буддійская мораль. Впрочемъ просимъ читателя не спѣшить заключеніемъ и ожидать уясненія частныхъ, которымъ посвящены нижеслѣдующія статьи.

С Т А Т Ь Я

XVI.

Средства къ нравственному усовершенію.

Гдѣ указывается цѣль, тамъ должны быть и средства. Буддизмъ вѣрный правилу сему, указавши послѣдователямъ своимъ на высокое ихъ предназначеніе, снабжаетъ ихъ не только обычными, но и чрезвычайными (*extraordinaria*) средствами.

Къ первымъ изъ нихъ относятся: 1) Ба-рамиты (парамита) или правоученіе; 2) Ключъ закона; 3) Молитва; 4) Курду; 5) Постъ; 6)

Объты. Пункты эти составляют предмет настоящаго разсмотрѣнія.

Барамиты.

Главныхъ барамитовъ шесть, и онѣ объемлютъ собою во всей обширности:

- a) Ученіе о дѣлахъ милосердія—*улиме барамитъ.*
- b) ученіе о терпѣніи, *кулиценгуй.*
- c) — тружденіи, *кичисенгуй.*
- d) — воздержаніи, *шакшабат.*
- e) — объ аскетизмѣ, *діана.*
- f) — умозрѣніяхъ, *билге.*

Начала эти даютъ длинный рядъ правилъ, которыя дробятся чуть не до безконечности. Основанія же всѣхъ дѣленій и подраздѣленій берутся изъ обстоятельствъ матеріальныхъ и формальныхъ, неизбѣжныхъ при каждомъ дѣлѣ. И въ этомъ отношеніи Буддизму не рѣдко удается превосходить самаго себя. Ибо извѣшивая дѣйствія, сортируя ихъ по родамъ и видамъ, онъ принимаетъ въ соображеніе не только свойство и цѣль ихъ, но также субъектъ, и объектъ, средство и способъ (*medium et modus*), мѣсто и время. А при толико осторожномъ взглядѣ, нельзя

было не придти къ безошибочному (въ отношеніи къ принятымъ началамъ) заключенію. Въ общемъ даетъ оно такую мысль: для дѣла добраго требуются всѣ условія нравственнаго добра; а чтобъ оказаться дѣлу худымъ, достаточно и того, ежели одно какое либо обстоятельство дурно.

Входить въ объясненія этого тезиса чрезъ посредство цитатъ для насъ не удобно. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто краткой перифразы, надлежало бы писать длинную диссертацию. Однако же чтобъ не оставить дѣла и вовсе бездоказательнымъ, мы излагаемъ здѣсь правила наибольшей важности, служащія для Буддистовъ основаніемъ всего нравственнаго закона.

А поелику правила (закирга) эти имѣютъ двоякую сторону, отрицательную и положительную: то мы покажемъ ихъ съ той и другой стороны.

Въ смыслѣ отрицательномъ (negativo) представляются вниманію человѣка: 1) пять смертныхъ, или неразрѣшимыхъ грѣховъ — *табун дзансар угей нигул*; 2) пять близкихъ къ нимъ — *шидар табун нигул*; 3) десять черныхъ грѣховъ — *арбан хара нигул*.

1) ГРѢХИ СМЕРТНЫЕ.

а) Богохульство—*бурхан-нуғуди уте-герику*.

б) Отцеубійство—*эке ецеге алаху*.

в) Убійство праведника—*даини дарок-саңи алаху*.

г) Дерзость противъ Баньчень-богда, Далай-ламы и вообще противъ перерожденцевъ; особенно когда наглый поступокъ соединень съ пролитіемъ хоть одной капли крови ихъ—*тегунчилек ирексену быин-еце чисун гарху*.

д) Разлученіе другъ отъ друга тѣхъ, кои посвятивъ жизнь свою на служеніе Богу, связали себя взаимными священными обѣтами—*бурсан хубара-гудон нукури сал-гагаху*.

2) ГРѢХИ БЛИЗКІЕ КЪ СМЕРТНЫМЪ.

а) Раззореніе святилища—*суме субир-гай-ги эбдеку*.

б) Отнятіе у благочестиваго человѣка средствъ къ дѣланію добра—*сузуктену эди буліаху*.

в) Кошунство надъ людьми Духовнаго сана—*бурсан хубарғу ди доромджилаху*.

г) Разстройство въ дѣлѣ совершенія свя-

ценныхъ обрядовъ вѣры—дулбе кигет,
винейн засаги эбдеку.

д) Отнятіе у пустынника послѣдняго куска
хлѣба—*діанчидон идегени идеку*.

3) ЧЕРНЫЕ ГРѢХИ.

1) *Относящіеся къ тѣлу и проявля-*
емые въ наружныхъ дѣйствіяхъ:

а) умерщвленіе животного—*амитану*
ами тасолху.

б) Присвоеніе чужаго—*есе-уруксени*
абху.

в) Порабощеніе грубой чувственности—
аригун босо ябодаль-ер ябоху.

II) *Относящіеся къ слову—келену ни-*
цуль:

а) Ложь—*худал уге*.

б) Сплетничество—*хоб уге*.

в) Осужденіе—*олкіа уге*.

г) Злорѣчіе—*ширегун уге*.

III) *Относящіеся къ мысли, или серд-*
цу—сеткилун гемъ:

а) Зломысліе—*хорту сеткил*.

б) Зависть—*хомоходзаху сеткил*.

в) Презоретво—*буругу удзел*.

За таковымъ предостереженіемъ отъ
грѣховъ, съ многостороннимъ ихъ объясне-
ніемъ, буддійскій канонъ указываетъ на дѣла

благочестія, могущія вести къ наивышему совершенству. Въ наставленіяхъ сего рода излагаются обязанности человѣка: къ богамъ, къ людямъ и ко всѣмъ живущимъ въ мірѣ тварямъ, а также и къ самому себѣ. Сущность этой морали мы представляемъ здѣсь, держась, сколько можно, тѣхъ же подраздѣленій, какія допускаетъ Юмъ, а особенно *ике боди мурун дзерге* (т. 1. л. 39 и д.).

Обязанности къ богамъ.

1) О богахъ не иначе разсуждай, какъ съ благоговѣніемъ: ибо гдѣ бы ни находился человѣкъ, онъ всегда предъ очами ихъ—*бурхан ба бодисадо—наронъ думда сагуксан болай*.

2) Какъ все разумныя твари воздаютъ хвалу богамъ, такъ должно и человѣку поступать, прославляя ихъ не только устами, но и дѣлами—*уйлетчу ирагу эгешигь-ерномлаху болай*.

3) Тѣсенъ путь жизни: но кто проходитъ это поприще, долженъ быть въ томъ убѣжденіи, что онъ находится на широтѣ цѣлой вселенной, что существа всѣхъ міровъ смотрятъ на него и взвѣшиваютъ жребій судьбы его.

4) Вотъ образъ, который при мысли о семъ впечатлѣвается въ душѣ мудраго: а) на превыспренныхъ высотахъ, въ точкѣ диаметрально противоположной зрителю—*нептеригуе эмене октаргой дор*, цвѣтетъ священный Бадма ливхова. Тамъ свѣтозарный Абда съ четырьмя представителями—(*быши хубилман*) неописанныхъ свойствъ его, сидитъ приосѣняемый облакомъ и окруженный сонмомъ Пдам-довшитовъ, Бодисадовъ и Хутуктовъ, Шараваконъ, Брадигабутовъ и всѣхъ боговъ и богинь — *багатор дагинисун чшулман* ⁽¹⁰⁶⁾. б) Другую сторону великой картины занимаютъ боги миропрavitели, располагающіеся въ десяти странахъ свѣта—*арбан дзуктор сагуксан*. с) Наконецъ въ ближайшей къ зрителю дистанціи, не далѣе какъ въ девяти локтяхъ отъ его головы, находится восемь престоловъ, на которыхъ сидитъ духовный отецъ—*нигуцейн бакши*, и всѣ бывшіе и преселившіеся въ Нирвану законоучители—*лама бакшинар*. Окрестъ же ихъ безконечными рядами тянутся Тенгеринны и всѣ прочія шести классовъ существа ⁽¹⁰⁷⁾.

5) Представляя въ мысли своей это зрѣлище, такъ надлежитъ разсуждать: ежели

человѣкъ, служа одному богу, получаетъ блага, превышающія мѣру своихъ понятій: то служеніе многимъ богамъ не можетъ не вести его въ безпредѣльную область блаженства — *ниген бурхандор мурiebесу, цалласи-угей буин кемекун-бер, тедуй тогатаи бурхади сеткиджу мурiebесу, яуи угулетеле* (Мур. дз. л. 39)?

6) А чтобъ ограниченность человѣческой природы не полагала въ дѣлѣ этомъ препятствій, то обращаясь къ богамъ, не должно нерадѣть и о себѣ самомъ. Единицу своего существа надлежитъ мысленно дробить на безконечное число атомовъ. Ибо ежели человекъ, принимаемый за единицу — *гакца би-бер*, многое можетъ сдѣлать: то чего не сдѣлаетъ онъ, бывши такъ сказать разлитымъ по пространству вселенныя и поставивъ себя такимъ образомъ въ связи со всѣми существами міра?

7) Но и это правило только приближаетъ, а не приводитъ къ цѣли. Должно помнить, что боги суть чистыя существа, а потому кто хочетъ быть угоденъ имъ, тотъ долженъ блюсти въ чистотѣ свой духъ и тѣло и даже самое жилище свое — *орон гири сайтор арчигат, би дзарлик*

джирюкену шитугени сайтор деме.

8) Тѣмъ болѣе должна быть чиста самая жертва, приносимая богамъ, а дѣйствія жертвователя благопристойны — *арга дзалиугей такили эриджу, токіал удзескулентей уйлет.*

9) А ежели и за симъ ощутятся недостатки, то остается усугублять молитву, благоговѣніе и парить духомъ въ высоту.

10) Всѣ же чувства и дѣйствія должны быть оживотворены надеждою на боговъ: ибо ихъ покровительство превыше всѣхъ покрововъ — *дегеду шикур кемеку-ину, шикур-нугудун эрким болай.*

Обязанности къ людямъ и ко всѣмъ живущимъ въ міръ тварямъ.

1) Ревнуя о благопріятныхъ для собственной личности перерожденіяхъ, дѣлай тоже и по отношенію къ другимъ — *быи-бертедуй тогатаи хобильджу, босот-торном удзегулкуе дуратхан дзалбариху болай.*

2) Сего мало, будь готовъ и молись о томъ, чтобы тебѣ несмѣтные вѣка перераждаться для спасенія всѣхъ и cadaго — *амитан*

*нигудун туса джиргаланун - тола ,
маши нарин тогосун-луга сацагу галаб-
тор гасалан-еце улу нукчин, сагу ке-
мен, учин дзалбариху болай.*

3) Какъ мать бережетъ единственнаго сына, какъ бережешь зеницу ока—*нидуну
цецек мету*: такъ береги жизнь всѣхъ тва-
рей—*халок амитани гамнатогай.*

4) Собственные вины обличай, а о чу-
жихъ храни глубокое молчаніе — *уберун
геми иле гарган, босодон геми амин-
дор курбечу нигутогай.*

5) Гдѣ бы ни суждено было проводить
тебѣ жизнь, мѣстнымъ властямъ всюду и
всегда повинуйся — *орон орону эркедор
долдойтху.*

6) Оскорбленія переноси съ терпѣніемъ—
*быин-дор хор уйледекчи амитан-дор
кулицеку.*

7) Непостовствующихъ укрощай благора-
зуміемъ—*килен икетени арга-бер тет-
кеку.*

8) Болящихъ утѣшай — *дзоболантан
амитани асарху.*

9) Къ несчастнымъ будь сострадательнъ—
*джиргалан-еце хагацаксан амитани
нигулеску.*

10) Бѣднымъ помогай — *угегу гоилин-
чин амитани номун угле-бер хатаху.*

11) Согрѣшающихъ вразумляй благими
совѣтами—*килинце икетени ном буинь-
ер теткеку.*

12) Всѣмъ служи, какъ служить рабъ
своему господину и другихъ правъ въ
жизни не щщи—*халок амитану арат
богол мету учигукен дорадо кидзагари
бариху.*

Обязанности къ самому себя.

1) Всячески бодрствуй надъ собою, чтобъ
не дать въ себя мѣста дѣйствіямъ, омрачаю-
щимъ душу, пли тѣло— *мунхарахой туй-
дукчи ноир - еце арилахой учиртор
инакши чинакши эргицекуй керык.*

2) Смотри на себя, какъ на сосудъ не-
чистый, сокрушенный и опроверженный—
кирту оёр угей кумуриксен мету саба;
и не только добрыя дѣла, но и самую мысль
о добрѣ приписывай помощи вышней и о
семъ радуйся, какъ будто нашедши великое
сокровище—*буину ачи тусей-ги дуратчу,
санги олоксан мету баисун бишилаху.*

3) Впрочемъ истинную радость не прежде
можно ощущать, какъ освободившись отъ

восьми узилищъ грѣховнаго рабства—*най-ман чилуге угей ину*. А потому (108):

4) Старайся, чтобы почерпнутыя тобою изъ сокровищницы всевышняго Существа знанія, чрезъ посредство твоего воздержанія, выводили тебя изъ состоянія грѣховнаго рабства и поставляли въ состояніе свободы—*Дегедуйи эрдени-ги хуриаксан-еце шакшабатъ—ер чилуге-угей-ги тенчиджу, тегубер чилугетуй-ги насода олою*.

5) А чтобы достигнуть этой свободы, то надобно дѣломъ, словомъ и мыслию — *быи, келе, сеткил*, освобождаться отъ десяти тяжкихъ грѣховъ, истребить въ себѣ корень шести золь и насаждать въ себѣ шесть барамидовъ и десять добротъ—*арбан цаган буин* (109).

6) Всѣ же заботы и попеченія въ мірѣ должны быть направлены къ одной цѣли—къ достиженію всеми и каждымъ наивысшаго совершенства—*хамок амитани бурхану боди хутуктор гараджу деилсугей кемеи хутук гуюху керык*.

Ключъ закона.

Буддисты убѣждены, что въ мрачную таинницу вѣры ихъ не иначе можно проникнуть, какъ съ ключемъ закона—*номун*

тулкигуръ. А потому ключъ этотъ имѣеть
чрезвычайное значеніе. Въ немъ полагають
видѣть сущность всего того, что только со-
держится въ Ганджур-данджурѣ; имъ начи-
наются почти все службы и обрядовыя дѣй-
ствія; его основательное знаніе требуется
отъ каждаго, идущаго путемъ усовершенія.
Ключъ этотъ, или точнѣе сказать символъ,
состоить изъ семи членовъ, писанныхъ на
Тибетскомъ, болѣе или менѣе римованномъ
языкѣ. Вотъ сущность содержанія ихъ:

1) Все въ мірѣ имѣеть свое начало, все
твари живыя раздѣлены. На классы дѣлятся
онѣ, на шесть великихъ степеней. А сонмъ
хубилгановъ, священный сонмъ красить со-
бою все страны свѣта, все времена: сему
я вѣрю.

Адак денджин дзавадан,

Джутбер джайби балдан,

Лама дамба намла,

джансучіо (110).

2) Я вѣрую и въ Ламъ, вѣрую въ Бога,
вѣрую въ законъ,

Ламала джансучіо,

Санджейла джансучіо,

Чойла джансучіо.

3) Въ Идамовъ, Докшитовъ и въ гроз-

ныхъ богинь—*багатор дагинисун чигулан*;

4) Въ четыре начала божественныхъ натуръ —

Само дакджут,
Джачин джаджут,
Нальджур джаджут,
Ланна меджут.

5) Въ Бодисадовъ и Хутукть, Шравановъ и Брадигабутъ, со всеми прочими отдѣлами боговъ и геніевъ благихъ: я вѣрую и поклоняюсь имъ.

Слѣдующіе за симъ два члена содержать молитвенное воззваніе къ богамъ о избавленіи отъ бѣдъ и дарованіи всѣмъ и каждому счастья въ жизни настоящей и будущей.

Но поелику все это писано на языкѣ чуждомъ для Монгола: то не трудно понять, какое сокровище знанія находятъ Буддисты наши съ пресловутымъ своимъ ключемъ. Чтобъ помочь этому горю, законъ дѣлаеть къ плебеймъ снисхожденіе, дозволяя имъ ограничиваться знаніемъ лишь втораго члена, который по Монгольски такъ читается: *Ламадор итегемой, Бурхан-дор итегемой, Пом-дор итегемой* ⁽¹¹¹⁾.

Молитва.

Кромѣ молитвъ обычныхъ и опредѣляемыхъ обстоятельствами жизни, въ устахъ и въ сердцахъ истиннаго ревнителя благочестія не должна умолкать молитва, извѣстная въ Буддѣйскомъ мірѣ подъ именемъ *Джюрган усук мани* и заключающаяся въ шести словахъ: *Ом, ма, ни, бад, ме, хом*, истекшихъ изъ устъ Абиды, при устроеніи судебъ міра ⁽¹¹²⁾.

Таинственность словъ сихъ надѣлала хлопотъ ученымъ оріенталистамъ. Ими написаны цѣлыя диссертаціи, сочинень рядъ гипотезъ, начиная отъ скромнаго лотуса, входящаго въ исторію превращеній Шигемунни, до дивнаго Бадма-линхова, красующагося въ царствѣ Сукавади.

Но весь этотъ трудъ въ очахъ Буддистовъ, въ полномъ смыслѣ-labor improbus. Ибо жрецы, не вдаваясь ни въ какія предположенія, рѣшаютъ задачу очень просто. По ихъ понятіямъ, Тибетскому реченію:

<i>ом</i> , или <i>ум</i>	соотв. Монгол.	тенгери,
<i>ма</i>	. . . . .	асури,
<i>ни</i>	. . . . .	кумун,
<i>бад</i>	. . . . .	адагус,
<i>ме</i>	. . . . .	бирит,
<i>хом</i>	. . . . .	тамо.

Находя такимъ образомъ въ шести словахъ буквальное указаніе на шесть классовъ существъ, т. е. тейгериновъ, асуриновъ, людей, безсловесныхъ тварей, биритовъ и обитателей преисподняго міра, Буддисты принимаютъ энигматическую молитву въ смыслъ воззванія о милости и помощи ко всѣмъ живущимъ, а тѣмъ паче къ богамъ, завѣдывающимъ имп. Въ томъ же смыслѣ предписывается смотрѣть на нее, какъ на сокращеніе закона и на таинство всѣхъ боговъ—*хамок бурхану ницуейн убадис.*

Второе мѣсто занимаетъ *Мекдзем*, молитва, имѣющая примѣненіе ко всѣмъ обстоятельствамъ человѣческой жизни, а равно и ко всему сонму боговъ. На Тибетскомъ языкѣ такъ читается она:

*Мик-мет дзейби дерчин джанрей-сек,
Дин мет чимби вамбо джанбиан,
Дудбен малой джомзат санбидак,
Ганджин хайби джукджен дзонхаба,
Луб-сан дакби шабла солбандиб.*

Курду.

Курду, или курда есть религіозная принадлежность, которою пользуются Буддисты.

ты какъ средствомъ, служащимъ къ облегченію молитвенныхъ подвиговъ. Въ главномъ своемъ видѣ курда представляетъ шестисторонній цилиндръ, расписанный по наружности шестью священными колерами (бѣлымъ, зеленымъ, желтымъ, чернымъ, краснымъ и синимъ) и вращающійся на оси. Ось эта до послѣдней возможности, обвивается, утолщается бумажными свитками, тысячекратно повторяющими двѣ вышензложенныя молитвы—*Мекдзем*, и *джюрган усук мани*. Въ центрѣ же курды дается мѣсто богу милосердія—*Ариаболо*. А иногда помещаются въ ней и книги молитвеннаго содержанія.

Курда въ такомъ видѣ, по изъясненію *Мани гамбуа*, служитъ типомъ Вселенныя. Шесть сторонъ цилиндра указуютъ на шесть классовъ міровыхъ существъ; верхъ его есть символъ міра горняго, а низъ дольняго и преисподняго. Но душа всего (*essentia rei et anima mundi*) сосредоточена около оси, какъ представительницы священнаго *сумбера*.

Итакъ, кто съ благоговѣніемъ вращаетъ курду, тотъ поставляетъ себя въ столь близкомъ отношеніи ко всѣмъ существамъ, что онѣ какъ бы трудятся съ нимъ и для него. Почему двигатель курды справедливо можетъ

назваться Heros Naturae, in quo omnia coëlestia et terrestria, velut in parvo simulacro, concurrunt.

При участіи же толико могущественномъ, нельзя не быть дѣйствию великимъ. Оборотъ курды равенъ тысячамъ молитвъ. А ежели вращаются тутъ и священныя книги, то польза становится сугубою. Въ такомъ случаѣ одинъ кругооборотъ замѣняетъ собою весь трудъ прочтенія книгъ.

Кромѣ цилиндрической, есть курда вѣтреная-*салкин*. Это не больше, какъ разноцвѣтный лоскутъ, исписанный молитвою и поставляемый въ видѣ флюгера на юртахъ, могилахъ и другихъ мѣстахъ, имѣющихъ почетное значеніе.

Накопецъ въ захолустьяхъ Сибирскихъ можно видѣть лопатки мелкаго скота, испещренныя письменами. Это своего рода Курду (*). Лопатки развѣшиваются подлѣ дороги, или поперекъ ея, на такой высотѣ, что палькою, или бичемъ не трудно ихъ достать. И если прохожій дѣйствительно прикоснулся къ нимъ: то предполагается, что душа, обитавшая въ животномъ, получить облегченіе, и путь преселеній сокращается для нея.

(*) Вещей этого рода и значенія собственное названіе есть Дардукъ.

Постъ.

Постъ занимаетъ почетное мѣсто между средствами, служащими къ нравственному усовершенію. И хотя времена постовъ не установлены, однакожь всѣ обязуются (кроме малыхъ и старыхъ) поститься по крайней мѣрѣ единожды въ годъ, соблюдая при томъ шакшабаты, или постническія правила, изложенныя въ книгѣ *манин чога*.

Готовящіеся къ подвигу — *пунсей сакху*, *Шакшабат хураху*, собираются въ одномъ изъ зданій — *манин урие*, какія обыкновенно находятся при каждомъ капичѣ. Здѣсь постники выслушиваютъ очистительную молитву, потомъ омывшись и переодѣвшись, проводятъ ночь со всякою чинностію и въ глубокомъ молчаніи.

По утру является жрецъ, преподаетъ наставленія и всѣхъ клятвенно обязуетъ воздерживаться отъ черныхъ грѣховъ. За тѣмъ постники поступаютъ въ распоряженіе Бакши, избираемаго изъ сонма ламъ и представляющаго въ лицѣ своемъ Духовнаго отца, предъ которымъ позволительно каждому раскрывать свою совѣсть. Впрочемъ нѣтъ закона, положительно обязывающаго къ исповѣди.

При такихъ моральныхъ направленіяхъ, постники могутъ въ первый день единожды вкушать пищу. Почему день этотъ почитается какъ бы полу-постнымъ — *джорба*. Но на другой день, въ собственномъ смыслѣ постный — *мацок*, не дозволяется ни есть, ни говорить, ни даже слюну глотать. А движенія и всѣ положенія должны быть строго соглашены съ Шакшабатами; должно также терпѣливо выслушивать три раза въ день длинныя поученія и повторять клятву на воздержаніе отъ грѣховъ. Ночь же подвижники проводятъ болѣе въ бодрствованіи и молитвѣ, нежели въ отдыхѣ. На третій день дозволяется принять пищу, по примѣру перваго дня; но не прежде, какъ по прочтеніи Ламою молитвы на разрѣшеніе пищи и самыхъ устъ — *ама негеку*.

Такой подвигъ, сопровождаемый переходомъ отъ поста къ полу-посту и обратно, требуетъ для совершенства своего 16 дней, или восьми нумнеевъ. И кто совершилъ его, тотъ получаетъ полное отъ грѣховъ разрѣшеніе: *Totius anteaetae vitae maculas eluit*.

Чтожъ касается до слабыхъ и не могущихъ почему либо выдержать 16-ти дневное затворничество со всѣми условіями аске-

твизма : то законъ, снисходя къ человѣческой слабости, позволяетъ имъ ограничиваться однимъ пунсеемъ, или же подкрѣплять себя въ полупустые дни питьемъ маидзы (родъ чая). Къ тому постащимся даютъ чрезъ каждые двое сутокъ по чашкѣ настоя изъ имбиря, корицы, шафрана и другихъ ароматическихъ травъ и корней. Напитокъ этотъ называется *дзутан*, и онъ для постниковъ тоже, что нектаръ для безсмертныхъ обитателей Олимпа.

Здѣсь не лишне замѣтить, что расходы, коихъ требуетъ содержаніе постниковъ, часто приходящихъ огромными толпами, относятся на счетъ Дацановъ, а иногда и частныхъ благотворителей. При достаточныхъ же Дацанахъ, на прим. Аннискѣ, Цугульскѣ, Гуеино-озерскѣ и др. содержатся *мунку пунней* и *мунку хуралъ*: т. е. постоянныя гостиницы для постниковъ и богомольцевъ, съ необходимымъ обеспеченіемъ. Конечно обеспеченіе это не велико, но важно то, что пришлецъ не имѣетъ нужды стучаться у воротъ и вопить языкомъ Гишпократа:

Da tegmen Hippocrati, namque frigeo

Totusque contremisco.

Обѣты.

Къ настоящей статьѣ мы не относимъ ни тѣхъ обѣтовъ, которые составляютъ неизбѣжное условіе Ламскаго званія — *дубейн санвар*; ни тѣхъ, кои завися отъ случайностей и ограничиваясь единовременными какими либо подвигами и жертвами, входятъ въ категорію Барамитовъ и Шапabatовъ, и должны быть понимаемы въ смыслѣ частныхъ добродѣтелей.

Мы даемъ здѣсь мѣсто обѣтамъ, опредѣляющимъ собою все значеніе жизни подвижника; обѣтамъ, подъ бременемъ которыхъ можетъ человѣкъ изнемогать, но не оставлять ихъ.

Si desint vires, tamen laudanda est voluntas,

Nac ego contentos auguror esse Deos.

Въ разрядъ этотъ входятъ *Шимнанца* и *Діанчи*.

Шимнанца.

Буддизмъ, соединивъ съ званіемъ Сакисанваръ, званіе дѣвственниковъ, не почелъ нужнымъ устанавливать особые разряды подвижниковъ этого рода; но подвижницы, или собственно говоря, *дѣвственницы* допущены. Ихъ-то и надлежитъ разумѣть подъ словомъ *Шимнанца*.

Чинъ посвященія въ Шимнанцы не разнится отъ Ховаратскаго. За то и по рангу своему онѣ равны Ховаракамъ; носятъ одинаковую съ ними одежду желтую, или красную, и обязуются, по примѣру всѣхъ освященныхъ, имѣть бритую голову.

Кромѣ цѣломудрія, постя и молитва вмѣнены Шимнанцамъ въ главное правило жизни. Впрочемъ коллегіальнаго жителства законъ не назначаетъ для нихъ. И потому труженицы витають въ кругу родства и племени своего, руководясь правиломъ :

Si te delectant aeternae premia vitae

Magna quidem, nec te terreat ergo labor.

Oven. Monost. Ethica.

Діанчи.

Въ иныхъ отношеніяхъ поставляется Діанчи. Званіе это, въ строгомъ смыслѣ Анахоретское, возлагаетъ на подвижника всѣ обязанности пустынножителя—*унемлекуйи мурь-ер ябочки*, или по крайней мѣрѣ безпріютнаго скитальца, водимаго любовію къ ближнему—*инагункин мурь-ер ябочки*.

Палестра, указуемая Діанчи, начинается отреченіемъ отъ міра и убѣжденіемъ въ суетности всего земнаго :

Quod omnia somnia, lusus, abusus et lis,

Et picta sint pompae et vis.

За тѣмъ, онъ долженъ обогатить себя уроками мудрыхъ и изученіемъ жизни и дѣяній, доблестно подвизавшихся въ пустыняхъ. Наконецъ, воспріять непоколебимую рѣшимость жить и умереть одинокимъ скитальцемъ.

По водвореніи же въ пустынь, Діанчи обязуется: 1) не имѣть янаго пріюта, кромѣ горъ и вертеповъ — *хада чилугар гыр кикю*; 2) не носить иной одежды, кромѣ священной — *полту хубцат-еце босо хубцат эмеску-угей*; 3) самыхъ лютыхъ враговъ считать своими друзьями — *хортон дайсунар нукур кикю*; 4) хладную землю имѣть вмѣсто ложа, и жесткой камень вмѣсто возглавія — *кулду чилогуни дерелеку, куйтун газарар дебиткер кикю*; 5) въ жилые дома не входить — *ханан гыр-то ороху-угей*; 6) умерщвлять плоть свою обуздавіемъ пяти чувственныхъ пожеланій — *табун кусел*, вытекающихъ изъ пяти чувствъ — *унгу, дагун, унур, амтан, курелцекуй*; 7) вести непреставную борьбу съ пятью родами искушеній, поражаемыхъ пятью стихійными началами,

непосредственно дѣйствующими на человѣка и силащимися поработить его: 8) молиться; пусть звѣрь разверзаетъ пасть свою, или змѣя жалитъ пята; пусть рушатся и падаютъ надъ головою скалы, или воды грозятъ потопленіемъ: Діанчи не долженъ прерывать начатую молитву, ни даже измѣнять молитвеннаго своего положенія ⁽¹¹³⁾; 9) поститься и постяся, съ каждымъ днемъ усиливать строгость воздержанія, доколѣ обезпеченная и умерщвленная плоть позволитъ духу выйти на широту, и насладиться, среди бурнаго океана жизни, покоемъ Алціоны.

Alcedo medio quieta ponto

Ova parturit incubansque pullos

Excludit teneros, fovetque, donec

Nisus insolitos sciant volandi:

Queis mens integra, criminisque pura est,

Exsultant medios vel inter hostes ⁽¹¹⁴⁾.

СТАТЬЯ.

ХУІІ.

Чрезвычайныя средства къ нравственному усовершенію.

Буддизмъ, возложивши на адептовъ своихъ яремъ барамитовъ и шакшабатовъ,

требуя отъ нихъ знанія и дѣятельности, терпѣнія и мужества, самъ приведенъ былъ къ вопросу: довлѣютъ ли человѣческія силы къ исполненію многосложныхъ его обязанностей? При сознаніи же врожденной человѣку немощи, нельзя было иначе отвѣчать, какъ указаніемъ на *мистеріи*, или чрезвычайныя средства.

И мы должны предварить читателя, что мистеріи эти въ сферѣ Буддизма почти тоже, что у Кабалистовъ врата въдевіа—*porta intelligentiae*, съ откровеннымъ чрезъ нихъ Сефиротическимъ небомъ. Ибо Буддисты вѣрятъ, что чрезъ мистеріи ихъ отверзаются врата номовъ, человѣкъ вводится въ міръ чудесъ, поставляется въ общеніи съ богами.

И сообразно толико высокому понятію: а) нетерпимымъ признаютъ всякое присутствіе сторонняго лица, особенно же ино-вѣрца, при своихъ тайнодѣйствіяхъ; б) строго возбраняютъ открывать профанамъ что либо касающееся до таинствъ; в) достоинство совершителя тайны—*ачиту ундесун Лама* (*honorifici ordinis sacerdos*), такъ возвышаютъ, что самое имя его становится священнымъ; и только въ часъ предсмертній могутъ аденты произнести оное.

Все сказанное, кромѣ общаго приложенія къ ламскому чину—*сакил санваръ*, какъ источнику всякаго освященія и таинственности, относится: къ Лун-абишикъ, Джанацъ, Абиагарин-ванъ, Мидор-дзогин ванъ.

Лун-абишикъ.

Лун-абишикъ, иначе Ши-бошикъ (*manubrium, seu operis regimen*), совершается съ цѣлю дарованія права, или благословенія на чтеніе священныхъ книгъ, на духовныя пѣснопѣнія, врачеванія и тому подобныя религіозныя упражненія.

Потребность Лун-абишика вытекаетъ изъ чисто нравственныхъ началъ.

Какъ гибнетъ мотылекъ — *эрбекей*, прельщенный красотою огня, какъ уловляется серна-*гуросу*, обманутая лукавымъ голосомъ (*бискуръ-ер*) охотника: такъ бываетъ и съ человѣкомъ, когда, надѣясь на себя, пренебрегаетъ онъ уроками другихъ: когда опытность старцевъ не имѣетъ для него цѣны. Человѣкъ этотъ есть жертва всѣхъ заблужденій.

A sene consilium quaeras: prudentia rerum

Est illis, sine qua curia quaeque perit.

Oven. Epigr.

Утверждаемый на сихъ умозаключеніяхъ, Лун-абишикъ совершается такимъ образомъ: старѣйшій жрецъ—Ширету, принявъ приглашенія отъ членовъ своей паствы, ищущихъ духовнаго просвѣщенія, приказываетъ имъ дѣлать нужныя приготовленія. Потомъ въ назначенный день является въ сонмъ избранныхъ и, по обычному возношеніи жертвъ и моленій, со властію наставника—*бакши*, и въ приличной званію своему позѣ, начинается читать книгу, таинства которой предположено раскрыть adeptамъ. Чтенію книги сопутствуютъ, разнообразить и оживляютъ оное замѣчанія, поясненія и нравственные уроки. А дабы немощь плоти не могла смежить очей и ослабить ревность тружениковъ, то стараются слѣдовать предусмотрительному правилу Анакреона:

Πίνωμεν οὖν τὸ οἶνον
 Τὸν τοῦ καλοῦ Λυκαίου,
 Σὺν τῷ θεῷ πίνειν ἡμᾶς
 Εὐδοοῦσιν αἱ μερῦμαι.

Когда же пройдена книга до послѣдней іоты, ученики подносятъ Бакши благодарную жертву—*ачи мандалъ*; а сами получаютъ отъ него благословеніе и письменное свидѣтельство, съ самымъ точнымъ указа-

віємъ на совершившійся Лун-абишикъ.

Послѣ чего люди эти имѣють право формально пользоваться пріобрѣтенными знаціями; но передавать ихъ другимъ возбранено. Одни Ламы и готовящіеся къ ламству не знаютъ ограниченій.

Джананъ.

Какъ Лун-абишикъ принимается въ смыслъ благословенія, такъ Джананъ, или Пово въ смыслъ сближенія съ богами—сближенія, простирающагося до того, что душа рада бы навсегда покинуть земную свою оболочку и вознестись къ родному ей лону вѣчности:

Ex ipso aeternitatis gremio decerpta

Nil opis externae cupiens

Ex alta mortalia despicit arce. Claud.

Къ участію въ таинствѣ допускаются оба пола, только не моложе 15-ти лѣтъ. Собравшись въ нарочитомъ мѣстѣ, усаживаются рядами на землѣ, подражая сколь можно въ позахъ своихъ тому идолу, котораго избрали своимъ патрономъ. За тѣмъ, испытавшій уже на себѣ дѣйствіе, жрецъ облачается во все гелунское одѣяніе, прикрываетъ голову вавшоемъ и садится на воз-

вышенной каедрѣ. По правую руку ставятъ жертвенникъ со всѣми его принадлежностями, а впереди столкъ съ чашею, жезломъ, колокольцемъ, дамарою, очиромъ и другими атрибутами Шигемунія.

Готовящіеся къ таинству дѣлають по чину поклоненія и подносятъ жрецу *мандалъ*, съ приложеніемъ къ нему монетъ и разныхъ вещей.

Мандалъ устроится такъ, что за нимъ тянутся вервью хадаки, привязанные одинъ къ другому ⁽¹¹⁵⁾. Это нужно для того, чтобъ участники таинства могли касаться хадака въ то самое время, когда Мандалъ будетъ держимъ жрецомъ.

Прикоснувшіеся становятся духовными дѣтьми жреца, а онъ ихъ духовнымъ отцемъ—*нигунцейн бакши*.

Пока все это происходитъ, чтеніе и пѣніе не умолкають. Въ пѣсняхъ прославляется Шигемуни и тотъ Богъ, для котораго совершается таинство. Не забываются и другіе боги, а равно и самъ совершитель обряда—*ачиту ундесун Лама*: ибо и въ его честь поются гимны.

За окончаніемъ пѣсногвній, Ачиту Лама, не пзбвняя своей недвижности и

являясь вдохновеннымъ , обращается къ собранію съ высокопарною рѣчью , имѣющею такой смыслъ :

Внимайте словамъ премудрости! Счастіе , которымъ боги надѣляютъ васъ , есть удѣлъ немногихъ . Недостигаемо царство Суковати , но вы теперь близки къ преддверію его. Тѣсно соединена душа съ тѣломъ : но подь могучимъ вліяніемъ таинства , она готова выдти изъ тѣла на три шага , чтобы сблизиться съ существами міра горняго , чтобы насладиться лицезрѣніемъ Тенгериковъ и Бради-габутовъ , Шаварановъ и Бодисадовъ , и даже верховныхъ Буддъ. Умѣйте же воспользоваться благомъ симъ. Обратитесь дѣломъ , словомъ и мыслию—*быи, келе, сеткил*, къ священному таинству. Сосудъ тѣла и души нечистый , сокрушенный , опроверженный обратите въ сосудъ достойный вмѣщать въ себѣ сокровища боговъ. Пребывайте въ томъ убѣжденіи , что жизнь наша—сонъ , а смерть—путеводительница къ счастливейшимъ перерожденіямъ. Всѣ чувства ваши да погрузятся въ эту бездну судьбы.

Наставленіемъ симъ оканчивается первый актъ таинственнаго обряда. А переходомъ ко второму служитъ приношеніе благодар-

ственной жертвы, состоящей изъ плодовъ и сѣмянъ—*уре таріалунъ*, и сопровождаемой гимномъ.

Въ это же время, нарочитые изъ ламъ заботятся объ удаленіи всѣхъ лишнихъ людей отъ шатра на такое разстояніе, чтобъ ни одно слово, ни одинъ звукъ не могли быть слышимы ими. Пниціатовъ же приводятъ въ возможную стройность, требуютъ отъ нихъ благоговѣйнаго молчанія и неподвижности, простирающейся до того, что самыя глаза не должны быть переводимы, но постоянно обращены къ собственному носу.

По водвореніи же тишины, и когда все собраніе представить изъ себя недвижимыхъ истукановъ, Ачиту ундесун Лама унылымъ гробовымъ голосомъ запѣваетъ пѣснь на исходъ души. Мало по малу, къ нему пристають и прочіе Ламы. Итакъ составляется хоръ, терзающій душу; мертвящій чувства.

По мѣрѣ приближенія финала, возрастаетъ сила плачевнаго тона, и наконецъ переходитъ въ припѣвъ, многократно повторяющійся. въ смыслѣ слѣдующаго стиха:

Mortis honos est scire mori, vitaeque beatae
Exitus est testis, qui sine labe fuit.

Вдругъ все замолкаетъ и раздается го-

дось Ачиту-ламы: *хек, хек хек!* Сила слова сего есть обаятельная. Подъ ея таинственнымъ вліяніемъ всѣ инициаты, и только они, падаютъ въ обморокъ и замирають. Они могли бы и вовсе умереть, если бы не была подаваема имъ скорая помощь. Но это предусмотрѣно. Ховараки и Ламы, заранѣе приготовленные, не теряя ни минуты, принимаются таскать людей изъ шатра, брызжутъ водою въ лице и обливають голову; а чуть проявится жизнь и чувство, заставляють больного произнести: *га-га-га*. И если это удалось, опасность считается минувшею.

Не излишне здѣсь замѣтить, что скорое возвращеніе къ самосознанію принимается за добрый знакъ. Напротивъ медлительное и трудное возстановленіе силъ приводитъ къ заключенію о жалкомъ недостаткѣ челоуѣка и объ отчужденіи его отъ даровъ таинства. Почему и не дозволяется таковымъ участвовать въ дѣйствіяхъ толикой важности.

Бываютъ также дебелыя натуры, на которыхъ первое *хек* не дѣйствуетъ съ потребою силою. Въ такомъ случаѣ повторяются припѣвы вмѣстѣ съ хекомъ, и челоуѣкъ отдастъ безусловно дань таинству.

Не потому ли это, что въра въ непобѣдимую силу *жека* господствуетъ надъ нимъ?

Но отъ какого вліянія и ухищренія ни зависѣлъ бы описанный фактъ, только Ламисты убѣждены, что Хутуктою и подобными ему святошамъ произнесенное слово *жекъ* можетъ всякаго умертвить, равно какъ слово *га* живить и воскрешаетъ. Мы съ своей стороны не станемъ опровергать ни того, ни другаго.

Плоды *Джанана* многообразны: 1) подвижнику обѣщается отпущеніе прежнихъ грѣховъ; 2) онъ признается умершимъ для настоящей жизни и перешагнувшимъ въ область безсмертныхъ боговъ; 3) онъ свободенъ отъ страха смерти: ибо гдѣ бы ни застигнуть былъ ею, боги дѣятельно защищаютъ его, или не обвиняя принимаютъ въ свои обители. И конечно тѣмъ же манеромъ, какъ нѣкогда принять былъ ими герой древняго міра — доблестный Ромуль.

Впрочемъ, поелику при совершеніи *Джанана*, всегда имѣется въ виду одно какое либо божество: то плоды таинства естественно зависятъ отъ этого патрона, и судя по его силѣ, бываютъ большими или мень-

шими. А потому каждый инициатъ начинаетъ подвигъ свой Джанапомъ Абидъ, какъ отцу боговъ. За тѣмъ обращаются уже къ прочимъ бурханамъ. А кому удалось совершить многіе Джаваны, тотъ успокоиваетъ себя мыслию, что грѣхи его, отъ перваго до послѣдняго, изглажены и путь къ счастливимъ перерожденіямъ открытъ: или, говоря языкомъ Платоническаго ученія, чловѣку тому: Ἀδαμαντίνως θεὸς ὄν ἐν ἄδου ἵεναι, ὅπως αὐτῆ καὶ ἐκεῖ ἀνέκκλητος ὑπὸ πλοῦτων τε καὶ τῶν τοιοῦτων κακῶν. Plat. de republ. L. x. p. 619.

*Абіагарин-ванъ
и Мидор-дзогин-ванъ.*

Сказали мы, что *Джананъ* не можетъ быть отправленъ многимъ Бурханамъ въ вѣсть. Напротивъ, при совершеніи *Абіагарин* и *Мидор-дзогин-вана*, постоянно имѣется въ виду весь сонмъ боговъ, цѣлый Олимпъ буддическаго міра. Въ этомъ отношеніи обѣ послѣднія службы сколько не походятъ на *Джананъ*, столько съ другой стороны сходятся между собою.

Но чтобы дать понятіе и о разности, существующей между ними, должны мы предувѣдомить читателя, что какъ въ Тибет-

скомъ, такъ и въ Монгольскомъ священномъ кодексѣ, т. е. въ Ганджур-данджурѣ, одѣ мѣста писаны на обыкновенномъ книжномъ языкѣ, другія же на *Али-Гали-Чулинчѣ*, языкахъ извѣстнымъ подъ общимъ именемъ: *тарнин-келе*; и писанное на послѣднихъ языкахъ почитается таинственнымъ въ высшемъ смыслѣ (*per excellentiam*). Ибо языки эти крайне мало извѣстны, и для Буддистовъ они тоже, что были іероглифы для поклонниковъ Аписа.

Теперь обратимся къ предмету статьи. Когда избраннымъ слушателямъ, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, прочитываются, объясняются лишь тѣ мѣста закона, кои писаны на обыкновенномъ книжномъ языкѣ, тогда дѣйствіе получаетъ названіе *Абігарин-вана*, и на совершеніе онаго требуется сорокъ дней. Но ежели чтенію и толкованіямъ дава такая обширность, что ни *Али-Гали*, ни *Чулинчѣ* не дѣлаютъ изъятія: въ такомъ случаѣ обрядъ переходитъ въ *Мидор-дзогин-ванъ* и требуетъ для себя уже не сорока, а шестидесяти дней.

Многое въ свою очередь требуется и отъ совершителя. Онъ долженъ совмѣщать въ

себѣ благочестіе съ духовною опытностію, знаніе Шигемуніанской вѣры, во всѣхъ ея подробностяхъ, съ основательнымъ знаніемъ священныхъ языковъ. Къ тому человѣкъ этотъ долженъ быть *Хутукту*, или по крайней мѣрѣ *Хубилганъ*, съ неоспоримыми правами на совершеніе таинствъ и съ самыми положительными доказательствами своихъ перерожденій.

А какъ люди такого значенія за рѣдкость встрѣчаются даже и тамъ, гдѣ колыбель Буддизма: то легко судить, сколь необыкновенное явленіе представляютъ собою Абіагаринъ и Мидор-дзогин-ванъ въ странахъ, подобныхъ Сибири. Въ Монголіи нашей, даже преданія не сохранилось о бывшихъ въ ней когда либо Ванахъ. И по всей вѣроятности ни одинъ изъ Вановъ не былъ тамъ совершенъ до 1842 года.

Въ этотъ же счастливый для Буддизма годъ явился, какъ бы изъ другаго міра, изъ Средней Имперіи таинственный пришлецъ, называвшійся *Лу-дунъ* (изъ племени Хорчитскаго). Вскорѣ обратилъ онъ на себя вниманіе религіозными, врачебными и другими познаніями. Но не легко было рѣшить—кто онъ? Ученнѣйшіе изъ ламъ заня-

лись этимъ вопросомъ; взвѣшивали, опредѣляли всѣ обстоятельства времени и мѣста и наконецъ признали аксіомою, что Лу-дупъ есть Хутукту, прошедшій рядъ славныхъ перерожденій, а въ настоящемъ періодѣ жизни своей, подвизающійся по волю судьбы, для возстановленія Шигемуніева закона во всей его чистотѣ.

За гаданіями и вычисленіями, столь благопріятствовавшими пришлецу, не замедлили представить и фактическіе доводы. Ибо явились глашатаи, трубившіе повсюду, что Лу-дупъ перешагнулъ р. Селеңгу, тогда какъ спутники его заботились о переправѣ; что страшныя высоты Цохонды (лобной горы), Ынде, Мунку-Сардыка и другія подобныя мѣста посѣщаются имъ среди глубокой ночи, для развлеченія послѣ дневныхъ занятій; что самыя мощныя и злѣйшіе духи безсильны противъ Лу-дуца.

Такія сказанія и тысячи анекдотовъ потокомъ влекли къ нему кочевую орду. Обаянію не было мѣры. Оно до того возрасло, что не взирая на лютость Февральской въ Сибири зимы, рѣшились приступить къ совершенію въ обледеѣломъ капищѣ сороко-дневнаго Абіагарин-вана.

Мѣстомъ дѣйствія избранъ былъ *Цу-гольскій* дацанъ, находящійся въ Перчинскомъ округѣ при р. Опонѣ. Тамъ Лу-дупъ, въ качествѣ Хутукты, торжественно явился на сценѣ.

Дальнѣйшій рассказъ беремъ изъ словъ самовидца, имѣвшаго терпѣнiе находится при Ванѣ во всѣ сорокъ дней и выслушивать уроки великаго учителя. При томъ единожды навсегда замѣтимъ здѣсь, что этому почтенному и наблюдательному человеку (116) обязаны мы наибольшею частію интереснѣйшихъ свѣденій, которыми дорожатъ ламы, какъ зѣницею ока, и которыя посему ускользали отъ наблюдательности самыхъ тщательныхъ изслѣдователей Буддизма.

Приготовляясь къ Абиагарин-вану, болѣе всего заботились объ устроеніи посреди капища Джинхора, т. е. огромнаго (не менѣе кубич. сажени) жертвенника. Джинхоръ покрывали шелковыя четырехъ священныхъ цвѣтовъ ткани, исчисанныя 360-ю именами боговъ,—представителей четырехъ корней. На Джинхорѣ находились жертвенныя принадлежности во всей ихъ полнотѣ и стройности; а возлѣ, колоссальныя для Хутукты

кресла—*банримту ширеге*, и столъ для орудій, которыми пользуются боги, какъ отличительными знаками своего достоинства, а иногда и ратуютъ ими, по примѣру Юпитера и Марса (117).

Послѣ приготовленій сего рода, подѣ благотвѣннѣйшимъ вліяніемъ созвѣздій, жрецы, въ священнѣхъ одеждахъ, отправились всѣмъ сонмомъ своимъ къ жилищу Хутукты.

Это былъ смиренный шатеръ, не въ дальнемъ разстояніи отъ капища. Легіонъ жрецовъ приближался къ нему тихо и безмолвно, безмолвствовалъ и народъ. Стонала лишь земля подѣ гнетомъ народныхъ массъ.

Но вотъ завѣса поднялась,—и все пришло въ восторженное движеніе. Гандумы и Бискуры, Кенгерге и Дудармы, Селвины и Ганлины, сливаясь съ голосомъ многихъ сотней Ламъ и тысячей народа, громовымъ эхомъ отозвались на пространствѣ Цугольской пустыни и возвѣстили о торжественномъ шествіи Хутукты на великій подвигъ Абіагарин-вана.

Хутукту явился въ полномъ Гелунскомъ облаченіи съ ваншоемъ на головѣ. По прибытіи въ капище, сдѣлалъ онъ обычныя поклоненія бурханамъ, трижды (по теченію

солнца) обошелъ Джинхоръ и сѣлъ на приготовленномъ для него мѣстѣ. Жрецы спѣшили принять благословеніе и поднесли отъ всего собранія просительную жертву—*гоюлтейи мандалъ*, съ благоговѣйнымъ подьятіемъ рукъ и всенароднымъ поклоненіемъ.

Рядъ сорока-дневныхъ бесѣдъ Лу-дунъ началъ импровизаціею: о важности дѣйствія, къ которому приступаютъ слушатели, о необходимости вниманія, терпѣнія и многихъ другихъ добродѣтелей, безъ которыхъ не возможно человѣку воспользоваться всею благотворностію священнаго Абѣагарин-вана, наконецъ о плодахъ сего таинства, заключающихся преимущественно въ примиреніи съ богами и въ правѣ пользоваться ихъ атрибутами, при тѣхъ обстоятельствахъ жизни, когда обыкновенные способы признаются не достаточными къ отраженію зла.

Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ своихъ Лу-дунъ держался строгой послѣдовательности, переходя отъ одного корня къ другому, отъ исторіи старшихъ боговъ къ младшимъ. Разумѣется, тутъ не было недостатка въ нравственныхъ приложеніяхъ, особенно когда представлялся случай распространиться въ похвалу Буддизма.

Собрания для этой цѣли, со всею торжественностію встрѣчь и провожаній Хутукты, происходили каждодневно по три раза. Но при вечерней службѣ, допускаемы были изъятія въ пользу почетныхъ лицъ, обращавшихся къ Хутуктѣ съ просьбою объ избавленіи ихъ отъ злыхъ духовъ и другихъ злополучій.

Въ такомъ случаѣ, ночь посвящалась на совершеніе разнаго рода гурумовъ, и въ особенности Докджура.

Объ обрядовомъ дѣйствіи, извѣстномъ подь симъ именемъ и направляемомъ противу безпокойныхъ Онгоновъ, Буковъ и прочихъ, говорили мы въ своемъ мѣстѣ. А здѣсь замѣтимъ лишь то, что касается до Цугольского дѣйствителя.

Пусть читатель мысленно перенесется въ страны Даурскія, на утесистые берега Онона; пусть вообразить, что предъ нимъ одинокое капище и необозримая пустыня. Здѣсь среди мрака зимней ночи, является таинственное существо, озаряемое лишь блуждающими огнями. Въ рукъ его червленый копьевидный *Докджуръ*; его руйджинъ, додь-икъ, ваншой, типъ одеждъ Іаннія и Амврїя (2 Тим. III), блещутъ серебромъ,

бряцають тысячью позвонковъ; унылая пѣснь его потрясаетъ душу и, кажется, духи горъ и долинъ внимають ей, выглядывая изъ пещеръ исполинскими тѣнями.

Но никто не смѣетъ приблизиться къ дивному Хубилгану: ото всѣхъ отдаленъ онъ завѣтною чертою. Цѣлая орда, слившись въ одну массу, сомкнутая въ кольцо змѣею, цѣпейя стоитъ предъ нимъ и покорствуетъ его мавію.

Пусть, говорю, вообразить все это читатель, и онъ постигнетъ, сколь велико было обаяніе толпы при докшитскихъ таинствахъ (*Noctua geniorum sacra*).

Ордынцы готовы были лизать персть Лу-дуна. Особенно при томъ актѣ, когда произнося заклинанія— *докбо*, выполняетъ онъ подъ тоны музыки дѣйствіе *цан-харай-ху* (родъ пляски); потомъ входитъ внутрь горящаго шатра и тамъ, со всею ловкостію магика, вызываетъ на брань духовъ, борется съ ними и попираетъ ихъ вмѣстѣ съ Док-джуромъ своимъ.

Восторгъ народный обращался тогда въ изступленіе. И пустыня стократно оглашалась кликами, подобными тѣмъ, какими некогда привѣтствовали Самаряне изумляв-

шаго ихъ волхва: *Эне-ину бурхану ике аюга куцуи муи*; это великая сила Божія (Дѣян. 8)! Такъ—

Rumor rumores, errores parturit error,

Ut nivis exiguus crescit eundo globus.

За симъ Буддистамъ нашимъ оставалось лишь доказать, что они достойные сыны великаго бакши — *dignum patella operculum*. И въ видахъ сихъ рѣшились взяться за сооруженіе Лхамойн—Гандоя.

Этотъ Лхамойн—Гандой представляетъ самое затѣйливое произведеніе языческаго міра.

На подвижныхъ, довольно высокихъ устояхъ строятъ квадратный амвонъ (въ поперечникѣ 4 саж.) съ 4-мя ступенями, пзъ которыхъ каждая пмѣетъ слишкомъ два фута въ вышину и до семи въ ширину. По угламъ нижняго яруса и въ центрѣ верхняго, ставятъ столбы, высотой до 28 футовъ, и скрѣпляютъ ихъ между собою, на данныхъ разстояніяхъ, тремя рядами перекладинъ, оканчивающихся звѣздчатыми фигурами. Такая же фигура ставится и на вершинѣ центральнаго столба. Въ этомъ видѣ придвигаютъ зданіе къ капищу, дабы предъ лицемъ всѣхъ боговъ взяться за его украшеніе.

Гандой осващиваютъ на подобіе корабля. И какъ снасти, такъ и столбы обвѣшиваютъ шелковыми четырехъ священныхъ цвѣтовъ матеріями, стараяся при томъ, чтобъ подъ флагами сими совершенно исчезали изъ виду всѣ другія части зданія. На пирамидальномъ же основаніи даютъ мѣсто лѣпнымъ изображеніямъ, представляющимъ всѣ виды существъ, начиная отъ человѣка. Тутъ же полагаются и жертвенныя вещи, посвящаемыя богамъ.

Блισταющій такою роскошью, Гандой служитъ символомъ и какъ бы одушевленнымъ представителемъ Сумбера и четырехъ главныхъ тибовъ міра. По отношенію же къ богамъ, составляетъ онъ съ одной стороны искупъ, пріемлемый ими въ удовлетвореніе злыхъ духовъ, на основаніи заключеннаго съ ними условія чрезъ посредство Шигемунія: съ другой—ручательство, что они не попустятъ духамъ причинять народныя бѣдствія, и это на цѣлыхъ пять сотъ лѣтъ!

Подъ вліяніемъ такихъ понятій о Гандоѣ, исчезала для Буддистовъ огромность разстояній между Онономъ и Леною, между Саянскимъ и Яблоновымъ хребтомъ. Буряты и Тунгусы отовсюду неслись къ Пу-

гольскому дацапу и въ пустынныхъ его окрестностяхъ представили зрѣлище, достойное самаго Аммона, не только Лу-дуна⁽¹¹⁸⁾.

Съ наступленіемъ дня, долженствовавшего положить конецъ Абіагарин-вану, вѣнчая его всесоженіемъ, ревъ трубъ не умолкалъ, жрецы суетились, народъ не сводилъ глазъ съ Гандоя и жаждалъ хурала.

Но характеръ докшитскаго праздника не позволялъ приступить къ обряду прежде склоненія дня къ ночи. И потому не ранѣе, какъ около трехъ часовъ по полудни, началась служба.

Шествіе изъ капища открывали грозные Докшиты, коихъ личины, въ числѣ десяти, несены были на длинныхъ шестахъ. За Докшитами слѣдовали Ламы всѣхъ ранговъ, со всѣми атрибутами ихъ званія; наконецъ явился и Хутукту.

Обошедъ съ обычною торжественностію вокругъ Гандоя, принявъ ото всѣхъ привѣтствіе и поклоненіе, началъ онъ съ высоты сѣдалища своего великую жертвенную службу поменклатурою существъ горняго міра. Всѣ они приглашались къ жертвѣ и посредничеству. Обрядъ этотъ, называемый бѣлымъ—*цаган гурумъ*, продлился до ночи:

и не смотря на то, что былъ чуждъ гласо-
ваній и кликовъ, произвелъ глубокое вне-
чатлѣніе, ибо опытный жрецъ, сознавая
всю важность правила: *si vis me flere, dolendum est tibi*,—успѣлъ показаться столь на-
божнымъ, что у зрителей, при молитвен-
ныхъ его воззваніяхъ, невольно исторгались
слезы.

Едва окончился первый актъ службы, на-
чали снаряжаться ко второму. Приготовле-
нія состояли въ подборѣ огромнаго числа
людей для несенія колоссальнаго Гандоя, —
въ устроеніи ширингъ, оруженосцевъ и стрѣл-
ковъ, въ зажженіи костровъ, факеловъ и
Китайскихъ огней, наконецъ, въ перемѣнѣ
Хутуктою одеждъ Шигемуніанскаго обряда
на докшитскія.

Теперь все принимало иной видъ, все
отзывалось тревогой: ибо надлежало имѣть
дѣло уже не съ мирными, а съ злыми ду-
хами. Самъ Лу-дунъ не скрывалъ своего
смущенія. Голосъ его дрожалъ, глаза свер-
кали: во всѣхъ движеніяхъ его обнаружи-
валась таинственная борьба. Къ довершенію
картины, ночная буря, бушующая яростно, да-
вала случай думать, что даже стихіи при-
нимаютъ участіе въ дѣлѣ Лу-дунъ-Гандоя

и, за одно съ Хутуктою, стараются духовъ тмы извлекать изъ глубокихъ ихъ жилищъ.

Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, начался черный обрядъ—*хара гурум*, чтобы на долго оставить по себѣ у кочевой орды громкую память. За изступленнымъ экзорцизмами стали раздаваться свисты Ганлина, за Ганлиномъ гремѣли кенгерги и гамшивы. Далѣ неслись отовсюду клики и вопли, стрѣльба и бряцаніе и все то, что только можетъ служить къ умноженію смятеній и ужаса.

Для людей, въ таинства не посвященныхъ, дѣйствія эти могли показаться вакхическими; но онѣ до іоты согласены были съ мудрыми наставленіями *Сундоа*. А потому-то и сила обряда дѣйствовала побѣдоносно. Духи (по увѣренію жреца) стремглавъ неслись къ Гандою, хотя и знали, что ихъ ожидаетъ тутъ не честь и не радость.

Лу-душъ, отбросивъ первое смущеніе, укорилъ и обличилъ многихъ изъ духовъ за проступки ихъ противъ Буддизма; потомъ напомнилъ всему сонму объ условіяхъ, которыя издавна, для пользы человечества, постановлены между могущественными богами и членами темнаго царства⁽¹¹⁹⁾; указалъ имъ

на предстоящій Лхамойн-гандой, какъ на великую жертву, долженствующую служить достаточнымъ искупомъ: авъ заключеніе ото всѣхъ представителей требоваль честнаго слова, что они, до истеченія опредѣленнаго срока, не стануть ничего затѣвать на общую бѣду тѣхъ странъ и лицъ, отъ имени которыхъ приносится Лхамойн-гандой.

Но какъ существа эти не любятъ стѣснять себя обязательствами, то Лу-дунъ, видѣвши упорство ихъ, прибѣгъ къ угрозамъ и къ помощи Докшитовъ. Тогда бѣдные духи должны были покориться необходимости и принять Гандой въ качествѣ искуна.

Послѣ сдѣлки толико славной, обрядъ достигалъ своей цѣли. Оставалось лишь передать Гандой въ распоряженіе новыхъ его властителей. А потому данъ былъ сигналъ къ общему движенію. Толпы народа, какъ бурный потокъ, устремились къ колоссу, подняли его на рамена свои и потянулись съ этимъ беремщикомъ въ пустыню на Западъ отъ капища.

Зритель случайный шествія дивнаго, кто бы ты ни былъ, очамъ и слуху станешь ли вѣрить, что не мечта, не привидѣнье передъ тобой? — Въ часъ полунощный, среди пу-

стыни, цѣпью безконечной тѣни кружатся. Вихри и бури вслѣдъ ихъ текутъ. Гробъ исполина всѣ провожаютъ и долгъ послѣдній ему отдають. Но вотъ онъ воспрянувъ, столпъ огненный представилъ изъ себя и прахомъ своимъ пустыню усѣялъ, потомству чтобъ сказать:

Pendentes agimus vitas in littore mortis:

Tam prope mors vitae est, quam prope
margo mari.

Una fere res est homini mors vitae, sicut
Efficiunt unum Terraque et Unda globum!

Epigr. Ov. p. 102.

Таковъ былъ конецъ Лхамойн-гандоя и вмѣстѣ Абиагарин-вана. Участники обрядовъ не могутъ нахвалиться своимъ счастьемъ. Они увѣрены, что теперь для нихъ открыты почти всѣ врата мудрости и обезпечена самая дальная будущность.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, ссева, подобная Цугольской, повторена была въ гусино-озерскомъ дацанѣ, чрезъ совершеніе тѣмъ же пресловутымъ Лу-дупомъ *Мидор-дзогин-вана*. Къ тому на долю Гусино-озерцевъ достались ристаніе и игры, какъ бы для увѣренія, что отъ великаго до смѣшнаго одинъ лишь шагъ.

С Т А Т Ь Я

XVIII.

Награды и наказанія по смерти.

Всѣ средства, о которыхъ говорили мы, ведутъ къ одной цѣли—въ царство Сукавади. Но къ сожалѣнію, царство это такъ высоко, что на пути къ нему малѣйшая пылинка есть уже тяжкое бремя, могущее остановить полетъ самой бодрой души; и такъ свѣтозарно, что надобно быть свободнымъ отъ всякаго грѣха, снабженнымъ всеми добродѣтелями чтобы войти въ него.

А потому, зная глубокую испорченность человѣческой природы, скорѣе слѣдовало бы отказаться отъ надежды видѣть когда либо обители блаженства, нежели стремиться къ нимъ, если бы Буддизмъ не ограждалъ своихъ приверженцевъ особыми условіями.

Мы говоримъ о перерожденіи и переселеніи душъ — *палипуттиссикай метемпсихосис*,—этихъ мощныхъ двигателей буддійскаго міра. Онѣ ожидаютъ вѣру Буддиста, даютъ направленіе

его нравственности и питають сладкою мечтою, что душа его, рано или поздно, должна будетъ, дѣйствомъ пресельничества, отрѣшиться отъ всего земнаго и стать на высшей степени требуемаго отъ нея совершенства.

Лѣствица такого восхожденія, при безконечномъ разнообразіи нравственныхъ состояній, не можетъ не быть разнообразною. Съ другой стороны, она не лишена и началъ единства, непосредственно зависящихъ отъ единства человѣческой природы, и той цѣли, къ которой ведется человѣкъ. На сихъ-то началахъ останавливаемъ теперь вниманіе.

Разумной душѣ нельзя оставаться въ состояніи неопредѣленномъ. А чтобъ получить назначеніе, душа должна отправляться въ міръ духовъ. Они же и провожаютъ ее туда. И обыкновенно, являясь къ пресельницѣ въ часъ разлуки ея съ тѣломъ, невольно даютъ ей замѣтить взаимное между собою различіе.

Одни имѣютъ видъ грозный, другіе прелестный; одни сыплютъ ласкательства и обѣщанія, другіе едва удостоиваютъ взглядомъ. Но горе душѣ, которую лесть прельщаетъ. Злые искусители—*ирисичи* свращаютъ ее съ пути и заставляютъ платиться

вѣковымъ страданіемъ за слѣпое къ нимъ довѣріе.

Напротивъ, если душа умѣла побѣдить искушеніе, то мнимо грозныя, но существенно добрыя духи — *номун сакигулсан*, берутъ ее подъ свое покровительство и провождаютъ къ богу милосердія Аріаболо, который въ свою очередь старается представить ее Эрлик-Номун-хану, для суда.

Роковой судь надъ грѣшною душой продолжается сорокъ дней, при участіи Аріаболо и всѣхъ тѣхъ боговъ, которымъ душа наиболѣе благоугодила. Впрочемъ во всякомъ случаѣ, рѣшеніе участи зависить отъ самаго Номун-хана.

Онъ тщательно разсматриваетъ меморію дѣлъ души: наконецъ ставитъ ее предъ зеркаломъ—*геген толи*, способнымъ отражать въ себѣ, со всею вѣрностію, не только внѣшнія формы, но и самыя сокровенныя свойства. Познанная такимъ образомъ, а равно и сама себя познавшая, душа выслушиваетъ приговоръ, и въ слѣдъ за тѣмъ, силою судьбы, увлекается на одинъ изъ путей, ведущихъ изъ дворца Номун-хана: во адъ и къ мытарствамъ, въ міръ перерожденій и въ царство Сукавади. Картина всѣхъ этихъ

мѣсть стоить того, чтобъ на нее взглянуть.

А д ъ.

Адъ—*тамо* дѣлится на двѣ части, разительно одна другой противоположныя. Въ одной половинѣ горитъ вѣчный огонь, въ другой царствуетъ хладъ и тьма. Въ одной мгновенно отъ жара горы таютъ какъ воскъ, въ другой отъ холода разсыпаются онѣ въ прахъ.

Главные части подраздѣляются на 16 отдѣленій ⁽¹²⁰⁾. Во главѣ ихъ стоить *Аюс-тамо* — ужасный адъ, или геенна, предназначенная для виновныхъ въ смертныхъ грѣхахъ: за геенною слѣдуетъ пять узлицъ, гдѣ томятся виновные въ грѣхахъ близкихъ къ смертнымъ; остальные же отдѣлы занимаютъ учинившими грѣхи черные.

Каждое изъ сихъ отдѣленій, сообразно дѣли, имѣетъ свою особую характеристику. Но общій ихъ типъ нигдѣ такъ не выражается, какъ въ *Аюс-тамо*.

Не легко однакожъ найти терминъ, который бы соотвѣтствовалъ значенію толико замѣчательнаго, по ужасамъ своимъ,

мѣста. Море ли это огненное, или вулканъ, вѣчно бушующій? Печь ли горящая огнемъ неугасающимъ, или жерло бездны, дымъ котораго восходитъ до неба?

Итакъ, пусть читатель самъ выбираетъ любое названіе, а мы только опишемъ предметъ.

Анос-тамо содержитъ восемьдесятъ тысячъ квадратныхъ миль. Огражденъ онъ желѣзными стѣнами и наполненъ массою расплавленнаго чугуна—*хаилаксан ширеме*. Въ этой массѣ, непрестанно влаемой силою огня, носятся грѣшники, то погружаясь до дна, то всплывая на поверхность. Къ довершенію ужаса, тѣла страдальцевъ, при каждомъ погруженіи, сгораютъ до костей, а съ каждымъ всплывомъ, возраждаются, чтобы опять горѣть и опять родиться для новыхъ мученій! Гдѣ же, спросятъ, конецъ этому процессу? Онъ за безчисленнымъ рядомъ вѣковъ. Пбо продолжительность мученій опредѣляется мѣрою, содержащею 8 кубич. саж. гувжита (родъ кориандра), зерна котораго вынимаются изъ сосуда чрезъ сто лѣтъ по одному.

Случается, что несчастные, завидѣвъ издали отверстое жерло, стремглавъ мчатъ

ся къ нему въ чаяніи избавленія. Но увь! Мнимое отверзтіе есть только зіяніе бездны. И адъ, посмѣявшись надъ узниками, съ ревомъ и клокотомъ сжимаетъ предъ ними пасть свою, прилагая такимъ образомъ къ ужасамъ мукъ новые ужасы отчаянія.

Сказанное имѣеть приложеніе и къ прочимъ 15-ти отдѣламъ ада, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что мученія въ пяти ближайшихъ къ Аюс-тамо—вдвое, а въ остальныхъ десяти отдѣлахъ—втрое легчеи короче. Всѣ же вообще мучилища—*тамойн орон*, находятся въ средоточіи земли и составляютъ собою страшное царство Чойжила, наиболѣе извѣстнаго Монголамъ подъ именемъ Эрлик-помун-хана (121).

Мытарства.

Мытарства предназначены для очищенія тѣхъ грѣховъ, которые входятъ въ категорию слабостей — *нисванис*. А поскольку человеческихъ слабостей 48 т., то и мытарства раздѣлены на такое же число.

Однѣ изъ нихъ расположены въ ярусахъ земли — *долон данхор*, на пространствѣ между адомъ и міромъ перерожденій; почему и называются переходными, или срединны-

мп—дзагурдейи гасаланту хабцагай. Въ отношеніи жъ къ душѣ, проводимой ими, составляютъ онѣ истинно скорбный и тѣсный путь. Бѣдная странница не только обременяется здѣсь тяжкими злключеніями, но даже принуждена бываетъ въ питку вытягиваться, чтобъ пройти сквозь какіе либо тернопилы.

Другія мытарства, находясь въ мѣстахъ таинственныхъ, похожи на Армидины сады, гдѣ все изумляетъ, все располагаетъ къ покою и радостямъ. Обаяніе этихъ мѣсть тѣмъ сильнѣе, что душа видитъ здѣсь предъ собою тѣ самые предметы, которые нѣкогда льстили ея самолюбію и питали въ ней чувственность, встрѣчается съ старыми друзьями и пріятелями, готовыми ко всякимъ услугамъ.

И вотъ она думаетъ забыть тысячеклѣтнее горе и освѣжиться у тихо журчащаго ручейка. Но что жъ? Въ мѣсто кристальнагоручья, находитъ гнѣздо шипящихъ змѣй; простираетъ руку къ другу—и обнимаетъ чудовище; хочетъ укрыться подъ тѣнью деревъ—и падаетъ на горячіе угли. Словомъ, убійственнымъ метаморфозамъ нѣтъ мѣры, нѣтъ числа.

Все это работаютъ стихійные духи —

шимнусы, поставленные въ мѣстахъ снхъ въ качествѣ карателей за злоупотребленіе внѣшними чувствами. Они умѣютъ лукаво проводить душу изъ одного мытарства въ другое, манить, пугать, тѣшить и дѣлать ее жертвою всякаго коварства; доколѣ наконецъ обезсиленная потрясеніями, но вмѣстѣ и очищенная, погружается она въ мертвое безчувствіе, чтобъ воспрянуть уже за предѣлами мытарствъ, въ мірѣ перерожденій.

Перерожденіе и преселеніе душъ.

По началамъ буддійской психологій, души раздѣляются на *вещественныя* и *духовныя*. *Вещественныя* зараждаются вмѣстѣ съ тѣломъ подъ вліяніемъ теплоты и влаги—*дзуген дулазан-еце*, дѣйствуютъ механически на условіяхъ соотношеній (combinationum) частей цѣлага, и съ разрушеніемъ его уничтожаются. Таковы души насѣкомыхъ—*цохо хорхой*.

Напротивъ того, *духовной* природы души, не имѣя ничего общаго съ матеріею, вселяются въ тѣла изъ внѣшняго міра и, руководясь законемъ ума своего, совершаютъ вѣковѣчный круго-оборотъ перерожденій—

эрин туруку, харин иреку, и преселеній—*хубильджу туруку*.

Не потому однакоже, чтобъ это была первоначальная воля судебъ, но злоупотребленіе сдѣлало благородную душу принужденною терпѣть и перерожденія въ сферѣ челоуѣчества, и преселенія въ сферѣ низшихъ существъ, далеко не соответствующихъ ея достоинству.

Самые же пути указуются Чойжиломъ, на основаніи законовъ правды, до того неизмѣнныхъ, что каждому челоуѣку, вникнувъ въ состояніе души своей, очень не трудно предугадать будущіи свой жребіи.

Такъ, самонадѣятельнымъ и гордымъ—*найдангой, омок*, готовится томительная бездѣйственность въ области Тенгериновъ, а потомъ уничтоженіе среди людей. Злоправные—*урингъ*, неминуемо должны отправиться къ мятежному Асури. Ненасытные корыстолюбцы—*харамъ*, увидятъ себя въ образѣ чудовищнаго Бирита и стануть, подобно тавталу, томиться голодомъ и жаждою, сидя на берегахъ Океана. Лѣнливыхъ и перазсудительныхъ ожидаетъ неизбѣжность преселенія въ тѣла бессловесныхъ тварей—*адагусъ*. Паувѣры и всѣ развращенные сер-

цемъ—*тачиангой*, не могутъ избѣжать участи Иргачиновъ, Шимбусовъ и подобныхъ имъ существъ. Тоже должны испытать на себѣ и послѣдователи черной вѣры, а тѣмъ болѣе Шаманы.

Переходы такіе достаются, какъ видимъ, на долю порабощенныхъ грубой чувственности. Но ежели человекъ умѣлъ обезспилить въ сердцѣ своемъ корень зла и насадить въ немъ доброе сѣмя, въ такомъ случаѣ ведется онъ путемъ счастливыхъ перерожденій—*джиргаланту туруль*, поднимаясь выше и выше на высоту нравственнаго совершенства. Ступени этого восхожденія многочисленны; но вотъ важнѣйшія изъ нихъ:

1) Рожденіе въ правой вѣрѣ—*шаджину уг думда туруку*, стоящее въ противоположности съ рожденіемъ въ области невѣрія—*заха кушигун орондо туруку*.

2) Рожденіе безъ недостатковъ душевныхъ и тѣлесныхъ—*эркетен буритку*.

3) Рожденіе, сближающее съ мудрыми наставниками—*ачиту Лама-луга учирху*.

4) Рожденіе, дающее возможность слушать уроки закона—*ном соносху*.

5) Рожденіе, способствующее человекѣ

къ изученію закона и ко видѣренію его въ сердце—*ойндорь-ен токтогаху*.

6) Рожденіе, коимъ отстраняются препятствія въ дѣлѣ исполненія законовъ въры—*тегунчилен уйлетку*.

7) Рожденіе, поставляющее на степени вождя и учителя истинны—*босот тор унени удзегулку*.

8) Рожденіе, отстраняющее собою всѣ преткновенія и дающее человѣку возможность пребыть до конца жизни свободнымъ отъ всякаго грѣха—*уйлейн эцус есе буругудаху*.

Счастливъ, кто взошелъ на эту высоту: онъ превыше житейскихъ превратностей, и есть прямой наслѣдникъ царства Сукавади.

Una salus servire Deo est: haec gaudia sola

Vera puta, quorum gloria finis erit.

Царство Сукавади.

Выше замѣтили мы, что царство Сукавади, иначе *Девадженни орон*, слишкомъ далеко отъ земли. Разстояніе это опредѣляется трех-тысячною великою тысячею заміроваго пространства—*гурбан минга, ике минган иртынциуйн цана* ⁽¹²²⁾.

Однакожь и при такой отдаленности, зем-

ной нашъ міръ не перестаетъ быть видимымъ. Представляемое имъ зрѣлище всегда предъ очами небожителей. Но какое это зрѣлище! Людскія жилища являются чѣмъ-то похожимъ на змѣиное гнѣздо — *хорто могойн егур мету*. Вся земля носитъ образъ геены, дымъ и пламя которой, усиливаемые непрестанно токомъ дѣлъ человеческихъ, поднимаются до неба и нисходятъ до послѣднихъ глубинъ земли — *долон данхор газарун-доро*.

Картина такихъ ужасовъ допущена не безъ цѣли. Показывая небожителямъ превосходство ихъ состоянія, она порождаетъ въ нихъ чувство самодовольствія и благодарности къ богамъ. И это чувство постоянно усиливается въ нихъ по мѣрѣ того, какъ познаютъ они цѣну райскаго блаженства.

Въ предверіи царства Сукавади, душу привѣтствуетъ (*менделеку*) благоуханный цвѣтокъ — *бадма линхова*, столь прелестный, что при одномъ взглядѣ на него нельзя не забыть всѣхъ житейскихъ бѣдъ и испытаній. А ежели душа принесла съ собою въ горній міръ хотя тѣнь какой либо слабости, то *бадма линхова* развертываетъ предъ нею

дазные свои листья и, принявъ ее въ нѣдра свои—*куйсуцу дотора*, даетъ ей возможность очиститься, облагодухаться и вполнѣ созрѣть во всѣхъ совершенствахъ, или точнѣе сказать, переродиться, подобно Фениксу, который какъ извѣстно:

Confectus senio se mittit in ignem

Ut propriis iterum pullulet exequiis.

Обновленную душу встрѣчаютъ служебные духи—*такилун тенгеринъ* и, принявъ ее съ радостными кликами, провождаютъ къ подножію престола, поддерживаемаго во семью львами—*найман арсаланту тапцану-эмене*, и тѣмъ выше возводятъ ее, чѣмъ болѣе она очищена.

Возсѣдающій на престолѣ Абиды, узрѣвъ пресельницу, ниспосылаетъ ей слово своего утѣшенія и назначаетъ мѣсто, сообразное съ ея достоинствомъ:

Huc omnes pariter venite capti,

Quos fallax ligat improbis catenis

Terrenas habitans libido mentes;

Hic erit vobis requies laborum,

Hic portus manens placida quiete,

Hic patens unum miseris asyllum

Воët. lib. 3. Mat.

Впрочемъ случается, что нѣкоторыя ду-

ши, для общаго блага—*хамок амитану тусейн-тола*, не останавливаясь долго на указанной имъ степени блаженства, возвращаются вспять и начинаютъ новый рядъ перерожденій въ лицѣ такихъ особъ, каковы Баньчень-богдо, Далай-лама и всѣ Хутукты. Явленія эти, не подходя подъ общее правило, составляютъ собою чрезвычайное изъятіе. Ибо души такихъ перерожденцевъ не принадлежатъ міру, но служатъ для него свѣтилами и постояннымъ органомъ воли боговъ, проходя путь жизни своей *virtute ducere, comite fortuna*.

Здѣсь оканчиваемъ мы изслѣдованіе о Буддійскомъ вѣроученіи. Ибо углубляться въ дальнѣйшія каверны его мистерій, или парить въ высоту метафизическихъ созерцаній, вслѣдъ за Индѣйскими мудрецами, считаемъ дѣломъ чуждымъ для цѣли своей, да и не безопаснымъ. Слишкомъ смѣлые и дальніе полеты, куда бы ни направлялись они, намъ кажутся всегда близкими къ приключеніямъ Икара и Фаэтона.

*Icarus et Phaëton dum magna capescunt,
Occidit hic flammis, ille peremptus aquis.*

С Т А Т Ь Я

XIX.

Борьба Буддизма съ Шаманствомъ и характеръ послѣдняго.

Ежели вѣрить книгѣ Улигерун далай, то Шаманство въ періодъ послѣдняго изъ пятисотныхъ перерожденій Шигемунія (т. е. за тысячу лѣтъ до Р. Хр.) было всеобщою религіею, имѣло писанный законъ и многія магическія книги; а представители этой вѣры Шаманы, держа въ рукахъ своихъ ключъ къ таинствамъ природы—*mysteriorum et secretorum*, дивили свѣтъ метаморфозами и всякаго рода чудесностями (123).

Съ ними-то долженъ былъ бороться Шигемуни. И онъ, въ качествѣ посланника отъ верховнаго Будды, объявилъ себя противникомъ всѣхъ послѣдователей Черной вѣры—*хара шаджинъ*. Однакожь, стараясь приводить ихъ въ послушаніе Буддійскаго закона, достойнымъ цѣли своей средствомъ признавалъ только милость и правду, даръ слова и чудесъ. И мудрѣйшіе изъ людей сами притекали къ нему, чтобъ озариться

свѣтомъ его ученія и стать на пути счастливейшихъ перерожденій.

Первымъ мѣстопробываніемъ сонма избранныхъ сихъ была прекрасная область божественнаго хапа, въ лѣсахъ которой вѣтаетъ птица Галиндига—*бурхану хагану болмасун-даки галиндига шибугуну герылту модону ойдор орошиксан бой*. Ханъ этой области, по имени Об-гамби, принадлежалъ къ числу ревностнѣйшихъ послѣдователей Шигемунія и царски покровительствовалъ Буддизму. Но младшій братъ его представлялъ собою жалкую жертву ослѣпленія. Шаманы окружали его, тѣшили, морочили и дѣлали изъ него, что хотѣли.

Об-гамби, истощивъ все средства ко вразумленію заблудшаго, рѣшился наконецъ вывести Шамановъ на позоръ и показать ничтожество ихъ предъ великимъ Тѣиномъ Годомою (такъ назывался Шигемуніи, явившись въ періодъ послѣдняго перерожденія своего). Впрочемъ мысль царева оставалась въ глубокой тайнѣ, а призыву во дворъ его данъ былъ весь характеръ гостепріимства.

Пиршествомъ распорядился ханскій братъ, и потому Шаманамъ досталась честь явиться прежде другихъ и занять почет-

нѣйшія мѣста. Шигемуни не могъ не замѣтить и не изобличить этой дерзости. Онъ гнѣвно взглянулъ на Шамановъ—и что же? Всѣ они заколебались, какъ былинки, и мгновенно очутились за дальнѣйшими рядами, бывъ отброшены туда невидимою силою. Столь необычайная катастрофа, совершившаяся надъ шестьюстами чело-вѣкъ, всѣхъ изумила, только не Шамановъ. Привыкши изъ дѣтства къ оргіямъ, люди эти разсуждали по своему. Имъ казалось, что Шигемуни, хотя и не кстати, но воспользовался ихъ оплотностію и произвелъ потѣшный фокусъ. Разсуждая же такимъ образомъ и оградивъ себя экзорцизмами — *былге, тулгу, керык, дзарик*, Шаманы ринулись сквозь ряды для занятія прежнихъ мѣстъ. Но духъ Пиюна вѣрно забылъ на эту пору о своихъ кліентахъ. Ибо порывамъ ихъ не соответствовалъ успѣхъ дѣла. Жалкіе ратоборцы принуждены были покориться необходимости, оставивъ славу победы за Шигемуниемъ.

Послѣ трагической сцены, все пришло въ должный порядокъ, и гости начали умывать руки, какъ требовалъ того обычай. Тѣмъ нужнѣе это было для Шамановъ послѣ

бѣдоваго съ ними приключенія. И они спѣшили къ водѣ, чтобъ омыть поношеніе и устудить языкъ свой. Что жъ случилось?

Вода будто окаменѣвала, когда Шаманъ прикасался къ сосуду. При всѣхъ усиліяхъ, капли нельзя было добыть ни для умовенія, ни для утоленія жажды. Наконецъ къ довершенію позора, Шаманамъ среди великолѣпнаго пиршества пришлось еще и голодовать. Ибо подносимыя имъ блюда улетали отъ нихъ такъ быстро, что гостямъ симъ не удавалось даже перстомъ коснуться лакомыхъ снѣдей, конни пресыщались Шигемунисты. Такія мистификаціи довели несчастныхъ до изступленія. Они сидѣли окаменѣлые, недвижимые и представляли въ лицѣ своемъ живой образъ Оролоповъ.

Ханъ Об-гамби отъ души радовался, что предположенная имъ цѣль вполне достигнута. Не только братья его, но и всѣ вельможи презрѣли черную вѣру и обратились къ вѣрѣ желтой. А Шаманамъ ничего болѣе неоставалось, какъ бѣжать отъ общаго посмѣянія и втайнѣ придумывать средства къ поправленію дѣла.

И когда убитые горемъ, сидѣли они въ пустынь—*аглакчи орондор*, къ нимъ явил-

ся легионъ Шимнусовъ съ предложеніемъ услугъ и вмѣстѣ съ требованіемъ новыхъ обязательствъ на неограниченную темному царству покорность. Шаманы охотно согласились. И тутъ же изъ среды ихъ избраны были шесть представителей, которые, кромѣ личныхъ достоинствъ, имѣли то важное предъ прочими преимущество, что принадлежали къ знаменитымъ родамъ, умѣвшимъ искони хранить и возвращать шесть господствующихъ въ мірѣ золъ.

Вожди эти, принявъ въ распоряженіе полчища Шаманистовъ и сопутствуемые Шимнусами, пробрались въ мѣстопробываніе Тойна Годомы и напали на него. Тогда представилось ужасное зрѣлище. Земля тряслась подъ ногами Годомы, вокругъ него стихіи бушевали; градъ и перуны сыпались на главу его, и цѣлый адъ боролся съ нимъ. Но все было напрасно! Годома стоялъ твердою и посмѣвался:

Saeviae atque novos moveat fortuna tumultus.

Quantum hinc immineat?

Однакожь Шаманы и тѣмъ были довольны, что Шигемунисты остались въ бездѣйствіи. Обстоятельство это, ободривъ ихъ, дало имъ смѣлость обратиться къ Обгамби съ прозь-

бою, дабы Шигемуни побуждень былъ вступить въ публичное состязаніе съ представителями черной вѣры. Об-гамби, питая глубокое уваженіе къ Шигемунию, представилъ собственной его волѣ—принять, или отвергнуть предложеніе. И оно было принято.

Тогда начались приготовленія, и всѣ были увѣрены, что Шаманству готовится роковой ударъ, подъ тяжестью котораго должно оно пасть и исчезнуть навсегда. Каково же было общее изумленіе, когда пронеслась вѣсть, что Шигемуни, и съ нимъ 1200 Гелуновъ бѣжали, не дождавшись дня, назначеннаго для состязаній, и скрываются въ Вайсали, области Хана Лизей ори? Шаманы не шли, а мчались за бѣглецами, оглашая путь побѣдными кликами. Туда же отправился и самъ Об-гамби, дабы узнать причину столь страннаго поступка.

Между тѣмъ Шигемуни повторилъ ту же исторію и въ Вайсали. По убѣжденію Лизей ори, сперва показалъ онъ готовность вступить съ Шаманами въ состязаніе, потомъ измѣнилъ своему слову, и за день до срока ушелъ (*отбай*) въ Гоосамбиръ къ хану Одіану. Изъ Одіанова же царства от-

правился въ Баранзу, а потомъ въ Тигисари, Варнасонъ, Габаликъ и далѣе ⁽¹²⁴⁾. Такимъ образомъ, переходя изъ страны въ страну, отъ одного народа къ другому, и достигнувъ Садарвасун болгасуна, гдѣ владычествовалъ ханъ Гегегенъ плагукчи (добронобѣдный), Шигемунн рѣшился приступить къ развязкѣ Горгіева узла. Да и время было объ этомъ подумать: ибо съ каждымъ днемъ сколько терялъ Буддизмъ, столько выигрывало Шаманство.

Однажды приглашенъ будучи въ общество хановъ, прибывшихъ въ Садарвасонъ болгасунъ (и это случилось въ первой четверти Бѣлаго мѣсяца—*хобирун теригун сарейн нигендо*), Шигемунн послѣ сытнаго обѣда, находясь въ наилучшемъ расположеніи духа, воткнулъ въ землю зубочистку свою—*шидуну чигечилур*, и она, къ общему удивленію, мгновенно разцвѣла и представила огромное вѣтвистое дерево—*табун дзегун бер*, обремененное множествомъ разныхъ плодовъ. Плоды эти всѣхъ восхищали и всѣ, кромѣ Шамановъ, наслаждались ими.

Слава толико дивныхъ дѣлъ, а ихъ было пятнадцать ⁽¹²⁵⁾, не могла безмолвствовать.

Она гремѣла повсюду и всѣхъ приводила въ восторгъ и удивленіе. Ханы и народъ спѣшили на поклоненіе къ великому Хутуктѣ и сопровождали его до самой области Бурхан-хана Об-гамби. А тутъ явились къ нему два знаменитые Тенгерина—Хормузда и Асури, и явленіемъ своимъ осязательно доказали, что самъ Будда принимаетъ участіе въ дѣлахъ Шигемунія.

Но Шаманы ни на что не обращали вниманія. Увлекаемые злымъ рокомъ, они наставляли на томъ, чтобъ сразиться съ Шигемуніемъ, и дерзновенно выступили на поле брани, въ числѣ шести сотъ тысячъ человѣкъ.

Въ это время Шигемуни возлегалъ на львиномъ (*арсалангуи*) сѣдалищѣ, имѣя возлѣ себя, въ качествѣ ассистентовъ и совѣтниковъ, Асури и Хормузду. Прочія же лица, въ томъ числѣ и ханы, заняли мѣста въ почтительномъ отдаленіи, и всѣ, отъ перваго до послѣдняго, хранили глубокое молчаніе, надѣясь видѣть и слышать необычныя въ мірѣ состязанія. И этого тѣмъ больше надлежало ожидать, что Мангари, Кедегетуба, Букуи-еце плагуксанъ и другіе представители Шаманства считались пер-

вѣйшими діалектиками — *маши уулукчи болбай*.

Но случилось то, чего никто не ожидалъ. Шигемунн, не удостоивъ Шамановъ ни словомъ, ни взглядомъ, рѣшилъ участь ихъ однимъ мановеніемъ руки. Ибо едва коснулся онъ сѣдалища своего, оно потряслось и вмѣстѣ съ тѣмъ раздался дикій голось, похожій на ревъ слона; вышелъ изъ земли огонь и явились геніи, которые, въ видѣ грозныхъ богатырей, бывъ предводимы самимъ Очирванн, ринулись на Шамановъ и стали поражать ихъ. Несчастные искали спасенія въ бѣгствѣ. Но рѣка преградила имъ пути, и такимъ образомъ гибель ихъ сдѣлалась почти всеобщей. Изъ шести сотъ тысячъ уцѣлѣло всего двѣсти Шамановъ. И они-то, разсѣявшись по міру, послужили орудіемъ къ сохраненію тѣхъ темныхъ понятій о черной вѣрѣ, кои до нынѣ удерживаются ея послѣдователями.

Легенда эта, при всѣхъ вымыслахъ, омрачающихъ ее, даетъ видѣть ту истину, что распространеніе Буддизма, порожденнаго въ Индіи, сопровождалось кровавою борьбою съ Шамавами. И Шигемуннистамъ не разъ приходилось искать убѣжища и

защиты въ разныхъ странахъ. Но по мѣрѣ того, какъ властители подчинялись вліянію новаго вѣроученія, положеніе Шаманистовъ дѣлалось затруднительнѣе. Преслѣдуемые огнемъ и мечемъ, одни изъ нихъ принуждены были уступить силѣ, другіе разсѣялись и вмѣстѣ съ тѣмъ стали разсѣвать заблужденія свои, гдѣ и какъ могли.

Выводъ нашъ находитъ основаніе въ самомъ существѣ шаманской вѣры. Извѣстно, что область этой вѣры нѣкогда была очень обширна. Да и нынѣ послѣдователи Шаманизма находятся между Манжурами, Монголами, Тунгусами, Калмыками, Якутами, Чукчами, Татарами, Остяками, Чувашами, Черемисами, Вотяками, Киргизами и разными другими мелкими племенами, не исключая островитявъ Восточнаго океана. Взаимная племень сихъ разность копечно велика: но характеръ держимаго ими шаманства почти одинаковъ. Догматы и обряды, преданія и повѣрья носятъ типъ тождества, отъбниваемый лишь частными условіями жизни каждаго народа. А такое единообразіе вѣтвей не служитъ ли доказательствомъ единичности корня?

Шаманизмъ, допуская во вселенной дѣй-

ствіе двухъ началъ—добраго и злаго, признаеть себя обязаннымъ служить тому и другому; и единичную въ существѣ своемъ идею о Божествѣ развѣтвляеть и доводитъ до чудовищнаго политеизма. У Монголовъ процессъ этой догматики выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Между божествами первое мѣсто занимаетъ Тенгери, какъ источникъ жизни и всякаго добра. Впрочемъ не легко опредѣлить первоначальное значеніе слова тенгери и соединяемое съ нимъ понятіе. Мы держимся той мысли, что слово Тенгери, въ смыслѣ Шаманскаго, равно какъ и Буддійскаго вѣроученія, имѣеть гораздо больше приложенія къ духамъ, обитающимъ въ дольнемъ и горнемъ мірѣ, нежели къ видимому и вещественному небу. Мнѣніе свое основываемъ на томъ, что эпитетъ Тенгери прилагается къ тысячамъ недѣлимыхъ, начинаая съ Хормузды.

И то очевидно, что Тенгерини представляютъ собою олицетвореніе небесныхъ явленій, силъ природы, стихій и даже чело-вѣческихъ страстей. Таковы напримѣръ: 1) Багаторъ (или Батырь) тенгери, геній храбрости, 2) Дайсун тенгери—покровитель

войны, 3) Кисаган (кисанъ)—защитникъ и податель побѣды, 4) Дзолъ дзаягачи—богиня дарующая дѣтей и пекущаяся о ихъ счастьи и здоровьѣ.

Сюда же относятся и Ирен юсун сульде девяносто девять геніевъ, господствующихъ надъ горами, рѣками, лѣсами, пустынями, звѣрьми, и проч. Шаманисты считаютъ Сульде сколько храбрыми, столько и внимательными. Почему въ напѣвахъ шаманскихъ всего чаще слышится слѣдующій монологъ:

Ирен юсун тенгери

Иренкуй буудугер соносоктуи:

Алтай ханъ, Кунтей ханъ

Керелен гол, Хангай ханъ

Мунку ханъ. . . .

Онон, бальджин орхон тулейн

Эдзет хамок буудугере иреткуй та.

то есть:

Девяносто девять Тенгериновъ! внимайте словамъ нашимъ! Алтай ханъ, Кунтей ханъ.... вы, владычествующіе повсюду, поспѣшите къ намъ!

Духи входящіе въ эту категорію дѣлятся на благодѣтельныхъ и злыхъ—цаган, хари дзугун тенгери. И первые изъ нихъ,

будучи по натурѣ своей добрыми, ни въ какомъ случаѣ не возбуждаютъ опасенія. Они и являются лишь тамъ, гдѣ нужна ихъ помощь и услуга. Напротивъ послѣдніе— *хара дзуну тенери*, какъ естественно злые, питаютъ всегдашнюю вражду не только къ людямъ, но и къ самому небу. Ихъ-то Шаманизмъ бонется и вмѣняетъ въ главнѣйшую обязанность укрощать злобу ихъ жертвами и молитвами.

Нося общее имя Читкуровъ, существа эти дѣлятся на многіе виды, запечатлѣнные тѣмъ же типомъ, какой выражается и въ Буддйскомъ духословіи.

Замѣчательнѣйшіе изъ класса Читкуровъ суть слѣдующіе:

1. Элье; онъ является въ видѣ коршуна, который, сидя на дикомъ копѣ, впустивши когти въ гриву, стрѣлою мчится по горамъ и степямъ. Явленіе Элье имѣетъ двоякое значеніе:—готовящійся къ шаманству видитъ знаменіе своего призванія; а человѣкъ обыкновенный предвѣстіе злополучія.

2. Ада, видимо невидимо носится въ пустыняхъ среди живущь; пугаетъ людей, возбуждаетъ крамолы и самыя неистовыя страсти.

3. Албинь,—существо шутовское. Шатаясь по дебрямъ и распутіямъ, дѣлаетъ оклики, зажигаетъ ложные огни, представляетъ фантастическіе виды, и всёмъ этимъ вводитъ людей въ обманъ, сбиваетъ съ толку и заставляетъ блуждать.

4. Кульчинь. Это страшилище принимаетъ на себя разные виды и тѣшится, что являясь, гдѣ его не ожидали, наводитъ на человѣка ужасъ.

5. Букъ. Онъ принадлежитъ къ числу домовыхъ и, поселившись въ юртѣ, не даетъ покою ни днемъ ни ночью. Впрочемъ Шаманы умѣютъ выгонять его.

Среднее между добрыми и злыми Тенгеринами мѣсто занимаютъ Онговы. Подъ симъ именемъ разумѣются души людей, которые прославившись въ жизни добрыми или злыми дѣяніями, не прервали и по смерти прежнихъ своихъ отношеній къ міру и продолжаютъ дѣйствовать то во вредъ, то въ пользу живыхъ. Итѣ изъ нихъ, которые приняли злое направленіе, наносятъ повѣтрія, причиняютъ тяжкія болѣзни, губятъ дѣтей, пзнуряютъ скоть; словомъ, они бичъ того племени, среди котораго водворились.

Побужденіемъ же ко всему этому слу-

жить для злыхъ Онгоновъ сколько старая ихъ привычка жить на бѣду людямъ, столько и жалкое ихъ положеніе. Ибо, будучи отягчены массою злодѣяній, они лишены возможности переселяться въ другой міръ и принуждены скитаться по міру въ теченіи тысячелѣтій.

Но чья именно душа и какимъ онгономъ сдѣлалась, это въ состояніи опредѣлить только Шаманъ. Его же дѣло различать Онгоновъ и даже изгонять ихъ изъ челоуѣка и изъ жилищъ.

Не лишне замѣтить здѣсь, что Онгонами всего чаще дѣлаются души Шамановъ. И перечень ихъ, распѣваемая при обрядахъ, составляетъ безконечный гимнъ.

Обрядовая часть шаманства даетъ видѣть съ одной стороны мертвенную пустоту, съ другой гласованіе и кличъ, выражающія духъ и характеръ Докшитскаго чина.

Рожденіе дитяти и нареченіе ему имени сопровождается домашнимъ праздникомъ. Но если опасаются за жизнь ребенка, то призываютъ Шамана. И онъ, совершивши кырык-дзарикъ и возліяніе, поставляетъ на почетномъ мѣстѣ свой Абагалдей, т. е. уродливую личину, составляющую принад-

лежность служебнаго шаманскаго наряда. Доколь Абагалдей этотъ находится въ Юртѣ его чествуютъ и умащаютъ: а долгъ Шамана навѣдываться о здоровьѣ ребенка и исправлять при немъ обязанности жреца, магика и врача. Когда же дитя благополучно достигнетъ однолѣтняго возраста, Абагалдей беретъ назадъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для Шамана учреждается пирь: ему дается конь, одежда и, что всего важнѣе, почетный титулъ найджи,—т. е. благонадежнаго.

Здѣсь не лишне замѣтить, что бѣдные семейства, во избѣжаніе расчетовъ съ Шаманомъ, Абагалдей его замѣняютъ изображеніями огноновъ, развѣшиваемыми по стѣнамъ юрты въ войлочныхъ сумочкахъ. Во главѣ ихъ обыкновенно ставятся дѣлаемые изъ черной овчинки, кожаные идолы—эмгельджи, или хап-заягакчи.

При совершеніи брачныхъ союзовъ, религія Шаманская проявляется въ поклоненіи огню, чтимому подъ именемъ галохавэке, или Ут-галай ханъ, совершаемомъ точно такъ, какъ совершаютъ оное и Буддисты. Все прочее даетъ видѣть въ себѣ лишь житейскій расчетъ. Заплативъ колымъ, женихъ

вступаетъ въ права мужа часто безъ всякихъ формальностей. Въ свою очередь и жена, по возвращеніи кѣлыма, считается независимою. Или дѣло такъ устроивается, что мужъ передаетъ ее другому, и получаетъ отъ него былыкъ, т. е. даръ. Словомъ здѣсь допускаются всевозможныя перемѣны, безъ малѣйшаго вниманія не только къ правиламъ нравственнымъ, но и къ самымъ условіямъ семейнаго счастья.

Тѣмъ врачѣе преселеніе Шаманиста въ вѣчность. Никто не смѣетъ сказать ему слово утѣшенія: ибо всѣ убѣждены, что умирающій идетъ въ царство тьмы, въ страну нужды и лишеній. И при этомъ жалкомъ убѣжденіи, надѣляютъ отшельника еще за живо, пищею, одеждою, оружіемъ; такія же снадобья посылаютъ къ умершимъ родственникамъ и знакомымъ. И все это, при мертвенномъ безмолвіи, или же при завываніи Шамава, кладется въ могилу.

Покойникамъ чаще всего даютъ сидячес положеніе. Но Орогоны, Карагасы и другіе изъ Шаманистовъ, кои могутъ располагать собою, не стѣсняясь узаконеніями, придерживаются стариннаго порядка. Они дѣлаютъ особой формы ящики и, положивъ трупъ,

ставять ихъ на подмосткахъ въ лѣсахъ и дебряхъ. Кто встрѣчался въ Сибири съ этими некрополисами, тотъ знаетъ, сколь тяжкое чувство поражаютъ они.

Шаманы во всякомъ случаѣ погребаются на горахъ и утесахъ. Тамъ дѣлаютъ для нихъ пещеры, или гроты, складывая ихъ изъ валежнаго камня. Усадивъ Шамана, входъ въ пещеру закладываютъ наглухо. Оставляютъ лишь малый просвѣтъ, куда глядится фигура Шамана во всехъ его доспѣхахъ. За первымъ симъ актомъ, протягиваютъ веревку—*дзеле*, отъ одного дерева къ другому и развѣшиваютъ на ней бубень, лукъ, котель и всякой хламъ, бывшій въ употребленіи у покойника. Послѣ сего обводятъ вокругъ могилы девять разъ принадлежавшаго Шаману коня и убиваютъ его. Иногда конь этотъ отпускается на волю, и тогда становится достояніемъ пустынныхъ Тенгриевъ и Оягоновъ.

На дорогѣ противъ шаманскаго кладбища, или чиндана, накладываются куча камней—*барица, улу*, для напоминанія о покойникѣ. Шаманистъ, завидѣвъ барицу, становится на колѣни, и приложивъ пальцы правой руки ко лбу, дѣластъ нѣсколько по-

клоновъ и приносить жертву—*таилла*. Таилгу эту можетъ составить всякая бездѣлица отъ нитки и до конскаго волоса.

Къ прочимъ обрядовымъ дѣйствіямъ даютъ поводъ шаманистамъ обстоятельства жизни общественной и частной. И все онѣ входятъ въ категорію шаманскаго служенія.

Служеніе это раздѣляется на обыкновенное и случайное. Но ни то, ни другое въ своихъ подробностяхъ опредѣлено быть не можетъ. Ибо шаманизмъ ни о чемъ столько не заботится, какъ о покровеніи глубокимъ мракомъ религіозныхъ своихъ дѣйствій. Да и самъ не въ состояніи дать въ нихъ отчета, будучи лишень всякой письменности и оставаясь подъ руководствомъ слѣпыхъ своихъ вождей.

Банзаровъ, природный Монголь-ламясть, получившій университетское образованіе, и потомъ взявшійся писать *inauguralem dissertationem* о шаманствѣ, кажется, могъ бы проникнуть въ недоступныя для другихъ таниства Черной вѣры. Но и онѣ скользятъ по поверхности разсматриваемаго имъ предмета, усвоаетъ ему вовсе чуждыя для него правила ламы Варзадары и повторяетъ ска-

завія другихъ , безъ малѣйшихъ справокъ съ дѣломъ и опытомъ.

При такой скудости пособій къ изъясненію Сибирскаго шаманства, обращаемся къ сказаніямъ о. Іакинѳа и послушаемъ, что говоритъ онъ о шаманскомъ служеніи, совершаемомъ въ Пекинѣ, во дворцѣ Государыни и въ шаманскомъ капищѣ.

«Обыкновенное служеніе раздѣляется на ежедневное и ежемѣсячное. Первое совершается каждое утро въ третьемъ и четвертомъ часу, и вечеромъ въ тѣ же часы..... Обрядъ утренняго служенія такой: на столѣ предъзанавѣсомъ ставятъ изображеніе трехъ онгоновъ, три блюда съ куреніями, три чарочки съ водою и три тарелки съ хлѣбцами. Шаманка нараспѣвъ читаетъ молитву, ей аккомпанируютъ на гитарѣ и балалайкѣ. Потомъ закрываютъ изображеніе духовъ, приводятъ свинью и затворяютъ храмъ. Шаманка опять читаетъ молитву, по окончаніи которой берутъ жертвенную воду и вливаютъ ее въ ухо свиньи. Послѣ того выпустивъ кровь изъ животнаго, раздѣляютъ его на части и варятъ. Приготовленное мясо Шаманка ставитъ на столъ и читаетъ окончательную молитву.

При вечернемъ служеніи , ставятъ на столъ передъ онгонами пять блюдцевъ съ куреніями, пять чарочекъ съ чистою водою и хлѣбное. Шаманка, онаясавшись поясомъ съ бубенчиками, поетъ гимнъ и прискакивая бьетъ въ бубенъ , ей подыгрываютъ на литаврѣ и деревянномъ камертонѣ въ тактъ. По троекратномъ совершеніи обряда, читаетъ молитву передъ Онгонами. По окончаніи молитвы, гасятъ куренія огонь въ фонаряхъ, закрываютъ печь, гдѣ варилось мясо и опускаютъ занавѣсъ. Присутствующіе выходятъ изъ храма и дверь затворяется. Оставшаяся тамъ Шаманка читаетъ молитву на распѣвъ, потрясая бубенчиками, ей подыгрываютъ на литаврѣ и камертонѣ. По четверократномъ совершеніи этого обряда, поднимаютъ занавѣсъ, отворяютъ дверь храма, зажигаютъ фонари, уносятъ мясо и снимаютъ изображенія Онгоновъ.» Прочіе обряды служенія походятъ на описанные; только при нѣкоторыхъ прибавляютъ жертву изъ сарочинскаго ишена, а жертвенное мясо вѣшается въ сосудѣ на вѣху.

«Ежегодно совершается большое жертвоприношеніе весною и осенью , при водруженіи шаманской вѣхи. Изображенія Он-

гоновъ, чествуемыхъ во время утренняго служенія, переносятъ изъ дворца Государыни въ главное капище. Передъ этимъ временемъ эвнухъ отправляется въ округъ Цинджу и тамъ въ горахъ срубаетъ ель, длиною въ двадцать футовъ, въ поперечникѣ пять дюймовъ, съ десятию рядами сучьевъ. Эту вѣху водружаютъ передъ входомъ въ круглый храмъ. Во время жертвоприношенія, протягиваютъ, отъ вѣхи до висящаго внутри храма занавѣса, три веревочки, на которыхъ развѣшиваютъ бумагу, а на вѣху ставятъ флагъ. Жертвоприношеніе совершается обыкновеннымъ порядкомъ.»

«Кромѣ этихъ служеній, отправляются еще жертвоприношенія въ началѣ каждаго изъ четырехъ временъ года; моленіе Онгонамъ о ниспосланіи счастья, омовеніе онгоновъ и проч.»

«Въ новый годъ, въ полночь на первое число, ханъ совершаетъ поклоненіе Онгонамъ во дворцѣ ханши, а потомъ идетъ съ князьями и вельможами Манжурскаго племени въ шаманское капище, гдѣ покланяется небу, дѣлая три коленноприсклоненія съ девятию поклонами въ землю (Чит. Китай въ Гражд. и Прав. состояніи).»

Къ сказанію сему присовокупимъ, что Сибирскій Шаманизмъ, будучи достояніемъ бѣдныхъ и страждующихъ племень, далекъ отъ того, чтобы удовлетворять условіямъ постоянной и правильной службы. Храмомъ служитъ ему Обо, жертвенникомъ земля, жертвенными принадлежностями всѣ роды животныхъ, всѣ свѣди и вещи. Къ тому Шаманизмъ этотъ столь же дикъ, сколько дика самая природа, среди которой живетъ онъ и дѣйствуетъ. Сотни брошюръ писаны объ этомъ предметѣ, о всѣхъ шаманскихъ празднествахъ, оргіяхъ и фокусахъ. Одно лишь обстоятельство забываемо было, или мы не имѣли случая читать о немъ: это объ обрядахъ, соблюдаемыхъ при производствѣ въ Шаманы. Почему рѣшаемся теперь восполнить такое упущеніе.

Шаманисты утверждаютъ, что человѣкъ, берущійся за шаманское ремесло, долженъ имѣть внутреннее къ тому призваніе и особое душевное настроеніе, которое называютъ *у-гарбул*. Признаками же таковой настроенности духа почитаются: частые обмороки, дичаніе, изступленіе, и вообще характеръ мрачный, задумчивый и пелюдимый. Замѣтивъ свойства сіи въ ребенкѣ, родители

приглашаютъ наиболѣе извѣстныхъ по своей опытности Шамана, или Шаманку—*буге удаган*, а иногда и нѣсколько такихъ лицъ и, при посредствѣ ихъ, стараются умиловать духовъ жертвами и моленіями.

Жертвенное животное, бывъ избрано по указанію Шамана, украшается разными привѣсками и цвѣтами. Потомъ совершаютъ жертвенный обрядъ, состоящій преимущественно въ томъ, что животное заживо отдается духамъ, подвергается мученіямъ и наконецъ убивается ⁽¹²⁶⁾. Голову животного не отдѣляютъ, а кожу вѣшаютъ на деревѣ, не разрѣзывая брюшины. Кости же, по снѣденіи мяса, собираютъ съ большимъ тщаніемъ и сжигаютъ.

Весь этотъ обрядъ, изъ какого бы числа животныхъ онъ ни состоялъ, есть только приготовленіе къ настоящему посвященію въ Шаманы, отлагаемому на нѣсколько лѣтъ. Въ продолженіи ихъ, адептъ обязуется теоритически и практически изучать не только служебный чинъ, но также терапію и всякаго рода фокусы. Сверхъ того, обязуется принести девять жертвъ—*юсун чинар кичу*, особо установленнымъ порядкомъ. Именно: Выбираютъ въ лѣсу такое мѣсто, гдѣ

бы березы представляли собою правильную аллею, или же насаждаютъ ее своими руками не въ дальнемъ разстояніи отъ улуса. При чемъ за правило поставляется, чтобъ на каждой сторонѣ находилось по девяти березъ, въ томъ числѣ двѣ, вѣчающія собою аллею, должны быть значительной высоты и симъ послѣднимъ усвоится почетное названіе *эке*, *эцеге модо*—мать, отецъ дерево. Всѣ же вообще дерева украшаются девятью родами (*юсун хошуту*) лѣсныхъ животныхъ, начиная отъ бѣлки до соболя.

Вслѣдъ за симъ Шаманъ, облекшись въ полный служебный нарядъ и надѣвъ такой же на своего ученика, беретъ его за руку и начинаетъ бѣгать съ нимъ вокругъ деревъ, дѣлая прыжки и напѣвая. Потомъ ловко вспрыгиваетъ онъ на вершину высокой березы, и становится въ нарочито приготовляемомъ уступѣ, похожемъ на гнѣздо—*егур*. Въ новой позиціи Шаманъ усугубляетъ метанія и крикъ,—чему долженъ подражать и ученикъ, стоя на вершинѣ другой березы.

Уставъ Шаманскій требуетъ, чтобы сцена эта повторялась девять дней сряду; но

по причинѣ сопряженныхъ съ нею хлопотъ и издержекъ, ограничиваютъ ее тремя днями, въ каждый изъ девяти урочныхъ годовъ.

Послѣдствія же обряда не всегда бываютъ одинаковы. Если ученикъ понятливъ и ловокъ, то онъ мало по малу принимается за ремесло своего наставника. Въ противномъ случаѣ дается мѣсто заключенію, что духи чѣмъ либо не довольны, и потому родители отказываются отъ дальнѣйшихъ хлопотъ, или ученика сдаютъ на руки опытнѣйшему.

Новый манторъ восполняетъ упущенія, учащаетъ гурумы, умножаетъ жертвы и молитвенныя къ духамъ воззванія, и такимъ образомъ успѣваетъ привести ученика къ желаемому совершенству.—Тогда въ послѣдній разъ учитель и ученикъ взлѣзаютъ на заповѣдныя березы. И первый изъ нихъ, вращаясь во всѣ стороны на верхушкѣ дерева, возвѣщаетъ языкомъ оракула, что опредѣленные къ изученію таинства Шаманизма, годы протекли, жертвенные обряды исполнены, Тенгри и Онгоны умилоствивлены; и при помощи ихъ, такой-то оказался вполне способнымъ къ прохожденію многотруднаго Шаманскаго служенія. Почему

и вводится въ права и обязанности Шамана. Слова эти повторяютъ все присутствующіе Шаманы, давая тѣмъ знать, что и они принимаютъ участіе въ дѣлѣ поставленія и утвержденія. За тѣмъ юный Шаманъ импровизируетъ гимнъ въ честь своего наставника, благодаритъ его и клятвенно обѣщается пребыть до конца жизни въ сыновнемъ къ нему послушаніи. А въ заключеніе раздаются клики, соединяемые съ гуломъ шаманскихъ бубновъ и сопровождаемые играми и пиршествомъ.

Мы сказали, что новопоставленный Шаманъ обязуется оказывать сыновнюю покорность своему мантору. Обязательство это бываетъ исполняемо въ самомъ строгомъ смыслѣ. Ибо и при жизни его и по смерти, ученикъ не называетъ иначе своего учителя, какъ отцемъ (или матерью, если то была Шаманка). Пищу и питье не прежде вкушаетъ онъ, какъ принесши ему нѣчто въ родѣ жертвы. При чемъ обыкновенно, бросая въ сторону, гдѣ предполагается чувствуемая особа, или духъ ея, произносятъ слѣдующій монологъ: *цок хадейн халют, бутейн бурхачул цум бурдугере куртектуй....* т. е. цари горъ, духи долинъ,—

всѣ купно пріимите жертву, приносимую вамъ!

Да и при всякомъ начинаніи, особенно же при усиѣнномъ совершеніи какого либо предпріятія, имя наставника воспоминается съ благоговѣніемъ, и духъ его въ молитвенныхъ призываніяхъ ставится на ряду съ благодѣтельными Онгонами и Тенгріями. И горе тому, кто хотя единожды не исполнитъ этого долга. Ибо раздраженный Онгонъ не принимаетъ никакихъ извиненій, и только множествомъ жертвъ можетъ быть примиренъ съ оскорбившимъ его человекомъ. Средствъ же противу такой напасти очень не много. Шаманизмъ рекомендуетъ лишь одно развѣшиваніе онгоновъ по стѣнамъ юрты, дабы они, находясь постоянно передъ глазами, служили напоминателями должныхъ къ нимъ отношеній.

Не желая вдаваться въ дальнѣйшія подробности, заключимъ статью указаніемъ на перевероты, которые испыталъ шаманизмъ въ періоды не слишкомъ далекіе отъ нашего времени и во всякомъ случаѣ имѣющіе стократно больше достовѣрности, нежели тѣ, о которыхъ говорили мы выше,

на основаніи свидѣтельствъ эдеб-улигерун далай.

Буря, подътая Исламомъ, отозвалась страшнымъ потрясеніемъ среди ордъ Турецкаго и Татарскаго племени, отъ Кавказа до Урала. Бѣдные Шаманы всюду принуждены были уступать мѣсто неумолимымъ мулламъ. И конечно не многіе бы изъ нихъ, особенно въ Сибири, пережили ХУІІ столѣтіе, еслибъ духъ Христіанской терпимости не положилъ конецъ насиліямъ. Исторія фанатическихъ дѣйствій Кучума болѣе всего ручается за справедливость такого взгляда.

Другое пораженіе испытали Шаманы отъ Буддистовъ. Событія этого коснемся мы въ своемъ сочиненіи. Но тамъ рѣчь наша ограничена будетъ періодомъ господства Россіи надъ Сибирью. Между тѣмъ какъ борьба шаманства съ буддизмомъ объемлетъ цѣлый рядъ вѣковъ.

Восточный Туркестанъ и Китай, первые подпали вліянію индійскихъ проповѣдниковъ, пробравшихся мало по малу чрезъ Гималай.

Успѣхи сихъ дѣятелей были очень значущи. Ибо исторія Монгольскаго народа, въ отдѣленіи о Южныхъ Гунвахъ подѣ

356 годомъ свидѣтельствуесть (127), что въ царствованіе государей Ши-лэ, Ши-ху и Цаун-чжина, дворъ, а съ нимъ и аристократія, слѣпо предавы были Буддизму. Ламы пользовались высокимъ уваженіемъ, капища множились, злоупотребленія возрастали, а древняя религія страны, зачатѣйшая типомъ шаманства, теряла свое значеніе и падала.

Сенать Китайскіей, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, рѣшился представить вниманію Государя, сколь не сообразно съ древними обычаями служеніе новымъ иноземнымъ духамъ. И представляя это, необходимымъ признавалъ предписать всѣмъ князьямъ и всѣмъ чиновникамъ, чтобы никто не смѣлъ входить въ монастыри, для поклоненія и жертвъ. Гунновъ же, вступившихъ въ монашество, всѣхъ возвратити въ прежнее состояніе.

На представленіе Сената послѣдовало отъ Ши-лэ такое рѣшеніе: «я родился за границею и пріобрѣлъ владычество надъ Китаемъ. Относительно жертвоприношеній приличнѣе слѣдовать собственнымъ обыкновеніямъ: почему какъ Китайцамъ, такъ

и Гуннамъ, желающимъ почитать **Фо**, позволается это».

Послѣ Тогин-Тимура, шаманство начало было возвращать прежнюю свою силу. Ибо не только народъ, но и ханскій дворъ въ эту эпоху смотрѣлъ на ламъ, какъ на виновниковъ государственныхъ бѣдствій.

Но при Даян-ханѣ, Буддизмъ опять восторжествовалъ, благодаря преимущественно усердію вѣрныхъ своихъ служителей Науджи-тойна и Дзан-бандиды.

Ревнители сіи, въ качествѣ Далай-ламскихъ проповѣдниковъ, преслѣдовали Шамановъ, сожигали онгоновъ и сносѣшествовали къ изданію узаконеній, которыми шаманство не только стѣснялось, но и подавляемо было.

Такія бѣды, постигшія Китайскую Монголію, не могли не отзываться и въ сопредѣльной съ нею Монголіи Россійской.

Но благое Провидѣніе, все определяющее мѣрою, числомъ и вѣсомъ, не попустило коварству и кознямъ льщенія протертись далѣе предѣловъ, положенныхъ имъ. А какъ и когда это совершилось, то увидимъ изъ слѣдующей статьи.

С Т А Т Ь Я

XX.

Вторженіе Буддизма въ Сибирь и укорененіе
его въ оной.

Буддизмъ не есть слишкомъ давнее на почвѣ Сибирской насажденіе. И трудно объяснить, какъ могъ онъ оставаться чуждымъ для Сибири, проникнувши въ среднюю Азію и въ самую Монголію за многіе предъ симъ вѣка. Не взаимная ли вражда сосѣднихъ народовъ, не вѣшнія ли войны и внутреннія междуусобія, отгонявшія всякую мысль о преобразованіяхъ, не скитальческой ли бытъ Сибирскихъ ордъ и всегдашняя готовность къ переселеніямъ, — были причиною, что Ламизмъ долго, долго не находилъ себѣ пріюта даже въ Дауріи, сопредѣльной съ Китайскою Монголіею и сближенной съ резиденціею Ургинскаго Хутукты?

Какъ бы то ни было, но преданіе говоритъ, что Буряты всего болѣе отдѣльвались отъ навязчивыхъ Ламъ предлогомъ невозможности исполнять въ скитальческомъ

быту обязанности такой вѣры, которая обрядами своими привязуетъ человѣка къ одному мѣсту.

Наконецъ ревнители Буддизма съумѣли рѣшить эту задачу и примириться съ условіями быта народнаго, держась пословицы:

Si Leonis exuvium non sufficit, adde vulpinum.

Lisander.

Начали устроить кумирни въ кибиткахъ, удобоперевозимыхъ и такъ обставленныхъ, что онѣ походили и на аптеку и на капище; служили и для молитвы и для лѣченія.

Сдѣлавъ же этотъ шагъ сближенія, подъ прикрытіемъ Эскулапіевой тоги, уже не трудно было подвигать дѣло впередъ. Число пришлыхъ Ламъ, въ качествѣ лѣкарей, стало возрастать съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ и вліяніе Буддизма на народъ.

Изъ многихъ Бурятскихъ и Тунгусскихъ родовъ въ Забайкальскомъ краѣ, первую жертвою обаянія былъ родъ Цонгольскій и среди его свито первое звѣзло Ламизма. Событіе это относится къ 1741 году, когда Пундукъ добился старѣйшинства надъ Ламами, съ званіемъ Шпрета.

Правительство изъ собранныхъ въ то время свѣденій съ изумленіемъ увидѣло, что

за Байкаломъ, какъ изъ бездны, возникли
11-ть капищъ со 150-ю Ламами.

Crocodilus ab ovo

Crevit minimo brevi stupendus.

И потому воспрещено было всякое даль-
нѣйшее размноженіе Ламизма. Не смотря
на это, лѣтъ черезъ пятнадцать (1756) ока-
залось уже 324 Ламы. Но и это былъ только
цвѣтъ, а ягоды оставались впереди.

Мы сказали, что въ главѣ возраставшаго
Ламства явился прежде всѣхъ Пунцукъ, съ
званіемъ и властію Ширета. Преемникъ
пунцуковъ Заяйга, не довольствуясь пра-
вами предмѣстника своего, началъ домогать-
ся достоинства Бандиды, которое и успѣлъ
получить въ 1764 году.

Кажется, что это допущено было въ тѣхъ
видахъ, чтобъ прекратить отношенія здѣш-
нихъ Буддистовъ къ чужеземному Хутукъ.
Впрочемъ, какія причины ни руководили
бы въ дѣлѣ этой реформы, только Сибир-
скій ламизмъ получилъ чрезъ нее самосто-
ятельность и новыя силы, не замедлившія
проявиться въ достойной себя дѣятельности.
Пбо чрезъ десять послѣ сего лѣтъ, уже на-
считывалось не 324, а 617 Ламъ.

Особенно число ихъ стало возрастать съ

тѣхъ поръ, какъ Галданъ, второй изъ Ламъ по старшинству, водимый честолюбіемъ, сдѣлался независимымъ отъ Зайиги, собралъ особую жреческую касту и основалъ въ родѣ раскола, отдѣльное управленіе.

Тогда обѣ соперничающія стороны— Цонгольская и Гусиноозерская, для поддержанія своего авторитета и для большинства голосовъ, наперерывъ старались увеличивать массу своихъ приверженцевъ и всѣхъ тѣхъ орудій, кои могли способствовать къ достиженію цѣлей.

Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1808 года. Въ этомъ же году, съ жизнію Цонгольскаго Бандида - хамбы Кеторкоя, борьба партій прекратилась сосредоточеніемъ власти въ лицѣ Гусиноозерскаго Хамбо-ламы, которая и до нынѣ за нимъ остается.

Воссоединенный Ламизмъ, не бывъ тревоженъ внутренними раздорами, принялся съ сугубою ревностію за обычное дѣло своей пропаганды. Бѣдные Шаманисты всюду были преслѣдуемы. Ни лѣса, ни горы не укрывали ихъ отъ мести Ламъ, цѣлыми стадами рыскавшихъ по всему Забайкалью и даже въ окрестностяхъ Иркутска.

Само Христіанство ощутило тяготу ихъ вліянія. Изъ язычниковъ никто почти не рѣшался принимать Св. Крещеніе, боясь Ламскаго прещенія. Да и тѣ изъ нихъ, которые прежде крещены были, не имѣли покоя. Ихъ гнали, тяготили всеѣми мѣрами. И потому семейства новокрещенныхъ представляли странное и грустное смѣшеніе. Дѣти росли идолопоклонниками, имѣвши родителей—Христіанъ. Отцы и матери, бывши Христіанами, таили свою вѣру и выдавали себя за язычниковъ, чтобъ только не попасть въ когти Ламамъ.

Къ довершенію зла, взгляды на Ламизмъ мѣстнаго въ Сибири Начальства не всегда отличались дальновидностію. Были годы, въ которые выходили открытыя предписанія въ пользу Буддійской пропаганды: и этотъ, *contra ius et fas*, распорядокъ, такую силу права приобрѣлъ въ понятіи Ламъ, что дѣйствія ея до нынѣ ощущаются, хотя обстоятельства слишкомъ измѣнились.

Господу споспѣшествующу, готово и все прочее, подъ вліяніемъ мудрыхъ правительственныхъ распоряженій, премѣниться къ лучшему. Однакожь наблюдатель событій не долженъ забывать:

Quae praebet latas arbor spaciantibus umbras,
 Quo posita est, primum tempore, virga fuit;
 Tunc poterat manibus summa tellure revelli:
 Nunc stat in immensum viribus aucta suis.

Ovid.

Въ 1822 году вновь обращено было наблюдательное вниманіе на Буддизмъ и онъ оказался имѣющимъ 2532 ламъ при 19 кумирняхъ, и охватывающимъ двѣ трети инородческаго въ Восточной Сибири населенія. Такое преслѣжаніе чуждаго пришлеца многихъ заставило призадуматься. Стали убѣждаться, что необходимы новыя условія ограниченій, и купно съ тѣмъ начался рядъ предположеній. Вотъ ихъ послѣдовательность (128):

1) Въ 1825 году, Управленіе Сибири полагало принять за штатное число 20 каплицъ, и 293 Ламъ; остальные же Ламы обращались въ сверхштатные.

2) Въ томъ же году, составленъ новый штатъ, по которому при 20 кумирняхъ допускалось 516 Ламъ.

3) Командированный (въ 1830) Б. Ш...., не удовлетворясь штатомъ 1825 года, составилъ свой собственный, замѣчательный по чрезвычайному увеличенію жреческой касты,

долженствовавшей состоять изъ 600 штатныхъ и 1,400 сверхштатныхъ Ламъ. Гипотеза эта не осуществилась.

4) Въ слѣдъ за тѣмъ, вопросами объ ограниченіи числа Ламъ и кумирень и объ изысканіи средствъ къ пресѣченію ламайскихъ злоупотребленій занимался бывшій Сибирскій Комитетъ, и съ этою же цѣлю посланъ былъ, по распоряженію Ген. Губернатора Руперта, чиновникъ У...

5) Въ 1842 году, дѣломъ симъ озабочивалось Иркутское Общее Губернское Правленіе. И составленный онымъ штатъ полагалъ допустить существованіе 34 кумирень, съ 580-ю Ламами. Но и этотъ штатъ не получилъ законной силы.

Замѣчательно, что по свѣденіямъ, собраннымъ въ помянутомъ году, оказалось въ Восточной Сибири 120,035 душъ муж. пола исповѣдующихъ Шингемуніанскую вѣру и 5,545—Ламъ; то есть масса послѣднихъ, въ то самое двадцатилѣтіе, когда дѣятельно изыскиваемы были средства къ ихъ ограниченію, болѣе чѣмъ удвоилась.

6) Наконецъ въ 1848 году, посланъ былъ въ Восточную Сибирь чиновникъ Л..., съ обязанностию изслѣдовать средства къ луч-

шему устройству Ламайскаго духовенства. Чиновникомъ симъ составленъ Уставъ, о которомъ извѣстно мнѣ лишь то, что онъ находился на разсмотрѣнн Сибирскаго Начальства.

Толико-кратно повторявшіеся изслѣдованія не могли не доставить самыхъ точныхъ и подробныхъ о Ламизмѣ свѣденій. И Исторія конечно найдетъ въ нихъ богатые для себя матеріалы. Но мы должны ограничиться не многими данными, къ которымъ приводятъ современныя наблюденія, доступныя для каждаго.

Въ категорію эту включаемъ слѣдующіе вопросы: какъ организуется совмище Ламъ, гдѣ способы къ ихъ существованію; на какой степени стоятъ они въ отношеніи къ умственному и нравственному образованію?

Буддійскій канонъ и Гражданскіе законы, заключающіеся въ извѣстномъ Монгольскомъ уложеніи, требуя отъ Ламъ жизни безбрачной, назначая имъ пребываніе въ монастыряхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ, чтобы принимаемы были въ духовное званіе не иначе, какъ съ вѣдома и дозволенія Начальства, по выбору и усмотрѣнію дѣйствительной надобности, и подь непремѣн-

нымъ условіемъ собственнаго желанія со стороны пріемлемаго.

Но Сибирскій Ламизмъ и не думалъ никогда объ исполненіи подобныхъ правилъ. Для него была въ виду лишь цѣль, и къ ней стремился онъ, попирая все законы.

Видѣли мы, какъ чудовищно возрастала жреческая каста. Не менѣе страненъ и способъ, къ которому въ дѣлѣ этомъ прибѣгаютъ ревнители.

Ламы, усвоивъ себѣ таинственныя знанія, не отказываются при удобныхъ случаяхъ заглядывать въ свитки судебъ. И по не ложному указанію кабалистики своей, опредѣляютъ, что и кому служить къ счастью и что готовить неминуемую бѣду. Вещь, признанная прозорливцемъ за неблагополучную, не можетъ безъ гибельныхъ послѣдствій оставаться не только въ домашнемъ употребленіи, но даже и въ чужія руки поступить. А потому надлежитъ считать большимъ одолженіемъ, когда Лама, желая добра владѣльцу, беретъ его вещь и уносить, для истребленія извѣстнымъ ему способомъ.

Подобной мистификаціи подвергаются и лица. Чтобъ отвратить случившееся, или

грозящее несчастье, Ламы обрекаютъ дѣтей, по своему усмотрѣнію, въ духовное званіе. Дѣлаютъ это и при самомъ рожденіи, увѣряя родителей, что жизнь и счастье новорожденнаго и даже цѣлаго семейства завистить отъ исполненія таковой воли боговъ. Для непослушанія и возраженій здѣсь нѣтъ мѣста. Напротивъ приличіе и долгъ обязуютъ къ безусловному принятію спасительнаго предложенія и къ учрежденію обильной трапезы, не щадя ни оводовъ, ни тельцовъ.

Водясь сими правилами, Ламизмъ вербуетъ, гдѣ хочетъ. Умножаетъ свои легіоны, и въ тоже время обезпечиваетъ себя отовсюду. Ибо чѣмъ больше семействъ, связуемыхъ съ ними узами родства, тѣмъ выгоднѣе для него. Въ нихъ находятъ Ламы тайныхъ своихъ агентовъ, чрезъ нихъ склоняютъ общее мнѣніе въ свою пользу и становятся грозными для своихъ противниковъ.

Все это, увеличивая значеніе капищныхъ служителей, поставляетъ ихъ въ состоявіи до того выгодномъ, что надлежитъ только явиться Ламѣ въ какой нибудь улусъ, и лучшая сикера, тучнѣйшія яства, со всѣми угодами, будутъ къ его услугамъ.

Но пришлецъ сего рода, хотя изъ послушанія ничѣмъ не пренебрегаетъ, ни отъ чего не отказывается; однакожь онъ представляетъ изъ себя существо безстрастное, чуждое всякой привязанности къ земному и некущееся единственно о блаженномъ перерожденіи и достиженіи царства Сукавади. Набожная рѣчь его всего чаще склоняется къ сужденію о житейскихъ опасностяхъ, о необходимости ограждать себя священными талисманами и обезпечивать, на всякій случай, нужными свадобьями, разумѣется, наполняющими узлы вѣщуна. И подъ вліяніемъ толико назидательныхъ размышленій, дорогой гость успѣваетъ сбыть съ рукъ товарецъ и отправляется въ дальнѣйшій путь ⁽¹²⁹⁾.

Къ способамъ симъ, изыскиваемымъ смышленостію каждаго, присоединяются иныя, имѣющіе видъ законности. Сюда относится право совершать хуралы, или годовыя и мѣсячныя праздники, коштомъ прихожанъ, пользоваться знатною частію достоянія, остающагося послѣ умершихъ, получать мзду за лѣченіе, за исправленіе требъ, за отгнаніе демоновъ, повѣтрій и всякихъ злощастій.

Въ обрядовыхъ свхъ дѣйствіяхъ не рѣдко принимаютъ участіе сотни Ламъ. Тогда начинается у нихъ поперемянное чтеніе и непрерывное пированіе на счетъ врачуемаго зла. Не спрашивайте о томъ, какъ смотрять на эти явленія обитатели кущей. Суровая Сибирь сдѣлала ихъ ко всему равнодушными; а больше всего, научила руководствоваться правиломъ мудрости: *Patienter ferendum, quod necesse est.*

При такомъ образѣ жизни, жизни скитальческой, меркательной, безотчетной, жречество въ отношеніи нравственности своей никогда не шло въ уровень даже съ народными массами. *Да ямы и піемы, утре бо умремъ:* вотъ сущность его морали, не говоря о частностяхъ, въ которыя не входимъ мы, предоставляя трудъ этотъ другимъ, имѣвшимъ случай поближе разсмотрѣть картины степной жизни.

Впрочемъ, въ дѣлѣ этомъ не должно быть строгимъ судією, памятуя святую истину: *Еда обѣмлютъ отъ терніа грозды, или отъ репіа смоквы* (Мѡ. VII)? Притча сія тѣмъ болѣе имѣетъ приложенія къ Ламизму, чѣмъ менѣе касалось его во всѣ вѣка образованіе. Извѣстно, что предназначенные

въ Ламы ничему не обучаются въ школахъ методически. А частные педагоги умѣютъ передать лишь элементарное ученіе, и онымъ ограничиваютъ весь кругъ знаній будущаго Ламы.

Конечно, какъ вездѣ, такъ и здѣсь есть свои исключенія. Но тѣмъ не измѣняетъ колорита своего общность, покровенная густымъ мракомъ.

Порядокъ вещей, о коемъ говорили мы, не могъ быть терпимъ при нынѣшнемъ во всѣхъ частяхъ благоучрежденій. И потому законы противопоставили преграду злу, допущенному временемъ.

Въ смыслѣ шигемуніанскихъ правилъ, Ламамъ поставлено въ непремѣнную обязанность имѣть жительство при Дацанахъ и не иначе отлучаться изъ оныхъ, какъ по дѣламъ службы и притомъ всегда съ вѣдома Ширета.

Къ содержанію ихъ указаны приличные способы и дарованы земли: хамбо-ламъ пять сотъ десятинъ, а прочимъ членамъ въ меньшихъ количествахъ, сообразныхъ съ ихъ званіемъ.

Въ отвращеніе старыхъ злоупотребленій, строжайше запрещается преслѣдовать Ша-

манскую вѣру и привлекать въ свою не только Христіанъ, но и шаманистовъ.

Наконецъ, въ составѣ ламскаго духовенства отсѣчены излишества и положенъ для него штатъ, соотвѣтствующій требованіямъ.

Представляя здѣсь таблицу сего штата, мы оставляемъ Буддизмъ съ искреннимъ ему желаніемъ *достигнуть* не перерожденія и преселеній, о которыхъ мечтаетъ онъ нынѣ въ суетѣ ума своего: но *въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія* (Еф. IV).

ШТАТЪ ЛАМАЙСКАГО ДУХОВЕНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

№	НАИМЕНОВАНИЕ ДА- ЦАНОВЪ.	Датаны.	Сумо.	Число при- хожанъ обо- его пола.	Хамба.	Ширегуй.	Лама.	Бадлин.	Итого.
1	Гусино-озерскій	1	17	4136	1	1	7	1	10
2	Цонгольскій	1	11	6623	»	1	12	1	14
3	Джидивскій	1	16	5113	»	1	9	1	11
4	Анайскій	1	9	921	»	1	2	1	4
5	Соргольскій	1	3	2279	»	1	3	1	5
6	Гыгеуевскій	1	4	1690	»	1	2	1	4
7	Учоевскій	1	6	1170	»	1	2	1	4
8	Булдунурскій	1	17	2473	»	1	4	1	6
9	Арашреуевскій	1	2	2534	»	1	4	1	6
10	Чогагуегаевскій	1	11	3035	»	1	5	1	7
11	Кударинскій	1	2	3666	»	1	6	1	8
12	Пройскій	1	10	2305	»	1	4	1	6
13	Янгасианскій	1	4	3705	»	1	6	1	8
14	Холовскій	1	3	6400	»	1	12	1	14
15	Авинскій	1	4	3813	»	1	11	1	13
16	Тутгагагаевскій	1	4	4864	»	1	9	1	11
17	Авинскій	1	»	10622	»	1	19	1	21
18	Анагатскій	1	1	3305	»	1	3	1	7
19	Чицавовскій	1	9	3089	»	1	3	1	7
20	Хохюртаевскій	1	»	3698	»	1	6	1	8
21	Эгигуевскій	1	4	3250	»	1	9	1	11
22	Цугилнискій	1	1	5410	»	1	15	1	17
23	Цулгинскій	1	1	2103	»	1	3	1	5
24	Гуинскій	1	»	1067	»	1	2	1	4
25	Токчисскій	1	»	919	»	1	2	1	4
26	Хожиргаевскій	1	1	896	»	1	2	1	4
27	Тарбагатаевскій	1	1	898	»	1	2	1	4
28	Бырдуйскій	1	1	1240	»	1	2	1	4
29	Ольдонскій	1	»	1710	»	1	2	1	4
30	Баргузинскій	1	2	3426	»	1	6	1	8
31	Кыренскій	1	»	2693	»	1	4	1	6
32	Болакскій	1	»	7937	»	1	14	1	16
33	Боргалтаевскій	1	»	2709	»	1	3	1	7
34	Аларскій	1	2	7972	»	1	13	1	17
ИТОГО		34	146	124917	1	34	216	34	283

СТАТЬИ

XXI.

о врачевномъ искусствѣ у Ламъ.

Разсматривая Буддизмъ, не разъ замѣчали мы, что по обычаю преемственно переходящему чуть ли отъ временъ Гога и Магога, съ званіемъ Ламы соединялось и соединяется званіе врача. А потому не лишне будетъ показать основанія, на которыхъ врачи эти зиждутъ свою теорію и практику.

Основными и неизмѣнными указателями Ламской медицины служатъ книги:

Шаджотъ—Анатомія.

Джаджотъ—Патологія.

Ман-а-джотъ—Физика.

Чимейджитъ—Фармакологія.

Лхантоб-чим бо—Терапія.

Шаджотъ смотритъ на человѣка окомъ древнихъ поэтовъ, какъ на существо *Divino semine natum* (Ovid. in *Metam.*), находитъ въ немъ соединеніе всѣхъ стихій, всѣхъ силъ природы—*джурган дзуйл*, *хамок ами-тани убур даган шингечи*, и въ этомъ смыслѣ называетъ его сосудомъ вселенныя

и какъ бы микрокосмомъ—*иртышцуйн са-ба*. Потомъ анализируя, допускаетъ въ немъ:

- а) Тысячу составовъ — *минган муцу*;
 б) пять главныхъ внутреннихъ частей—*табун цулу*, относя сюда сердце, печень, легкое, почку и селезеньку; с) 360 сухихъ и кровеносныхъ жилъ, кои, соединяясь въ трёхъ пунктахъ тѣла, дѣлаютъ три узла—*гурбен курду*, у горла, пупка и крестца;
 д) двѣнадцать главныхъ кровеносныхъ венъ *судасу*, начинающихся и оканчивающихся у ручныхъ кистей; е) пять замковъ—*табун онису*, изъ которыхъ каждый служа хранителемъ того, или другаго чувственнаго органа, оказываетъ столь могучее вліяніе, что при малѣйшемъ потрясеніи своемъ приводитъ подчиненное ему чувство въ ослабленіе и даже мертвитъ его. Наконецъ по словамъ Шаджота, въ тѣлѣ человѣческомъ находятся и такія части, кои могутъ быть проколоты и разрѣзаны безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій. Частямъ симъ усвоенно названіе безразличныхъ, или среднихъ между бѣлыми и черными—*хара цагану дзансар*; и однѣ изъ сихъ предполагаются ниже грудной перепонки, а другія въ ручныхъ мякотяхъ. Впрочемъ не всѣмъ адеп-

тамъ открываютъ эту анатомическую тайну. Въ разумъ ея вводятся лишь избранные изъ Ламъ краснаго корня. Ту же глубину проникать стараются и ловкіе Шаманы, съ обычною въ ремеслѣ своемъ цѣлю.

Ближайшее къ Анатоміи мѣсто въ курсѣ Ламской медицины занимаетъ Патоологія—*Джаджомъ*. Наука эта, допуская въ чело-вѣкѣ семь высшихъ и низшихъ силъ—*долон тамиръ*, поставляетъ ихъ въ зависимости отъ тѣла: *omnes vires et facultates materialibus organis, ex quibus humanum corpus constat, subiectas esse, iisque regi et gubernari*. Главнымъ же дѣятелемъ и оффициною признается желудокъ. Въ немъ обрабатываются все жизненные начала, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ правильнѣе совершается процессъ пищеваренія. Правильность же эта сопряжена со многими условіями. Особенно требуется, чтобы количество принимаемой пищи никогда не превосходило сорока двухъ глотковъ, составляющихъ собою мѣру достаточную къ наполненію двухъ третей желудка. А часть остальная всегда должна быть свободною, для правильнаго обращенія соковъ, перехода ихъ въ нервы и перерожденія въ кровь, тѣло, кожу, кости и мозгъ.

Но поелику законы діеты рѣдко соблюдаются, и человекъ вопреки имъ еще въ утробѣ матерней подверженъ бываетъ разнымъ уклоненіямъ отъ предначертаннаго природою порядка, по этому жизнь наша опутывается болѣзнями, какъ бы нѣкою сътью. Съ самымъ рожденіемъ уже приносимъ мы три недуга—вѣтры, желчь зеленую и желчь желтую—*кей, шара, бадага*.

Къ нимъ время и обстоятельства прибавляютъ множество другихъ недуговъ, такъ что въ общей сложности своей представляютъ они 404 главныхъ вида и 1250 частныхъ.

Изъ числа сихъ болѣзней, 101 зависитъ отъ вліянія злыхъ духовъ, и потому для уврачеванія своего требуетъ не вещественныхъ, а духовныхъ средствъ, или гурумовъ. Далѣе, 101 исцѣляется діетою, безъ всякихъ медицинскихъ пособій; 101 имѣетъ нужду въ правильномъ пользованіи и уступаетъ только силѣ и искусству терапіи; наконецъ 101 признается рѣшительно не исцѣлною.

Приступая къ пользованію, обращаютъ вниманіе на глаза, языкъ, пульсъ (130) и другія проявленія физической въ человекѣ

дѣтельности, а особенно на душевные и тѣлесные припадки, предшествовавшіе послѣдному недугу. Потомъ стараются опредѣлить—не имѣетъ ли болѣзнь характера смѣшеннаго. И ежели это хотя гадательно усмотрѣно, то врачъ постигаетъ дать лѣкарство, опредѣляющее свойства болѣзни (*indolem morbi determinans*), и оно рѣшаетъ вопросъ въ отношеніи ко всемъ дальнѣйшимъ пріемамъ.

Впрочемъ главная норма лѣченія никогда не теряется изъ виду. Держась ея, врачи позволяютъ себѣ увеличивать сложность лѣкарствъ, по мѣрѣ сложности, найденной въ болѣзни, особенно при лѣченіи острыхъ, застарѣлыхъ и удоборазвиваемыхъ недуговъ. Въ случаяхъ такихъ, одинъ составъ (микстура) можетъ вмѣщать до 60 элементовъ, изъ которыхъ наибольшая часть обыкновенно достается на долю опаснѣйшаго недуга, а части остальные, влучи съ постепеннымъ уменьшеніемъ въ пропорціяхъ своихъ, исходятъ до единицы.

Лѣкарства берутся изъ всѣхъ царствъ природы, особенно изъ растительнаго (131). Дѣйствительнѣйшими же и по преимуществу служащими *in meliorem salutis humanae*

usum, признаются растѣнія Индіи, Тибета и Китая. Ихъ степные врачи (medicatri) имѣютъ подѣ рукою, ими и пользуются, опираясь въ дѣлѣ своемъ лишь на время и опытъ. Да и гдѣ искать имъ другихъ опоръ, когда Химія и Антропология для нихъ не существуютъ; Физика inculturae zizaniis graviter defaedata est; Ботаника ограничена номенклатурою травъ и указаніемъ на проявленіе ихъ силъ въ данныхъ случаяхъ; Астрология, питая суевѣріе, a veritatis plano ad invia et avia curiositatum declinat.

Къ довершенію сихъ очерковъ, укажемъ на способы лѣченія, предлагаемые упомянутою выше руководительною книгою *Лхан-тоб—чимбо*. Способы эти даютъ вѣрное понятіе о значеніи Ламской медицины и сами по себѣ не лишены интереса. Такъ—

1) При худосочіи и въ упорныхъ ревматизмахъ предписывается *тугона*, или пирокавствія. Операцию совершаютъ слѣдующимъ образомъ: дѣлаютъ изъ травы плотный трутъ, толщиною въ палецъ, и прилѣпляютъ его къ больнымъ мѣстамъ, употребляя для этого клейкій растительный составъ. Потомъ зажегши трутъ, операторъ принимается сверху дуть съ соблюденіемъ

того правила, чтобы горѣніе сопровождалось влагою и прохлажденіемъ. И ежели онъ искусенъ, то больной, во время операціи, даже при многихъ тугонахъ, не только не чувствуетъ боли, но даже погружается въ сладкій сонъ. По совершеніи прижогои въ желанномъ размѣрѣ, вливаютъ на горящіе угли свѣжее коровье масло, и даютъ больному надохнуть газомъ. За тѣмъ стараются поддерживать нагноеніе ранъ, въ продолженіи большаго, или меньшаго срока. Но далѣе ста сутокъ срокъ этотъ никогда не восходитъ. Лучшимъ же средствомъ къ отращенію безвременнаго закрытія ранъ признается сырой скотскій мозгъ.

2) Въ сильныхъ горячкахъ и первомъ ослабленіи, чаще всего употребляется способъ, извѣстный у Монголовъ подъ названіемъ *халимлаху*. Больнаго окутавъ теплою кожею, чуть снятою съ животнаго, оставляютъ въ покоѣ. И ежели дѣйствіе благоприятно, то въ самое короткое время, кожаная пелена, теряя свою жизненность, чернѣютъ и покрываются зеленью, а больной чувствуетъ облегченіе. Впрочемъ весь успѣхъ, особенно при первомъ ослабленіи, получается лишь при повторительныхъ опы-

тахъ и съ соблюденіемъ того условія, чтобъ животное, кожу котораго употребляютъ въ дѣло, само полно было жизни и здоровья, и преизобиловало тукомъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно помогать противъ мѣстнаго воспаленія, а равно противу сжатія членовъ, требованія медицины вдалѣ не простираются. Довольнымъ считаютъ обвязать больное мѣсто брюшною жировою кожицею, какого бы ни было животнаго; и тѣмъ ограничиваютъ попеченіе о больномъ. Способъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *себесулку*.

3) Для пользованія страждущихъ чахоткою—*мытирь*, берутъ трехлѣтняго козленка и, *ejecto stomacho*, цѣликомъ варятъ его въ молоко, герметически закупоривши котелъ. Потомъ процѣживаютъ отваръ и поятъ имъ больнаго съ примѣсью кумыса. Лѣкарство въ этомъ видѣ называется Чиндарулалга.

4) Къ тому же роду лѣченія привадлежитъ и способъ *илегелку*, употребляемый при пораженіи человѣка сокровеннымъ недугомъ. Вынимаются изъ животнаго (чаще всего изъ барана) тренещущія внутренности и съ возможною поспѣшностію располагаются на тѣлѣ больнаго такъ, чтобы сердцу

его противулежало сердце животного, легкимъ—легкое и проч. Кроме того вырывается изъ грудины *керсень* и съ кожей кладется на столъ. Часть эта, какъ содержащая въ себѣ много жизненности, способна служить указателемъ времени, потребнаго для омертвенія изъятыхъ изъ животного внутренностей, и потому со стороны медикастра на нее обращается особое вниманіе. Омертвѣлыя внутренности погружаются въ теплую воду на какуюнибудь четверть часа. А за тѣмъ подвергають ихъ тщательному разсмотрѣнію, ища въ нихъ рѣшенія вопроса о болѣзни пациента. И вопросъ рѣшается тѣмъ, что на внутренностяхъ животного находятъ ясныя отпечатки поврежденныхъ въ человѣкѣ частей, и такимъ образомъ получаютъ возможность безошибочно судить объ опасности и врачевать сокроенное зло.

5) Когда человѣкъ укушенъ сомнительнымъ животнымъ и угрожается идрофобіею, то въ продолженіи седми дней наблюдаютъ, не явился ли у него на макушкѣ головы красный волосъ. Волосъ этотъ считается опаснѣйшимъ признакомъ, и потому чуть замѣченъ онъ, немедленно вырываютъ его,

и самое мѣсто прижигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ. Но когда предосторожность эта упущена изъ виду и слѣды водобоязни начали проявляться, тогда наука Ламская указываетъ одно лишь вѣрное къ спасенію чело-вѣка средство—вести его, хотя-бы-то око-ваннаго, въ лѣсъ и особенно къ горѣ Адо-голигун удуръ, изъ которой вытекаетъ рѣчка Адоголикъ, впадающая въ Ононъ, не по да-леку отъ Гуджиртайской кумирни. На горѣ кладутъ мясо и другія приманки для птицы, называемой *Гоилакъ*. Птица эта съ галку величиною, перья у нея черныя, а носикъ и лапки красныя, голосъ имѣетъ звучный. Ее-то стараются увидѣть и дать возмож-ность больному услышать голосъ ея. И если это удастся, то опасность отъ укушенія счи-тается минувшею. Бѣшенство быстро про-ходить, и больной возвращается во своей здоровымъ. Но при неудачѣ поисковъ и при невозможности дать больному слышать го-лосъ таинственнаго Гоилака, усиливаются отыскать хоть перо его, или экскрементъ. И нашедши то, или другое, окуриваютъ ими больнаго, а порошокъ изъ нихъ примѣши-ваютъ къ его пищѣ.

Сказаніе это много даетъ вопросовъ. Но

мы, вмѣсто совопрошеній, желали бы, чтобъ любознательнѣйшіе изъ ученыхъ открыли слѣды, откуда и какъ породилась вѣра въ дивную силу Гонлака противу страшной гидрофобіи. Древніе болѣзнь эту причисляли къ классу *morborum astralium*, и полагали, что она всего легче можетъ вылѣчиваться *pulmine astrorum aspirante* (Ioh. Christ. Col. *sephir.* р. 3). Такъ не здѣсь ли начало путешествій въ горы для исканія помощи несчастнымъ Гидрофобамъ?

6) При упадкѣ всѣхъ силъ въ человѣкѣ, залучшее лѣкарство признается Джень-шенъ. Корень этотъ, вывозимый изъ Манчуріи, приобрѣлъ въ Китаѣ высокое о себѣ понятіе и покушается тамъ чуть ни на вѣсъ золота. Принимаютъ же его гравями, разводя въ теплой чайной водѣ.

Дальнѣйшее объясненіе ламской терапіи было бы въ цѣляхъ нашихъ трудомъ излишнимъ. Ибо и приведенныхъ примѣровъ достаточно для правильнаго о ней понятія. Желаящій же основательно изучить область этой науки, можетъ найти не скудныя къ тому пособія въ разныхъ изданіяхъ.

Но къ какимъ источникамъ ни разсудилъ бы обратиться изыскатель, совѣтуемъ ему

не спѣшить своимъ умозаключеніями. Страненъ и грубъ Буддійскій эмпиризмъ, но онъ запечатлѣнъ печатію вѣковъ, онъ выдерживалъ судъ безконечнаго ряда поколѣній. Ему въ тысячѣ случаевъ воздавалась дань уваженія, особенно же воздается дань благодарности отъ тѣхъ племенъ, кои бывъ разсѣяны на пространствахъ отъ Тибета до Сибири, отъ береговъ Ганга до Лены, видятъ только въ лицѣ Брамновъ и Ламъ своихъ цѣлителей и то орудіе, чрезъ которое: *Medicamenta, quae (dicente antiquissimo illo M. Herophilo) Deorum immortalium manus sunt, quotidie ad salutarem effectum diriguntur.*

ПРИМЪЧАНІЯ.

1.

Не лишне припомнить здѣсь, что предки Атиллыны скитались на берегахъ Енисея; Ханъ Дивауль принималъ Юстиніанова сановника Земарха въ долинахъ Алтайскихъ; послы Иннокентія IV и св. Людовика ѣхали къ наслѣдникамъ Чингисхана мимо Байкала; отецъ Александра Невскаго падалъ ницъ предъ Гаюкомъ въ окрестностяхъ Амура. См. Истор. Госуд. Россійск. Т. IX стр. 336—7, изд. 1834 г.

2.

Уральскія горы въ старинныхъ лѣтописяхъ называются: Югорскими горами, Великимъ хребтомъ, Югорскимъ камнемъ. Фишер. ч. 1. стр. 60—61.

3.

О Черемисахъ упоминается и въ Нестеровой лѣтописи. «А се суть нѣи языцы, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Вель, Муромъ, Черемись, Мордва».

4.

На Сѣверо-Востокѣ Европы жилища Самоѣдовъ начинаются у города Мезеня. Любопытныя свѣденія какъ о Самоѣдахъ, такъ и о другихъ Финскихъ племенахъ содержатся въ журналѣ Мин. Ви. дѣль за 1853 г., въ изданномъ отъ Глазунова въ 1799 г. описаніи обитающихъ въ Россіи народовъ, и въ изданіи Владимира Иславина въ 1847 году: *Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту.*

5.

Старинное названіе Енисея Кемъ. И полагаютъ, что у верховья этой рѣки преимущественно находились кочевья Киргизовъ, доставшихся въ удѣлъ Толаю, четвертому сыну Чингисхана. Ист. Сиб. Финш. 1. 56.

6.

Любопытное и ученое разрѣшеніе вопроса: кто были Татары XIII вѣка? представляетъ покойный синологъ о. Іакинѣвъ въ запискахъ о Монголіи 1. 281—4. Предѣломъ Татарскихъ жилищъ въ Восточной Сибири служитъ Енисей. За Енисеемъ же являются Татары какъ поселенцы, и число ихъ въ Иркутской Губерніи не превосходитъ трехъ тысячъ душъ.

7.

Обращеніе Якутовъ къ Христіанству началось въ годы завоеванія Сибири. Но окончено оно въ недавнее время. Послѣ протоіерея Григ. Слѣнцева, наиболѣе способствовали успѣху обращенія, учрежденныя около 1840 года, Духовныя миссіи, съ двумя походными церквами—Благовѣщенскою и Николаевскою.

8.

Камчатская экспедиція, въ которой участвовалъ Степ. Крашенинниковъ, снаряжена была въ 1733 году. Во главѣ ея находились С. П. Академіи Наукъ Профессоры Гмелинъ, Миллеръ и Делиль де Лаброіеръ. Свѣденія, касающіяся до этой экспедиціи, обстоятельно изложены въ полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи, изданномъ С. П. Академіею Наукъ въ 1818 году.

9.

Названіе Курильскихъ усвоится всѣмъ островамъ, которые, начиная съ Южной оконечности Камчатскаго полуострова, тянутся до самой Японіи. Другая подобная имъ гряда между 53 и 56 гр. сѣв. широты и между 158 и 176 гр. запад. долготы отъ Гринвича, составляетъ отдѣлы Алеутскихъ, Андреяновыхъ, Лисьихъ и друг. острововъ Сѣверо-Западной Америки. Кто желаетъ по-

знакомиться съ сими дальними окраинами Русскаго царства, тому полезно будетъ прочесть изъ Собранія ученыхъ путешествій по Россіи т. 1. главу 9-ю, а также записки П. Веняминова, и записки фл. Капит. Головкина о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ съ 1811 по 1813 годъ. Притомъ замѣтимъ, что на всѣхъ помянутыхъ островахъ, въ 1852 году, число жителей изъ Русскихъ, Креоловъ, Алеутовъ, Колошей, Чугачей и Курильцевъ простиралось до 9.452 душъ, по свѣденіямъ сообщеннымъ чрезъ Москов. Вѣдомости 1853 г. въ № 50.

10.

Камчатскій полуостровъ, при занятіи его Россіянами въ 1697 году, имѣлъ жителей не менѣ десяти тысячъ, какъ можно заключать по разсчету ясачнаго сбора и по церковнымъ росписямъ того времени. Къ такому же заключенію приводитъ и донесеніе Архимандрита Іоасафа Хотунцевскаго. Онъ писалъ, что по прибытіи въ Камчатку, въ 1745 году, найдено имъ тамъ крещеныхъ Камчадаловъ 6,067 чел. Самъ крестилъ 1,719, да Нижнеколымскимъ Священникомъ Ивановымъ окрещено 196. За всѣмъ тѣмъ много еще оставалось язычниковъ.

Но въ Сентябрѣ 1769 года, завезенная изъ

Охотска въ Большерѣцкѣ оспа, о которой дотолѣ поватія тамъ не имѣли, распространилась по всему полуострову и произвела страшную смертность. По Мартъ 1770 года похищено ею 315 заѣзжихъ и 5,053 чел. туземцевъ, не считая при томъ ни Олюторцевъ, ни Коряковъ. Послѣ прекращенія оспы, въ Камчаткѣ оставалось всего четыре тысячи душъ обоого пола.

Не меньшее бѣдствіе испытано въ 1799 году. На одномъ изъ двухъ кораблей, перевозившихъ въ Камчатку полкъ имени Ген. маіора Сомова, во время плаванія появилась злокачественная горячка. Едва судно положило якорь въ Петропавловской гавани, какъ болѣзнь стала поражать жителей. А съ переходомъ командъ на разные пункты для квартированія, эпидимія распространилась и объяла всѣ Камчатскія селенія, проникла въ Тичиль и даже на Курильскіе острова. Общее число умершихъ отъ Сомовскаго повѣтрія остается не извѣстнымъ. Но по метрикамъ главныхъ на полуостровѣ мѣстъ значится ихъ 1,062 чел. Такія и подобныя имъ катастрофы до того уменьшили населенность края, что по счисленію, сдѣланному около 1840 года Благочиннымъ Камчатскихъ церквей Громывымъ, оказалось 2,660 Камчадаловъ и 500 Олюторцевъ. Какъ ни мала эта цифра, но и на ней не остановилось уменьшеніе Камчатской на-

селенности. Ибо въ журналѣ Мин. Вн. дѣлъ, въ V книжкѣ, за 1853 годъ, на стр. 246-й показано Камчатскихъ инородцевъ всего 1951 чел. Гдѣ же причины этой изумительной убыли? При сужденіи о предметѣ таковой важности, стоятъ обратить вниманіе на таблицы Крашенинникова, составленныя имъ за 115 лѣтъ до нашего времени и содержащіяся въ IV кн. Описанія Камчатки.

Мы, не входя въ дальнія по предмету сему сужденія, замѣтимъ, что сказанное о Камчаткѣ имѣетъ приложеніе почти ко всѣмъ кочевымъ народамъ.

Находясь подъ вліяніемъ суроваго климата, подъ гнетомъ нужды и лишеній, не зная пособій науки и будучи всегдашнею жертвою невѣжества и суевѣрій, — Сибирскіе инородцы несли и еще несутъ огромныя потери въ своемъ населеніи. Одни изъ нихъ успѣли уже исчезнуть (напр. Арины, о которыхъ упоминаетъ Миллеръ въ Ист. Сиб. стр. 31), другіе идутъ къ изчезновенію (какъ бродячіе Тунгусы, Карагасы, Сойоты), а прочіе хотя получаютъ приращеніе, но скудное и дряхлое. Ядъ болѣзней поражаетъ многихъ изъ нихъ, особенно Якутовъ и Камчадаловъ, еще въ утробѣ матерней. И ежели къ кому, то наипаче къ нимъ прилагается стихъ:

Cor, nisi cura, nihil; caro nil, nisi triste cadaver
Nasci aegrotare est; vivere, saepe mori.

За то Русское новосаженіе, побѣждая самую природу, преспѣваетъ и нравственно и физически. И въ немъ одномъ, среди хаоса разноплеменности, надлежитъ видѣть то избранное сѣмя, которое есть стояніе Сибири, основа ея благосостоянія. Чит. Истор. Сиб. Словцева 1, 243.

11.

Чукчи представляютъ собою дикій и весьма мало обследованный въ быту своемъ народъ. Ибо ни Русскіе вонтели, ни ученые экспедиціи никогда не проникали внутрь Чукотской земли. Извѣстно только изъ старыхъ хроникъ, что Коз. сотникъ Иванъ Кобелевъ предпринималъ туда путь въ 1779 году и доходилъ до одного изъ трехъ острововъ Гвоздевыхъ, лежащихъ въ Беринговомъ проливѣ. Другой, подобный Кобелеву путешественникъ, былъ сержантъ упоминаемый Лессенсомъ. Люди эти ограничивались общими взглядами на землю и народъ, а о большемъ и думать не могли. Честь же обстоятельнаго описанія Чукотскаго мыса, особенно въ этнографическомъ отношеніи, досталась священнику Иркутской Епархіи Андрею Аргентову. Бывъ опредѣленъ мною къ устроенной, возлѣ Чаунской губы, Николаевской церкви, онъ простеръ слово Евангельской проповѣди въ средоточіе Чукотскаго края, про-

свѣтилъ многихъ изъ нихъ св. крещеніемъ и погасилъ въ народѣ сему ненависть его къ русскимъ, укоренившуюся со времени похода Маіора Павлуцкаго. Аргентовъ полагаетъ, что число Чукчей восходитъ тысячъ до пятнадцати душъ.

12.

Границы Манчжуріи: — на Югѣ Китай, на Сѣверѣ р. Амуръ, на Востокѣ Японское море и Татарскій заливъ, а на Западѣ Великая Монголія, начинающаяся нѣсколько выше слиянія Шляки съ Аргуною. Новѣйшія изслѣдованія о Манчжурахъ находимъ въ III ч. зап. Якинова и въ трудахъ Россійской Духовной миссіи.

13.

По счисленіямъ, произведеннымъ около 1840 года, оказалось въ В. Сибири 12,000 Тунгусовъ. Но въ счетъ этотъ вошли лишь тѣ Тунгусы, которые извѣстны подъ собственнымъ ихъ именемъ. Между тѣмъ какъ многіе изъ единоплеменцевъ ихъ, разсѣянные по Сибири и усвоившіе себѣ разныя мѣстныя наименованія, значительно увеличиваютъ собою общій итогъ Тунгусскаго племени. Таковы суть: 1) *Ламуты*, обитающіе около Охотскаго моря по р. Колымѣ и Омолою; 2) *Юкагиры* между Яною и Колымою, и близъ Ле-

ловитаго моря; 3) *Коряки*—въ самыхъ суровыхъ окраинахъ Сѣверной Камчатки, до р. Анадыря, гдѣ сталкиваются съ Камчадалами, Ламутами и Чукчами; 4) *Сойоты* (Саяты), или *Урянхай*, скитающіеся въ горахъ Саянскихъ на Югозападъ отъ Байкала и въ Монголіи Китайской; 5) *Каранасы*—племя бродящее по лѣсамъ Нижнеудинскаго округа Иркутской Губерніи. Тамъ ихъ считается до 400 человекъ и всѣ они, или почти всѣ, крещены;—6) *Доманы*, кочующіе въ Сѣверной части Енисейскаго округа; 7) *Кизильцы*—въ Южной части Ачинскаго округа; 8) *Гиляки*—при устьѣ Амура и въ дебряхъ Удскаго края.

Прочія мѣлкія племена проходимъ молчаніемъ. Но кто желаетъ имѣть объ нихъ понятіе, тому совѣтуемъ заглянуть въ полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи.

14.

Роды, на которые подраздѣляются Хамниганы, суть слѣдующіе:

1) Улятскій.	6) Намятскій.
2) Сарпульскій.	7) Онхотскій.
3) Сародульскій.	8) Баджандаритскій.
4) Чимчигитскій.	9) Табунатскій.
5) Бялкагатскій.	10) Харанутскій.

15.

Гантимуръ родомъ Манжуръ. Въ 1667 году, былъ онъ посланъ съ китайскимъ войскомъ, для препятствованія чуждымъ пришлецамъ селиться на берегахъ Амура. На пути къ Комаровскому острогу, стоявшему въ 600 в. отъ соединенія Шилка съ Аргуною, встрѣтилъ онъ козацкія отряды, но не давъ сраженія, объявилъ о желаніи своемъ принять Русское подданство, вмѣстѣ съ Тунгусами Лугамонскаго рода, въ числѣ пяти сотъдушъ.

16.

Роды Даурскихъ Бурятовъ носятъ слѣдующія названія:

- 1) Дзун-харгананскій.
- 2) Дзун-хачинскій.
- 3) Ходайскій.
- 4) Гучитскій.
- 5) Ачи-багатскій.
- 6) Галзутскій.
- 7) Дзун-барун-кушдутскій.
- 8) Хальбинскій.
- 9) Шарайтскій.
- 10) Батанайскій.
- 11) Барун-хацинскій.
- 12) Бодонгутскій.
- 13) Удзонскій.
- 14) Гунейскій.

15) Бальтягатскій.

16) Тукчинскій.

Изъ родовъ сихъ послѣдніе четыре, сосредоточенные на Ононѣ, входятъ въ составъ Гантимуровскаго удѣла и по преимуществу удерживаютъ за собою названіе Монголовъ, въ отличіе отъ Хамнигановъ, Цонголовъ и Бурятовъ. При томъ, по свидѣтельству Монгольскаго Историка *Санаши—сецена Хонтайджи*, прямое потомство Чингисхана сохранилось въ Дзалеирскомъ племени, причисленномъ нынѣ къ Удзонскому роду. Племя это происходитъ отъ *Моголи*, главнаго вождя и ближняго родственника Чингисова.

17.

Въ недавніе годы (1840-53) Буряты Тункинскіе, Баргузинскіе и Аларскіе обнаруживали замѣчательную склонность къ принятію Христіанства. Мнѣ самому случалось крестить ихъ цѣлыми сотнями. Ангара и Иркутъ не разъ представляли намъ умилительныя зрѣлища временъ Св. Владимира, совершавшіяся на Дибрѣ и Почайнѣ. Благословенный ходъ дѣла зависѣлъ отъ многихъ видимыхъ и невидимыхъ причинъ. Но осязательно споспѣшествовали тому: 1, учрежденіе пустыни Преп. Нила на Западной границѣ нашей съ Китайскою Монголіею, въ видахъ распростра-

ненія Евангельской проповѣди среди язычествующихъ племенъ; 2, построение многихъ церквей, и особенно въ средоточіи населенія Тункинскихъ, Балаганскихъ и Аларскихъ Бурятъ; 3, усиленіе миссій и правильно обусловленная ихъ дѣятельность; 4, переводъ Богослужебныхъ книгъ на Монголо-Бурятскій языкъ и совершеніе на языкъ семь разныхъ службъ и требъ. Звуки роднаго языка, слышимые во храмѣ Божиемъ, не рѣдко производили на Бурятовъ чудесное дѣйствіе. Такъ, Тункинскій Тайша Зангей Хамаковъ, имѣвъ случай слышать при Архіерейскомъ священнодѣйствіи въ Гужирской Николаевской церкви нѣкоторыя пѣснопѣнія на Монгольскомъ языкѣ, до того возбужденъ былъ въ пользу христіанства, что немедленно объявилъ о желаніи своемъ и семейства своего принять Св. крещеніе и создать перковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ уже начато было созиданіе языческаго капища.

18.

Бурятовъ, по переписи 1766 года оказалось:

- 1) въ уѣздѣ Иркутскомъ 17 родовъ, въ нихъ: 4,038 муж. п.
- 2) въ уѣздѣ Верхоленскомъ 11 родовъ (причисляя къ нимъ 3 Тунгус. рода), въ нихъ 5,704.
- 3) въ Балаганскомъ 12 родовъ, въ нихъ 2,607.

4) Причисленныхъ къ Нижне-удинскому острогу 9 родовъ, въ нихъ 2,483.

5) причисленныхъ къ Тункинскому острогу 12 родовъ, въ нихъ 4,562.

6) въ отдѣльномъ Хондоборскомъ родѣ 2,319,

7) въ Даурин , и особенно въ степяхъ Удинскихъ, Харивцевъ 11 родовъ, въ нихъ 11,033.

8) въ Красноярскомъ уѣздѣ, по правую сторону Енисея цѣлые роды и племена.

Авторъ описанія народовъ, обитающихъ въ Россіи, представивъ эту перечень, такое дѣлаетъ заключеніе: «въ разсужденіи нерадѣнія при переписи и чрезъ то самаго не вѣрнаго исчисленія, тогда сдѣланнаго, можно навѣрное полагать, что едва треть показана душъ мужескаго пола Бурятскаго народа, который въ Россіи находится (ч. III ст. «О Бурятахъ стр. 26)». И мы вполне раздѣляемъ мнѣніе Автора. Перепись кочевыхъ племенъ во всякомъ случаѣ есть дѣло труднѣйшее. Бывъ разсѣяны по пустынямъ, лѣсамъ и горамъ, онѣ легко ускользаютъ отъ взора и вниманія властей. Только родовичи въ состояніи слѣдить за своими собратіями. Но кто услѣдитъ за совѣстію и расчѣтами сихъ степныхъ аргусовъ?

19.

Въ путяхъ Провидѣнія, для дѣлъ великихъ

часто избираются самыя слабыя орудія, да немощь ихъ яснѣе покажетъ вседѣтельную силу Божию. Явленіе такое видѣлъ міръ въ послѣдней четверти XVI столѣтія. Гонимые на Волгѣ и Дону опалою грознаго царя, съ другой стороны ласково приглашаемые (6 Апр. 1579 г.) на *дѣло честное*, убѣждаемые быть *воинами Царя Бѣлаго, оберегать отъ невѣрныхъ край Христіанскій*,— атаманъ Ермакъ Тимоѣевъ, сынъ Повольскій и товарищи его подняли знамя на берегу Волги, кликнули дружинну, собрали 540 отважныхъ бойцовъ и, какъ бы по зову самаго Неба, отправились въ путь и прибыли (28 Іюня) къ приглашавшимъ ихъ Строгановымъ (Строган. лѣтоп. стр. 14, изд. 1821 г.). Заведенія и остроги, построенные сими владѣльцами, по силѣ жалованной въ 1568 году грамоты, находились на берегахъ Чусовой, отъ устья до ея вершины, и по Камѣ, отъ земли Пермской до р. Сильвы. На семь-то пустынномъ и тревожномъ рубежѣ суждено было собраться, безъ вѣдома и воли царской, подъ начальствомъ разбойничьяго атамана, изъ скитальцевъ разноплеменныхъ, буйныхъ, опальныхъ, собраться ополченію, для очищенія Сибирскія земли, для отомщенія безбожнаго варвара (Строган. лѣтоп. стр. 18).

Мы далеки отъ того, чтобъ слѣдовать за нашими витязями въ многолѣтней борьбѣ ихъ съ

невѣрными супостатами. Скажемъ только, что послѣ смерти Ермака, на Вагейской лукѣ, съ 5-го на 6-е Августа 1584, завоеваніе продолжалось казацкими старшинами и даже частными промышленниками, переходившими за Югорскій камень искать легкой добычи.

Больше, чѣмъ столѣтіе Сибирской исторіи украшаютъ собою рыцарскіе подвиги воеводъ сихъ. И наконецъ ими вѣнчается, такъ сказать, XVII вѣкъ, съ одной стороны усмиреніемъ хана Очироя и Нерчинскимъ договоромъ между Россією и Китаемъ, заключеннымъ въ 1689 году чрезъ посла Головина, съ другой — на Сѣверо-Востокѣ Азіи, занятіемъ Камчатки и первымъ Русскимъ водвореніемъ въ Верхне-Камчатскомъ острогѣ, основанномъ пятидесятникомъ Влад. Атласовымъ въ 1697 году (Чит. Опис. Камч. 1. 17. Истор. Госуд. Рос. Т. IX. Лѣтоп. Строган. и Тобольскую, истор. обзорѣніе Сибири Словцова).

20.

По словамъ Абульгази (стр. 48), Кучумъ властвовалъ 40 лѣтъ. Онъ былъ средней сынъ Муртазы Бухарскаго хана и по волѣ его наследовалъ Сибирское царство, послѣ смерти старшаго брата своего (Мил., стр. 12—56. Зап. о Монг. Іак. 225).

21.

Мифіиія ученыхъ относительно достоинства Буддизма довольно благоприятны ему. Въ его обширной литературѣ находятъ всѣ красоты древней религіозной поэзіи. На его философію смотрять какъ на представительницу всѣхъ нашихъ философскихъ системъ; а исторію Индійской философіи считаютъ какъ бы сокращеніемъ полной исторіи философіи.—Палласъ же имѣлъ причины думать, что между Буддизмомъ и нѣкоторыми христіанскими сектами есть большое сходство. Вотъ его слова: «удивленія достойно, что Калмыцкая вѣра во всѣхъ наружныхъ обрядахъ, также въ мифіиіяхъ о перемѣнахъ свѣта и во многихъ другихъ вещахъ, великое имѣетъ сходство съ нѣкоторыми христіанскими, развратно толкующими сектами; а особливо Браминская и Ламайская вѣра весьма сходственна съ Несторіанскимъ расколомъ.» См. путеш. Пал. ч. 1. стр. 491. Ученыя зап. Каз. Универ. за 1835 г. кн. II. стр. 385—7.

22.

Учен. Зап. Каз. Унив. кн. II. 1835 г. стр. 389.

23.

Приведенный Тибетскій стихъ поется при разныхъ обрядахъ, совершаемыхъ по руководству книги *туйи судерь*. Мысль этого стиха часто встрѣ-

21.

Мнѣнія ученыхъ относительно достоинства Буддизма довольно благоприятны ему. Въ его обширной литературѣ находятъ всѣ красоты древней религіозной поэзи. На его философію смотрятъ какъ на представительницу всѣхъ нашихъ философскихъ системъ; а исторію Индійской философіи считаютъ какъ бы сокращеніемъ полной исторіи философіи.—Палласъ же имѣлъ причины думать, что между Буддизмомъ и нѣкоторыми христіанскими сектами есть большое сходство. Вотъ его слова: «удивленія достойно, что Калмыцкая вѣра во всѣхъ паружныхъ обрядахъ, также въ мнѣніяхъ о перемѣнахъ свѣта и во многихъ другихъ вещахъ, великое имѣетъ сходство съ нѣкоторыми христіанскими, развратно толкующими сектами; а особливо Брамнская и Ламайская вѣра весьма сходственна съ Несторіанскимъ расколомъ.» См. путеш. Пал. ч. 1. стр. 491. Ученые зап. Каз. Универ. за 1835 г. кн. II. стр. 385—7.

22.

Учен. Зап. Каз. Унив. кн. II. 1835 г. стр. 389.

23.

Приведенный Тибетскій стихъ поется при разныхъ обрядахъ, совершаемыхъ по руководству книги *туйи судерь*. Мысль этого стиха часто встрѣ-

чается. Между прочимъ прекрасно выражена она въ слѣдующемъ Гаринскомъ монолoгѣ: *ум-ма сараван дата гада идам гуру радна мандала камириан дан ме. Т. е. Всевѣдый Господи! Тебѣ* всесовершенному и обладающему всѣми сокровищами міра, держаемъ мы принести жертву.

24.

Въ Чихула кереглекчи и въ другихъ книгахъ Буддѣйскаго канона число первоначальныхъ міровъ опредѣляется трехтысячною великою тысячею—*турбан мишан ике мишан иртыицу*. Темная даже для природныхъ Монголовъ фраза эта объясняется въ III гл. книги Кайба джумнейи лаг-икъ, иначе называемой мергет гархойи оронъ. Согласно съ объясненіемъ Кайбы, Ламы толкуютъ, что приведенною фразою дается понятіе о безчисленности міровъ; и потому чаще всего говорятъ: *Гадаиладу саба иртыицуи байдал кемebesу тога томши уей иртыицу аджуу*. При дальнѣйшихъ же объясненіяхъ встрѣчаемъ слѣдующія мысли:

Стихійный міръ, разсматриваемый въ матеріальномъ и формальномъ отношеніи—*шими, иртыицу*, въ общей массѣ существующихъ міровъ представляетъ собою не болѣе, какъ единицу.

Взявши эту единицу—*эуни ииен кемеи тога-ладжу*, и достигнувъ до тысячи, получимъ такъ

называемую малую тысячу: *минга куруксени учу-ген минган кемеи.*

Потомъ эту малую тысячу принявши за единицу и насчитавши тысячи тысячей, получимъ среднюю тысячу: *эне учуени ниген кемеи тога-ладжу, минган куруксени Думда минган кемеи.*

Наконецъ взявши эту среднюю тысячу (т. е. миллионъ) за единицу и умноживъ ее на тысячу, получимъ великую тысячу—*эне думдей-ги ниген кемеи тогаладжу, минга куруксени ике минган кемеи.*

Такимъ-то образомъ должно понимать выраже- ние: *турбан минган ике минган иртылицу*, коимъ опредѣляется общая числимость міровъ. Чит. объ этомъ кайба джумнейн даг-икъ, гл. III, л. 41.

25.

Свѣденія о сотвореніи міра, а равно и о бо- гахъ, разсѣяны по всему Ганджуру; по основныя, по мнѣнію моему, содержатся въ Мани Гамбуму теригун ботидоръ.

26.

На 10-мъ листѣ первой главы Мани Гамбуму такъ повѣствуется: *нидубер удзекци эркету Бадмейи минган тугурцек—эце ике бага кубеуну куцунь-эр эбден, улу чихахой нигени токтогацахой.*

27.

Вотъ собственныя слова Мани Гамбума: *Абида*

*бурхан, ике урушиенгуй-бер амитану туса уйлесту,
кемеку діана текши ороцахой, баранун идун-еце
ниел цаан герыл цацораксан-еце уран аргату
Манджушири, ике нилулесекчи Ариаболо хоури хо-
биллагатъ; т. е. Божественный Абида, по великому
милосердію своему, обращая мысль свою къ благу
существовъ, испустилъ изъ праваго глаза своего
бѣлый свѣтъ, и такимъ образомъ произвелъ му-
драго Манджушири и многомилостиваго Ариаболу.*

28.

Облако, изъ котораго произошла водная сфера—*осуи-маидалъ*, названо въ Монгольскихъ книгахъ *осуи джирюкету* т. е. водосердечнымъ: равно и вода, изъ которой вышла золотая земля, носитъ названіе златосердечной—*алтан джирюкету осуи*. И это на томъ основаніи, что земля въ первобытномъ своемъ состояніи походила на сердце: такое же подобіе имѣло и первое облако, какъ вмѣстѣ-лице земли, долженствовавшей изъ него родиться.

29.

*Элдеб орон тегусексен зулен-еце... хура орон,
гадагаду далайги токтоган, тегуни Сансарун кей
хотхуксань-ер маши улемджи Агула кигет, дологан
алтанъ агула, цешелун долон далай, дурбен тиб
болон, учигукен найман тиб кигет, гадагаду
тумур куріе луе селте токтогацахой .....*

*Тере метубер дотогаду Саба иртыңу болон, гада-
гаду Шими иртыңуи орони улам улам токтоа-
цахой. М. Гамб. гл. 1. л. 10 и далѣе.*

30.

Въ 3-й главѣ кайба джумнейн даг-пкъ о составѣ стихійнаго міра между прочимъ говорится: *саба иртыңу-дор дорадо делекей болон, орошиксан-ану: кейн мандал, шоройн мандал бугет, теундор шитуксен орон-ану Сумбер аула, дурбуль-джин дурбен уиту.... Сумберун думдаура наран, сара бой.* Мысль та, что органическій міръ, состоя изъ трехъ сферъ-воздушной, водной и земной, имѣеть въ центрѣ 4-угольную и съ 4-мя ярусами гору Сумберъ, около которой совершають теченіе свое солнце и луна.

31.

Въ Чихула кереглекчи (л. 35) довольно странно изображено паденіе Тенгериновъ. Сущность же сказаній заключается въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) *Геген герылту Тенгеринер-еце тачіакчи дзаримут-ану газартор балун амтан-дор адали, цаган уиету Аршіану Шиме нерету идегени идексендор, быин герыл угей бологат, хаб харанхой болбай.*

2) *Тегуну хоина улабур уиету балун амтандор адали газарун тосо кемеку идегени идебей.*

3) *Нологану ой* (зеленый плодъ) *кемеку идегени идебей.*

4) *Эсе тариксан Салу перету тотор тайги идебей.*

Содержаніе пунктовъ сихъ объяснено Г. Ковалевскимъ въ § 42-мъ Буддійской космологіи (см. уч. зап. Казан. Унив. за 1837 г. стр. 122). Одно въ этомъ парафразѣ не понятно: почему въ исторію Тенгериновъ вводится человѣкъ; вводится тогда, какъ онъ еще не существовалъ и даже слова человѣкъ не было — *кунун амитан кемеку перечу-угей* (М. Гам. гл. 33, л. 68)?

52.

Падшіе Тенгерины раздѣлились первоначально на восемь классовъ, и они витали между міромъ горнимъ и преисподнимъ. Почему и извѣстны подъ общимъ названіемъ: *Думда найман аймак.* Сюда относятся: 1, *Якчись*—сторожевые, 2, *Ракчись*, составившіе собою женскую половину рода человѣческаго, 3, *Асори* —сосѣдніе съ Лусунханомъ и вообще племя буйное, 4, *Гандари*, 5, *Гинари*, 6, *Мазараки*, 7, *Малоки*, 8, *Амопки*. Сии послѣдніе пять классовъ считаются глубоко падшими; изъ нихъ-то произшли безсловесныя твари, бириты и адскія существа, признаваемыя злополучнѣйшими—*турбан ману заману амитан.*

33.

Коль скоро стали употреблять Салу, то прежнія ястывы исчезли. (Буд. Косм. О. К. § 42).

34.

Бѣдственное приключеніе Аріаболы такъ изображается: *Амитану часо мету, гурбан ману залана унахой-и удзен, маши гашигудан, шинтараксан луга, саца тершун-ину арбан ани хагарабай.* (М. Гамб. л. 10).

35.

О таинственныхъ словахъ: *ом, ма, ми, бад, ме, хом,* будемъ говорить впоследствии. А здѣсь замѣтимъ, что ученые, бравшіеся за истолкованіе словъ сихъ и не обратившіе вниманія на ихъ происхожденіе и цѣль (о чемъ такъ ясно говорится въ 1 главѣ Мани Гамбума), поступали слишкомъ неосторожно; и какъ бы съ намѣреніемъ уклонялись отъ тѣхъ мыслей, къ которымъ приводитъ Буддійскій текстъ: *Амитана игудексен игудун турукуин игудени хагахой джурган усук мани игунь ер хамок эрим хатаху—ану...* Абида далъ Аріаболо шесть заповѣдныхъ словъ, для доставленія ему возможности располагать перерожденіями существъ и исполнять благія свои желанія.

А чтобъ Аріаболо, пользуясь таинственнымъ орудіемъ, не впалъ въ какую либо погрѣшность;

то самъ Абида объяснилъ ему, что сказавши слово *ом*, затворить онъ для Тенгериновъ дверь, ведущую къ перерожденіямъ—*тенгеридор турукуйи зюде хааху*; сказавши *ма*, то же сдѣлаетъ для Асуриновъ; и такимъ образомъ можетъ вести дѣло до самыхъ дверей адовыхъ.

56.

И дѣйствительно, Буддисты смотрятъ на Ариаболо, какъ на идеаль любви боговъ и даже какъ на олицетвореніе самаго Божества. Взглядъ этотъ основанъ на сказаніяхъ, содержащихся въ 1-й главѣ 1-го тома, Мани Гамбума. Тамъ найдетъ читатель: 1) что на Ариаболо возлагается обязанность быть всегдашнимъ благотворителемъ — *орчилануи хоюсон болога инару* (*per saecula saeculorum*) *амитану туде уйлет* (М. Гам. т. 1, 8); 2) что тысяча рукъ съ тысячею глазъ, давныхъ Ариаболо, суть символы тысячи боговъ, имѣвшихъ править, а теперь дѣйствительно правящихъ міромъ и облегчающихъ собою трудъ Ариаболы; 3) что одинадцать лицъ представляютъ прежде всего Абида, а за тѣмъ остальныхъ четырехъ боговъ вѣнца и шесть грозныхъ боговъ—*дурбен аморлиной, джурган килинтену, арбан ниген ниури дзоюмаксан*; 4) что таинственныя слова *ом*, *ма*, *ни*, *бад*, *ме*, *хом*, служатъ выраженіемъ непостижимости высшихъ судебъ

и владычества Божія надъ живыми и умершими. Къ каковой мысли очень близко приводитъ изреченіе самаго Абиды. *Джурган усук эунь-эр джурган дзуил амитану кейт бурину аюл хагаху аму.*

37.

О Хормостѣ и другихъ сего рода Хубилганахъ будемъ мы говорить въ своемъ мѣстѣ, почерпая нужныя свѣденія изъ 1-й части Мани Гамбума.

38.

Въ Монгольскомъ текстѣ о происхожденіи Мандзы сказано: *Дзегун алаган-еце герыл цацаргулан, бодисат шара бычину хаганъ, Мандза кемеку нигени хубилаксап бой.* М. Гам. гл. 33. л. 68,

39.

Это общій смыслъ словъ, влагаемыхъ въ уста Абиды разными повѣствователями. Но въ Мани Гамбумѣ такъ читается: *Дзегун дзуун цасоту орона Кумун амитани эргу-джиулкуйн тола, бодисадо шара бычину хаган, чи бер тере орона бишимал уй.леден чидаху бою.*

40.

Эме Ракчиса принадлежала къ сонму надшихъ духовъ и жила у подошвы горы—*тере хадейн*

хормойдор, на которой поселился Мандза; почему и называется она горною Ракчисою, женою горъ и зеленою (*ногон*) Дарою. Посѣщеніе ея картинно изображаютъ Буддійскіе вѣтн. Такъ въ Мани Гамбу: *ниген эдурун цактор, хадейн ниге эме Ракчис тачіанной—бер букуй-еце абун, эме шара бычину дурибер хубилагат, бишилакчи шара бычину тегене ирен, нигуца удзегулен, кусел келберикуй докія уйледен, дологан хонок болтола тере мету уйлетбечу: шара бычине кусел келберикуй сеткил эе-болбай.* Изъ сказанія сего видимъ, что существо, представленное въ образѣ женщины предъ свѣтлыя очи Бодисады, не свѣтло было по натурѣ своей. Это былъ горный духъ женскаго пола, рѣшившійся во что бы-то ни стало, прельстить Мандзу. См. гл. 33.

А когда успѣхъ намѣренія не соответствовалъ, то Ракчиса пришла къ той мысли, что она не довольно красива, и потому снарядивши себя, какъ можно лучше—*чимель-ер чимексен удзескуленту ниген хатон хубилаи*, повторила съ особеннымъ искусствомъ всѣ продѣлки и довела наконецъ Шара-бычнина до того, что онъ изъ подлобыи — *нидуну уицугь-ер*, взглянулъ на нее. А этого на первый разъ и довольно было для Ракчисы. Она поняла, что дѣло подается впередъ, а потому поближе подошла (*дергеде ирегет*) къ Шара-бычнин-

хану, распространилась въ объясненіяхъ и наконецъ достигла желанной цѣли.

41.

Ракчиса, угрожая Шара бычин хану, говорила, что ежели не исполнится ея желаніе, то она, родившись по волѣ судьбы Ракчисою, принуждена будетъ наконецъ вступить въ брачный союзъ съ подобнымъ себѣ существомъ. И тогда горе живущимъ тварямъ! Всѣ онѣ сдѣлаются жертвою ненасытной алчности Ракчискаго племени.

Собствєнныя слова Ракчисы, выражающія эту мысль съ разными подробностями, такъ читаются: *Би залгану куцунь-ер эме ракчись-ен дзуйл турун, тачіангойн эрке-бер чїмадор шинуи, тачїяксану куцунь-ер чимадор эрини дзалбаримой. Би чима-луга ырун хани эсе болбасу, эцусе ракчис-луга ну-куцен, эдур тутум тумует амитани алан, урулуге бури мншаат, амитани иден, ракчись-ен куеси цагласи угей турует, цасоту орону дзук эдегери ракчись-ен орон болман, баса дзамбу тиб букуни ракчис идеку.*

По истощаніи же всего того, что можетъ поддерживать жизнь, Ракчисы и сами должны будутъ умереть и низринуться во адъ: *тегу-бер енде укун, залгану куцунь-ер тещеши-уей тамойн орона унаху.*

42.

Въ Мани Гамбумѣ отвѣтъ Абида такъ читается: *тере маши сани! Чи ырун хани бол; дзеткер улу болон, нукуцел болою; эжусе цасоту орона* (въ сибирскихъ странахъ) *чину ачи кубеуну ундусену аймак делгерен кумун больджу, ном делгерен, манлай болою.*

Что же касается до Дары, принимавшей участіе въ судьбѣ Мандзы, то на нее Буддизмъ смотритъ, какъ на Тенгерина женскаго пола, равняющагося достоинствомъ съ Ариаболо и Уран Манджуширинсмъ. Она и произошла въ одинъ съ нимъ періодъ изъ голубаго свѣта праваго глаза Абида: *Дзесун иддун-еце куку ырыл цацарулаксан-еце укин тенгерин дурибер поюн чаган Дара жей-и хубилан.*

43.

Переселеніе душъ составляетъ одинъ изъ главныхъ догматовъ Буддійскаго вѣроученія. Въ смыслѣ этого догмата говорится о дѣтяхъ шара бычнн хава, что души ихъ, бывши пресельницами изъ другаго міра — *юсун сэра кигет, арбану нукура джурган дзуил амитан-еце насо игуткен иреджу,* проявляли въ себѣ характеръ тѣхъ духовъ, къ классу которыхъ принадлежали онѣ.

44.

Мандза опасался, чтобъ Ракчиса, при чудовищной алчности своей, не пожрала со временемъ и собственныхъ дѣтей, и потому-то рѣшился бѣжать отъ нея въ пустыню. *Тедегер кубегуди эме Ракчиса улусен, идеку аюл бойн тола, эцеге бычин бодисадо барагун дзуун чигулату кемеку ойдор курулцекуй.*

45.

Когда Мандза отправлялся къ Абидѣ, въ то время семействомъ его съѣдены были цѣлыя лѣса — *тенде идексень-ер модон теригутен баракдан амой.* А потому-то явившись предъ Абидою, Мандза въ отчаяніи воскликнулъ: *Ая ырун ханин орчилануи шидану хоріада улу меден, хатоктой-ги шимпусун куліесуне медел-угей нукуцубей. Эдегде кер-мету уйлетку бой? Бакшин соурхаксань-ер би эне метор болбай. Хоннакшида тамодор унаху бой би. Тегуу тола намай-ги нигулускуй бер ибеген соурха!* М. Гам.

46.

Отвѣтъ Абиды заключается въ слѣдующихъ словахъ: *цасоту тубудон ороа эне хаб харамой балай луа адали, кумун босо, амитан эдзелен, надор улу шитумой. Амитан эдегер кумуне турун, ундур идзаурту кигет тонимали олхойн тола*

чимейчи иллексен булуге. Чи надор дамджик кигет сеткил бу бари. Чину кубгут ачи эдегер эцусе кумуи болон: тере цактор мину номогатхал болху бой. Чимадор нем уей. . . . тонилху мур луге зокилдаю.

47.

Сѣмена, данныя Мандзѣ для посѣва и употребленія въ пищу, были слѣдующія: Арбей, буудей, богурцак, уцуен бурзан, хатамир, таріан: теригутени дологан дзуйл учу илен, цасоту ниен тиб орона тари.

48.

О дарованіи верховнымъ Буддою землѣ силѣ къ произведенію металловъ и минераловъ такъ повѣствуется: Алтан муниун дзес теригутен эрдепин халмоги атху дегурен (полную горсть), цасоту орону дзук цацан, тере газар делекей дор гархой орона адислабай М. Гам. л. 71.

49.

Келену ниен шилусу цасоту орону дзук цацат, цак цактор бодисадоин хубилман ном теткекуин Тиб орона болон, т. е. плюнувши въ страну свѣжную сказали: отнынѣ всегда будутъ тамъ священныя хубилганы, чтобъ возвѣщать законъ.

50.

Мандза, возвратившись къ дѣтямъ, избралъ удобнѣйшія мѣста для посѣва—*эдеб таріа орюху, теус ниен азара цацабай*. И съ тѣхъ поръ плоды земные обратились въ пищу для человѣка.

51.

Первый учитель рода человѣческаго Номун анхань, явившійся въ Тибетъ, произошелъ изъ свѣта ладони правой руки верховнаго Будды. Вотъ собственныя слова монгольскаго текста: *Нидубер удзекчи эркету баратуи зарун алаан—еце эрыл цацарулан, былие улиер теусексен (specie perfectum), ниен кубеуни хубиладжу, часоту тубудон орондор илсексен бой*.

52.

О физическомъ и нравственномъ безобразіи дѣтей Шара бычина хана много говорится въ Гамбумѣ. Такъ на примѣръ: *Тедегер кубеут чу нюгур улаан, миха чисуна дуратей, халдзан, бынде усутей, угулен чидажу болбай*; т. е. дѣти Шара бычина имѣли цвѣтъ лица красный, головы плѣшивыя, тѣло мохнатое, а въ добавокъ еще были и кровожадны. И тѣмъ лишь отличались отъ звѣрей, что могли говорить. Виновницею же такого безобразія дѣтей признается мать ихъ Ракчиса. См. м. Гам. гл. 33.

53.

Люди, преданные грубой чувственности, не могли цѣнить нравственныхъ достоинствъ наставника своего. Ихъ занимала только виѣшность его. *Тедэ уулэрун*: *Чину саин быи ячун-еце болбай?* На вопросъ этотъ учитель отвѣчалъ: *би арбан хара ниула тебчин, арбан цапан буини эдлен, джурган барамиди эдлеку номламой....» ет сает.* Я воздерживался отъ десяти черныхъ грѣховъ, я стяжалъ десять доблестей, исполнилъ шесть барамитовъ и теперь стараюсь о распространеніи законовъ.

54.

По сказанію Чихула кереглекчи, первый изъ потомковъ Шара бычин Мандзы, удостоившійся избранія на царство, былъ *Олона урукдексен хаган* — царь превознесенный. За нимъ преемственно слѣдовали: *Удзескементу герыл* — прелестный свѣтъ, *Буинту хан* — благій царь, далѣе *Дегеду буинту* и наконецъ *Теткуи асаракчи хутукту* — благомысливый споспѣшникъ. Всѣ они считаются царями перваго вѣка — *Анхан галабун*, предшествовавшаго золотому вѣку.

55.

О Загарвадонѣ, стоящемъ во главѣ царей золотого вѣка — *саин цагун*, сказано: *Нами кегу ке-*

леку хаган-ану дурбен тиби эдзлекчи, алтан кур-
дуту хаган бой. Чихула кергелечки, стр. 36.

36.

Баньди, иначе Ховараки, состоятъ при ка-
шицахъ и исправляютъ низшія служебныя обязан-
ности.

37.

Описаніемъ золотаго вѣка и относящихся къ
нему важнѣйшихъ событій занимается: *Сапан ца-
гун миган бурхан судер*. Эту книгу рекомендуемъ
любопытнымъ читателямъ.

38.

Существованіе міра ограничено шестью Гала-
бами, или періодами.

1) *Токтахой галаб* — періодъ основанія, об-
нимаетъ время отъ появленія стихій воздуха до
образованія адскихъ существъ: *иен теригуне кей
мандал токтоксан еце, тамойи амитан шину ту-
рукуй куртеле*.

2) *Орошихой галаб* — періодъ населенія;
получивъ начало свое, когда люди жили безчис-
ленные годы, вѣкъ этотъ окончится, когда ста-
нутъ они жить не долѣе десяти годовъ: *Дзамбу
тибуи кумун амитан тою томии угей насолхой
— еце, арбаи насолхой куртеле бою*.

3) *Думдату, эсебесу дзаурату галаб* — періодъ промежуточный, или средній будетъ имѣть обратное дѣйствіе. Люди отъ 10-ти лѣтняго продолженія жизни перейдутъ постепенно къ 80-ти тысячному: *арбан насолхой—еще дегекши немеджу, найман тумун насолхой куртеле бою.*

4) *Эбдеркуйн галаб* — періодъ разрушенія, отъ времени опустошенія земли мечемъ, до времени опустошенія ея огнемъ и водою—*мысу-бер эбдерку-еще, гал-ба усубер эбдеркуй куртеле.*

5) *Хогосун галаб* — періодъ пустоты, простираться будетъ отъ времени разрушенія міра огнемъ и водою, до возстановленія въ прежнемъ видѣ воздуха. *Гал осунь-ер эбдереджу, бараксану хоина кейн мандал токтахойн теригун куртеле бою.*

6) *Ике галаб*—великій періодъ, отъ возстановленія воздуха, до окончанія періода пустоты: *Нен теригун зокіакчи кей мандал токтакан-еще хогосон галабун эцуе куртеле бою.*

Этотъ шестой галабъ — великій, заключаетъ въ себѣ 80, а остальные пять по 20 малыхъ галабовъ. И каждый изъ нихъ, обнимая 500 лѣтній періодъ времени, долженъ сопровождаться чувствительнымъ для міра потрясеніемъ. Съ послѣднимъ же галабомъ всѣ силы природы возматутся и міръ нашъ разрушится. Чит. Салаи мецев зокіак-

сап Ном; Чихула кереглекчи стр. 34, и Кайба джумнейи дадь-икъ гл. 3, стр. 43, Косм. Буд. Ков. §43.

59.

Пять боговъ вѣнца — *тителсуи табуи бурхан*, размѣщаются такимъ образомъ: по срединѣ вѣнца сидитъ Бирюзана, передъ нимъ на Восточной сторонѣ — Абида; на Западной Очир-сидова; на двухъ остальныхъ странахъ — Радна-самбоба и Амога-сиди. Въ книгахъ Буддѣйскихъ пространно толкуется о достоинствахъ боговъ сихъ; по сущность толкованій выражаютъ слѣдующія слова: *ие табуи аймак Бурхан-ану эускел тегускел уйледумой, эдебер хамок иртынциуй хубилаксан, кумун туруксен бой*. То есть: эти пять боговъ все начинаютъ и все совершаютъ: они образовали міръ и родили человѣка. см. М. Гам. л. 19, Кайба джумнейи дадь-икъ гл. V. л. 7.

60.

О совершенствахъ Абиды даютъ понятіе приписываемые ему Буддѣйскими книгами эпитеты, каковы напримѣръ: 1) *Теригулеши угей* — безначальный; 2) *Дегере угей дегеду бурхан* — всевышній Богъ; 3) *Хамок иртынциуйи хубилаксан* — зиждитель всѣхъ міровъ; 4) *Тоголаши угей галабуди зубур деген хуриаксан* — вмѣщающій въ себя безчисленные вѣка; 5) *Хамок айладакчи, хамои уйледукчи булет* —

всевидающей, вся действующей: 6) *Буини цацаргулакчи, хамоги болбасоргулакчи*—насадитель добра и виновникъ всякаго бытія; 7) *Хотолойги барикчи, хамоги эркедор-ен хуриакчи*—все содержащей и все властію своею объемлющей и проч.

Къ тому, для доставленія понятія о Богѣ, дѣлаются разныя примѣненія къ зримой природѣ. *Мани пактарь* особенно взбѣзаетъ ими. Тамъ встрѣчаемъ слѣдующія апотегмы: Легче исчислить звѣзды небесныя, нежели опредѣлить свойства Божія—*бурхану чинари тоголан ули улу чидая*. Удобнѣе по атому разложить всю землю—*ниджигет, ниджигетъ-ер цум бурине*, нежели постигнуть премудрость Божію—*бурхану эрдем билыги*. Можно перечесть капли 12-тилѣтняго дождя—*арбан хоир джилдор ороксан хурейги*, но не достанеть ни у кого силъ, чтобъ опредѣлить мѣру благотворительности хотя одного изъ шести священныхъ словъ—*мани еце ниген усугун ачи тусейги тоголаху*. Кто въ состояніи исчерпать воду морскую, всброситъ на воздухъ капли ея и перечесть ихъ — *гадагаду далайи осуи-ги цум бурине дегекшиде цацогат, ниген осуи дусул болган тоголан чидая?* Но пусть и найдется такой исполнить; однакожь и ему не удастся никогда опредѣлить свойства Шакшабадовъ. См. Мани Гам. и Мани пактарь.

61.

Читателямъ, желающимъ повѣрить сказанія наши объ Абидѣ и его свойствахъ, рекомендуемъ: 1) Абидейи шинготъ, 2) Абидейи намтаръ, 3) Дотогаду номъ. Послѣдняя изъ сихъ книгъ считается таинственною и Буддисты очень дорожатъ ею.

62.

Въ Манни намтаръ, между прочимъ сказано: *Абида бурхан хорин табун таріаланун орон убур деген хуріан* т. е. вмѣщаетъ въ себя самомъ 25-ть райскихъ мѣстъ.

63.

Г. Васильевъ, изъ сочиненія котораго заимствуемъ сказаніе о Шакгемуни, говоритъ: «слово *Будда* въ первоначальномъ своемъ значеніи не имѣетъ въ себя ничего божественнаго», это просто значитъ—мудрый (Кит. шакъ), и ни при жизни, ни въ ближайшія времена послѣ смерти, Шакге-ямуни, при всемъ почетѣ, которымъ онъ пользовался, не могъ имѣть большихъ претензій. Будд. ч. 1. стр. 12.

64.

Въ лицѣ Будды, перваго періода ханаяны, видѣнъ человекъ, умѣвшій освободить себя отъ узъ Сансары, или житейской суеты; но человекъ

этотъ не властитель міра и не дѣлается такимъ по смерти, или въ Нирванѣ. Будда втораго періода — Махаяны, уже въ общеніи со всѣми мірами; онъ и по смерти удерживаетъ свой авторитетъ, свою личность; только начало жизни его не простирается вдаль, и это обстоятельство еще сближаетъ его съ обыкновенными смертными. Наконецъ Будда послѣдняго, въ мистицизмъ погруженнаго періода, существуетъ съ незапамятныхъ временъ и, какъ бы искони вѣка, удерживаетъ за собою божескія права и атрибуты. Будд. Вас. ч. 1. стр. 12.

65.

Первый періодъ, ограничиваемый почти однимъ столѣтіемъ, представляетъ вѣру въ формѣ патриархальности. Другой періодъ есть время спора. Тутъ предпринимаются соборы, разбираются противорѣчія и стараются о сближеніи враждующихъ партій. Въ третьемъ періодѣ каждая изъ 18-ти школъ, удержавъ свои отличительныя черты, продолжаетъ мирно наслаждаться существованіемъ до соединенія въ двѣ главныя вѣтви Вайбашиковъ и Саутрантиковъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовалась новая система, извѣстная подъ именемъ Махаяны, или новаго Буддизма. Богатыя свѣденія, относящіяся къ этому предмету, читатель найдетъ въ сочиненіи г. Васильева, въ статьѣ

Хинаяна, или первоначальный Буддизмъ. Ч. 1.
стр. 9-32.

66.

О смерти Шигемуни въ Санан-цемень, на стр. 10-й сказано: *наин насот-даган нирвану дурри аббай*. Это же повторяетъ и Кайба джумнейн дагъ-икъ въ гл. 1. л. 11. Въ послѣдней книгѣ перечисляются и преемники Шигемуни.

Чтожъ касается до прочихъ Буддъ, принадлежащихъ къ составу пришедшей седемьрицы: то сказанія объ нихъ походятъ на сонный бредъ. Даже имена Буддъ сихъ извращаются и парафразируются различными манерами. Для примѣра представляемъ изъясненіе именъ, встрѣчающихся на 50-мъ листѣ Улигерун далай.

- 1) Шиги, разрушитель суетнаго міра, *орчилани абдекчи*.
- 2) Бисваво, златомощный, *алтан чидакчи*.
- 3) Гана-гамони, ясновидящій, *машида удзекчи*.
- 4) Гарга-сонди, вѣнчаннѣй, *остнирту*.
- 5) Гашибъ, покровитель и хранитель всѣхъ, *хамон ибегекчи* и т. д.

Дальнѣйшія свѣденія о богахъ сихъ заключаются въ томъ, что міръ нашъ въ правленіе однихъ изъ нихъ шель къ совершенству, при другихъ къ упадку-*те,уничилеп немекуй багурахой-бер саин цагун минган бурхану галаб болху-еце иренкуй дза-*

*римут... теригутен дологан бурхан-ану нукчиксен
болай. Санан цецен л. 8.*

67.

Тибетскіе термины, которыми нестрѣтеь статья наша о богахъ, конечно не для всѣхъ удобопонятны. А потому не лишнимъ находимъ объяснить ихъ по разуму Буддійскихъ веологовъ. Дѣло это начнемъ съ низшей ступени.

1) *Тенгеринь*, или тенгрін. Подъ именемъ ихъ разумѣютъ духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, обитающихъ на горѣ Сумберѣ и вообще въ горахъ, лѣсахъ, воздухѣ и т. под.

2) *Хубилмань* понимаются вообще въ смыслѣ перерожденцевъ.

3) *Хутукты*, *Брадиабуты* и *Бутхалисы* признаются за святыхъ, прославившихся добрыми дѣлами и подвижничествомъ.

4) *Шаваранъ*, или Шравакъ, есть такое существо, которое удостоилось слышать глаголы премудрости изъ устъ самаго Будды и которое потомъ исполняло, или исполняетъ должность посланника и проповѣдника. Шраваками на томъ свѣтѣ чаще всего дѣлаются буддійскіе жрецы; но первенство остается за 16-ю учениками Шигемуни.

5) *Бодисады* и *Махасады* считаются родомъ

божнмъ—*бурхану ундесун*—*даки*, ближайшими къ богамъ и какъ бы полубогами.

6) *Будды*, или *Бурханы* суть верховныя и блаженнѣйшія существа. Кайба джум. л. 2—9.

Что касается до происхожденія этихъ существъ, то за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ упоминали мы въ своемъ сочиненіи, всѣ прочія рождены бѣлыми и зелеными Дарами. Матерей сихъ считается 42, и онѣ составляютъ что-то среднее между богами и людьми и суть тѣлесно-духовныя.

68.

Не лишне замѣтить, что всѣ второстепенныя Бурханы, въ томъ числѣ и господствующіе надъ одушевленными тварями, по сотвореніи своемъ, клятвенно обязывались предъ Абидою быть вѣрными исполнителями воли его. Такъ, Хормусда далъ обѣтъ предотвращать и погашать въ Тенгеринахъ всякую похоть, всякій нечистый помысль—*дора унахойи дзоболани аморлиулху*. Рахули (иначе Бималазедери) обѣщала удерживать Асуриновъ въ указанныхъ имъ предѣлахъ и споспѣшествовать благу ихъ—*баилдатану дзоболан—еще тонилху*, конечно на пути перерожденій. Шигемунъ въ свою очередь принялъ на себя заботу о родѣ человѣческомъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни каждаго недѣлнмаго, отъ колыбели до гроба—*укуку, утулку*,

эбутку, укукойи дзоболани аморлиулуху. Тоже сдѣлали и всѣ прочіе боги (Мани Гамбу гл. 1).

69.

О горѣ Сумберѣ (Сумеру, мэру) часто приходится намъ упоминать. Буддисты называютъ ее царемъ горъ—*агуласун ханъ*, и горою средиземною. Но существуетъ ли она въ мірѣ и подѣ какимъ именемъ? Толковъ объ этомъ предметѣ множество. Кайба джумнейн—даг—икъ (гл. 111) сообщаетъ о Сумберѣ слѣдующія свѣденія: 1, Сумберъ находится во второмъ міровомъ отдѣлѣ, или иначе въ мірѣ стихійномъ—*хоир догар саба иртыицу—дор... шитуксен орон—ану Сумбер агула...* 2, Гора эта въ вышину 100 т. беровъ и на 80 т. погружена въ бездну водъ. 3, Она четырехсторонняя и состоитъ изъ 4-хъ ярусовъ—*дурбульджин, дурбен уиту*. 4, Около Сумбера совершаютъ теченіе свое солнце и луна—*сумберун думдагура наран сара бой*. 5, Въ первомъ ярусѣ Сумбера обитаютъ Якчисы, держащіе въ рукахъ своихъ сосуды—*тебин барикчи*; во второмъ Якчисы съ четками—*эрикэ барикчи*; въ третьемъ Якчисы, вѣчно пьяные—*на-сода соктокчи*; въ послѣднемъ четыре Махаранзы—*дурбен махаранзойн тенгеринеръ*; наконецъ на самой вершинѣ горы живетъ Хормусда съ 33-мя избранными Тенгеринами. Выслушавши такой раз-

сказъ, нельзя кажется сомнѣваться, что Буд. Олимпъ существуетъ лишь въ воображеніи. Впрочемъ Fg. Paullinus гору Сумберъ считаетъ за одно съ Гамалаемъ и въ подтвержденіе мысли своей говоритъ: *Montem Merum fere medio inter fontes Indi atque Gangis spatio sitam esse. Syst. Brach. p. 130.* А Ламы, съ которыми случилось мнѣ вступать въ ученую бесѣду, держатся той мысли, что подъ именемъ Сумбера, въ смыслѣ поэтическомъ, разумѣется вся наша планета; окружающіе же гору сію тибы, суть не иное что, какъ страны свѣта.

70.

Тенгеринны раздѣляются: 1, по различію міровъ и странъ, къ которымъ они принадлежать; 2, по внѣшнему виду и внутреннимъ свойствамъ; 3, по степени блаженства, коимъ пользуются они и по отношеніямъ своимъ къ другимъ тварямъ.

Таковы напримѣръ:

- a) Тенгеринны амарамакскіе.
- b) Тенгеринны, имѣющіе видъ опредѣленный—*дурсуту*.
- c) Тенгеринны, неимѣющіе опредѣленнаго вида—*дурсу угей*.

Эти три рода вновь подраздѣляются: первый на шесть классовъ (*аймакъ*), второй на семнадцать, а третій на четыре. И такому дробленію

пѣтъ числа. Но среди легионовъ сихъ, первое мѣсто въ стихійномъ мѣрѣ занимаютъ тѣ 33 героя, которые на Сумберѣ подвизаются вмѣстѣ съ Хормуздою. Въ эту послѣднюю категорию входятъ: а, *эдуи найман тенгери*, т. е. восемь начальниковъ, или архонитовъ: б, *нарану арбан хоур кубегун* — 12-ть сыновъ солнца: в, *арбан ниен докшин* — 11-ть грозныхъ; г, *Асованин хоур дзалагу кубегун* — двое юныхъ сыновъ Асовани. См. Кайба гл. 111. л. 35. Косм. г. Ков. § 20.

71.

О духахъ дѣвахъ—*укин тенгери* часто говорится въ Буд. книгахъ. Въ Дары, въ томъ числѣ и Ракчиса, считающаяся праматерью человѣческаго рода, понимаются въ качествѣ духовъ женскаго пола.

72.

Въ смыслѣ Буддйскаго вѣроученія, для чловѣка блаженныя страны доступны, нежели для Тенгерина. И Тенгеринъ перерождается чловѣкомъ не иначе, какъ за заслуги. Въ противномъ случаѣ онъ можетъ сдѣлаться Асуріемъ, биритомъ и попасть во адъ.

73.

Г. Шмидтъ Буддйское ученіе о Хормусдѣ, съ его 33-мя ассистентами, выводитъ изъ Зороастро-

ва ученія. Въ Хормусдѣ виднѣть онѣ Персидскаго Ормузда (Hormasdes), а въ соперникѣ его Рахулѣ— Аримана. Что же касается до войны Асуриновъ съ Тенгеринами и съ царями драконовъ, то желающій получить о ней понятіе можетъ прочесть отрывокъ изъ Чихула келеглекчи, содержащійся въ Буд. Косм. г. Ков. 8. 21.

74.

Нѣтъ сомнѣній, что въ Тенгеринахъ и Асуринахъ представляются идеалы добра и зла, духа и матеріи, разсудка и страстей (*affectuum et rationis*) и та взаимная борьба ихъ, о которой такъ много говорили поэты и философы всѣхъ странъ и вѣковъ. Напр. *Terra atollere se supra ignem suum conatur, et caenum hoc supra coelum. Anima generis aetherei memor, contra stat, et secretum gannit in avrem. Nunc perplexa inter se tumultuantium seditio.* Pers. sat. 5. *Lip. in const.* Особенно богата мыслями такими философія Стоическая и Платоническая. А сколько относящихся сюда іероглифовъ, эмблемъ и символовъ, начиная а *Cisopia Aegyptiogram belligerante cum serpente*, представляеть намъ языческая древность!

75.

Страны свѣта, иначе тибы (*тибь*) описываются въ Буд. книгахъ съ изумительнымъ невѣже-

ствомъ. Такъ о Замбутибѣ, или Южныхъ странахъ говорится, что онѣ представляютъ кругъ, окружность котораго равняется шести съ половиною милямъ (*беръ берэ*), что ростъ тамошнихъ людей въ 4 локтя, а вѣкъ ихъ не подчиненъ опредѣленному закону. Тибъ восточный треугольный и занимаетъ пространство на 6350 миль. Люди этого тибъ ростомъ вдвое больше противу жителей Южныхъ и живутъ по 250 лѣтъ. Сѣверный, худо-гласый (*магу дагугу*) тибъ есть квадратъ въ 8 т. миль. Люди живутъ въ немъ по тысячѣ лѣтъ, а ростомъ они въ 32 локтя! Все это, и даже гораздо больше, найдете читатель въ Чихула келеглекчи.

76.

Кому недоступны Буд. подлинники, тотъ удовлетворить своему любопытству, прочитавши Буд. Косм. г. Ков. хотя одинъ 27 параграфъ.

77.

О Западномъ тибѣ сказано, что онъ составляетъ квадратъ въ 5500 беровъ. Мѣра эта, часто встрѣчающаяся, до нынѣ не опредѣлена съ точностію. Шлегель полагаетъ въ одномъ берѣ 8 т. саж. По другимъ беръ равняется $4\frac{1}{2}$ Нѣмецк. мил. А Бойнъ говоритъ, что беръ есть *distantia, aequans undecim milliarum Anglicarum, secundum alios*

quatuor, aut quinque milliaria anglica. Но Монголы принимаютъ беръ за 8-ми верстную дистанцію.

78.

Въ Буд. Косм. г. Проф. Кавалев. въ § 33-мъ, о Биритахъ сказано между прочимъ слѣдующее : «За пятьсотъ миль подъ городомъ Раджагриха находится городъ Биритовъ Кабали, въ которомъ имѣеть свое пребываніе верховный ихъ повелитель Номунъ Эрликъ, съ 36-ю сподвижниками. Тамъ Гадагаду туйдукчи-бириты не могутъ ни ѣсть, ни пить. Тамъ, когда Дотогаду туйдукчи-бириты захотятъ принять пищу, то ротъ ихъ дѣлается такъ малъ, какъ игольница уши, а горло какъ волосъ; если же успѣютъ принять пищу, то чрево ихъ, сдѣлавшись подобнымъ горѣ, ничѣмъ не можетъ быть насыщено, а если оно и наполнится, то ноги дѣлаются тонкими, какъ спичка, или какъ трава-*дэрэсу* (ковыль), и не могутъ поддерживать всей тяжести тѣла. Обыкновенную пищу Биритовъ составляютъ искры раскаленного чугуна, отъ которыхъ у нихъ горятъ всѣ члены. Впрочемъ Бириты, разсѣянные въ обиталищахъ человѣковъ, часто принимаютъ на себя видъ труповъ, или какихъ нибудь чудовищ. Жизнь ихъ продолжается до 500 лѣтъ, полагая каждый день за нашъ мѣсяцъ. Въ область Биритовъ низвергаются души

завистливыхъ, не подающихъ милостыни, грабителей и прелюболюбевъ.»

79.

Совершая теченіе свое подъ вліяніемъ воздуха, солнце шесть мѣсяцевъ идетъ въ одну сторону и шесть въ другую. И когда стремится оно къ Сѣверу, дни возрастаютъ; напротивъ при уклоненіи на Югъ, сокращаются и влекуть къ намъ зиму. Прочіе законы этого свѣтила можно видѣть въ Чихула кереклекчи.

80.

Дворцы солнечные такъ расположены: на Сѣверѣ красуется золотой, на Востокѣ серебряный, на Югѣ лазуриковый, на Западѣ хрустальный. Такіе же дворцы находятся и на лунѣ, предоставленные въ распоряженіе тамошнихъ Тенгериновъ.

81.

Книги Буддійскія число звѣздъ опредѣляютъ 285 милліонами. Вотъ собственныя слова текста: *хоир дунчур, найман культи (джива) табуи сайе.* Чпх. кер. л. 15. Зап. Каз. Ун. кн. 4. стр. 286 за 1855 годъ

82.

Міръ нашъ представляется въ видѣ плоскости

разбитой на многія части, но въ общей своей массѣ удерживающей единство и окруженной непрерывною цѣпью горъ и даже желѣзными стѣнами. Сверху же сего оплота, именно въ разстояніи 40 т. миль, налегаютъ на земную атмосферу массы другихъ міровъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ разстояніяхъ, пропорціонально возрастающихъ по мѣрѣ отдаленія ихъ отъ земли. Чихула кереглекчи пространно объ этомъ предметѣ толкуеть. Довольныя свѣденія находятся и въ Буд. Косм. г. Ков. § 31. Къ тому не лишне имѣть въ виду вышеизложенное 24 примѣчаніе, гдѣ говорили мы о составѣ міровъ.

83.

Въ разрядъ злыхъ смертей входятъ не только наглыя, или скоропостижныя смерти — *генете укуку*, но и тѣ, которымъ предшествуютъ уничтожительныя для разумнаго существа страданія, какъ то: сумасшествіе *omnesque foetidi et squalidi characteris morbi*, извѣстныя у Монголовъ подъ общимъ именемъ *будинерун збучин*.

84.

Въ настоящее время духовная надъ Сибирскими Буддистами власть сосредоточена въ лицѣ Бандиды Гован хамбо Чойван Доржини Иши-джимцейна.

85.

Сущность обѣтовъ, принимаемыхъ Гелунами, Гелунами и прочими духовнаго чина лицами составляютъ: чистота, безстрастіе, блгительность, милосердіе. Последняя добродѣтель (*инагункии мур*) простирается на все, имѣющее жизнь. И кто вѣрнень ей, тотъ не можетъ ступить не увѣрившись напередъ, что ни одно насѣкомое не потерпитъ отъ него вреда.

86.

Обязанности, въ числѣ 253, возлагаемыя на Гелуна, подробно опредѣляютъ все то, что онъ долженъ говорить, дѣлать и мыслить. Кайба джумнейн даг-икъ, исчисливъ ихъ въ IV томѣ, на стр. 31, такъ заключаетъ: *Тедегери кеб-кеджіеде тебчин уй-леткуйи хоур дзагун табин турбан цагаза болай*. А чтобъ облегчить трудъ исполненія столь многихъ обязанностей, установлены два обряда. Первый—*соджину хуралъ*, совершается каждомѣсячно, въ 15 число. Характеръ его покаянный, или очистительный для всѣхъ грѣховъ, сдѣланныхъ въ теченіе мѣсяца. Такое значеніе службы выражается словами: *Санвар селбин наманчилху*. И дѣйствительно, Гелуны, совершивъ установленныя молитвы, каются предъ старѣйшимъ въ грѣхахъ своихъ и получаютъ отъ него разрѣшеніе, или подвергаются азитимін. Почему на сей разъ и въ капище ни-

кто, кромѣ Гелуновъ, не допускается. Другой обрядъ — *принейи хураль*, примѣненъ къ лѣтнимъ мѣсяцамъ, и важенъ для ламъ въ томъ отношеніи, что обогащаетъ ихъ мудрыми уроками, при вниманіи къ которымъ всякое попятное считается не возможнымъ. Безпечнымъ же и злопавнымъ грозятъ: *засамаху*, *улдеку*, *гарлаху*, т. е. запрещеніемъ, отлученіемъ и наконецъ совершеннымъ изгнаніемъ изъ общества. См. кайб. джум. л. 57.

87.

Перечень дацановъ, находящихся въ Сибири, приложена къ статьѣ, гдѣ говорится о распространеніи Буддизма.

88.

По сказанію книги Улигерун далай, Шигемунію сопровождали 1200 Гелуновъ. Въ другихъ же сутрахъ о Гелунахъ ни слова не говорится, а указывается лишь на шараваковъ или слушателей, и число ихъ опредѣляется 1250 человекими. Въ числѣ ихъ стоитъ Ананда, двоюродный братъ Будды. Далѣе является сынъ Будды, Рахула, съ другими знаменитыми поборниками Буддизма.

89.

Въ числѣ жертвъ, три считаются приношеніемъ отъ морей: вѣшняго—*арамъ*, внутренняго—*ба-*

диль, и увеселительнаго—*цешелуль*. Всѣ же вообще жертвы имѣютъ таинственное значеніе, указуемое книгою Мигримъ джидримъ.

90.

Жертвенную воду составляетъ бумбейн аршіанъ, получаемый чрезъ освященіе Толи.

91.

Можно допустить, что предметы Буддѣйской символики, имѣютъ отношеніе къ тѣмъ знакамъ, которыми иѣкогда отличали себя секты; а можетъ быть и къ тѣмъ обстоятельствамъ, подъ вліяніемъ которыхъ возникли онѣ и существовали.

92.

Знаки додекады суть слѣдующіе: *барасъ*, *тулей*, *лу*, *могой*, *моринъ*, *хопи*, *бычи*, *такія*, *нохой*, *лахай*, *холоуна*, *укырь*; т. е. тигръ, заяць, драконъ, змѣя, конь, овца, дикій человекъ, пѣтухъ, собака, свинья, мышь, корова.

93.

Вопреки убѣжденіямъ Буддистовъ въ подлинности Ганджура, ученія изслѣдованія не оставляютъ за нимъ этого авторитета. Такъ у г. Васильева въ статьѣ о первоначальномъ Буддизмѣ встрѣчаются слѣдующія мысли: 1) Шигемуни и близкіе къ нему послѣдователи его не оставили

послѣ себя никакихъ письменныхъ памятниковъ. 2) Въ вѣкъ Шигемунія (а онъ по Кит. лѣтописямъ родился въ 26 лѣто царствованія Джас-ванъ; слѣд. въ 1027 году до Р. Хр.), письменность даже не существовала въ Индіи, и появилась тамъ, десятикомъ столѣтій позже Буддизма. 3) Во весь этотъ періодъ, Буддизмъ, водимый лишь преданіями, развивался не столько изъ собственныхъ началъ, сколько подъ вліяніемъ стороннимъ, усвоивъ и перелбывая чуждыя идеи. 4) Можно думать, что Буддисты, распространяясь на Западъ отъ Мегады, первые познакомились съ Греческою письменностію въ Бактріи (?), и примѣнивъ ее къ своему языку, взялись за трудъ составленія многочисленныхъ сутръ. 5) Но кто первый сталъ ихъ издавать и въ какомъ мѣстѣ явились онѣ? Эта трудная задача не иначе можетъ быть рѣшена, какъ чрезъ сличеніе всѣхъ тѣхъ книгъ, которыя принимаются въ Буддизмѣ за коренное начало правилъ вѣры и правственности. Ч. 1. стр. 22-28.

94.

Сказанное о Ганджурѣ надлежитъ примѣнять и къ Данджурѣ. Ибо происхожденіе и постепенное развитіе этого огромнаго комментарія покрыто столь же глубокимъ мракомъ, какимъ покрываются и книги Ганджура. А кто желаетъ имѣть опредѣ-

лительное понятие о составителях Данджура, тому не лишне заглянуть въ Кайба джумнейн лаг-икъ гл. IX. Тутъ описаны всѣ ихъ чудеса и даже указывается на многія открытыя имъ тайнства.

95.

Ламисты эпитеть *турбан аймакъ саба* по преимуществу относятъ къ первой части Ганджура. Вторую же часть называютъ *Дурбен дандрисъ*—четыре корня; а послѣднюю *боди дзугун номъ*—святой страны ученіе (см. Кайба Дж. гл. 1. л. 11). Но Индійскій Буддизмъ въ раздѣленіи Ганджура допускаетъ разность ежели не реальную, то номинальную. Вотъ слова Бюрнуфа, касающіяся сего предмета: *Ees livres qui subsistent aujourdhui se divisent en trois classes, nommées collectivement Tripitaca, c'est-a-dire «les trois corbeilles ou recueils». Ces trois classes sont le sûtra pitaca ou les Discours de Buddha, le Vinya pitaca ou la Discipline, et l'Abhidharta pitaca ou les Lois manifestées, c'est-a-dire la metaphysique. Cette division qui est justifiée par des textes est une des bases de la classification du Kah-gyur, (Hist. Bud. Ind. p. 35).*

Г. Васильевъ, указывая на это раздѣленіе, говоритъ: по общему выраженію, принятому всеми Буддистами и постоянно встрѣчаемому въ ихъ

книгахъ, вся литература Буддйская раздѣляется на три отдѣла, которые они называютъ *три ни-таки*—три короба, или какъ мы приняли называть, три сосуда: потому что для хранения книгъ, состоявшихъ изъ отдѣльныхъ пальмовыхъ листовъ, не прилѣпленныхъ другъ къ другу (что удержали по нынѣ и Тибетцы и Монголы, употребляющіе уже бумагу), употреблялись корзины, допущенныя послѣ въ скарбъ Бикшу. Ч. 1, 108.

96.

Шигемуни наиболѣе прославилъ себя въ борьбѣ съ Шаманами—*диртигенерун джурган бакши*. Въ этотъ-то періодъ произведены имъ самыя дивныя чудеса, въ томъ числѣ и слѣдующія:

1. Однажды послѣ богатаго пира въ области, называемой *Шара васун балмасунъ*, вздумалось ему воткнуть зубочистку свою въ землю. Зубочистка разцвѣла, возрасла и принесла дивные плоды.

2. Въ той же странѣ произвелъ онѣ двѣ горы, изъ которыхъ одна наполнена безчисленными сокровищами, а другая покрывается цвѣтами и травами, врачующими всѣ недуги.

3. Въ изъявленіе благодарности Хану Санджи нади, Шигемуни, пополоскавъ ротъ, произвелъ озеро, обогатившее всю страну.

4. Такое же благодѣяніе оказалъ и Нинде-

вами, проведши по области его однимъ мановеніемъ восемь большихъ рѣкъ.

5. Бывши у Хана Аригун—углигету, Шигемуни испустили изо рта необычайный свѣтъ, который озаривъ міръ, уврачевалъ всѣ недуги: *Хамок амитану дзобалани эдегебей*.

6. Въ предѣлахъ Лизей—ори, въ память посѣщенія своего, Шигемуни надѣлилъ всѣхъ тамошнихъ обитателей способностію узнавать, что мыслятъ другіе: *ниен нигену сеткиксеи медеку адистиди убей*. И люди эти за такое благодѣяніе прославили Бога—*хамои меден, Бурхани мактабай*.

7. Въ дальнѣйшихъ странствованіяхъ своихъ, представилъ онъ изъ себя Загарвадон хана, показалъ тысячу сыновъ его и открылъ семь сокровищъ.

8. Послѣ пораженія Шамановъ, Шигемуни проявилъ все величіе Будды. Волоса его сдѣлались свѣтозарными, и отразили образъ его на тверди небесной, гдѣ числѣ 38 тысячъ. Улиг. далай гл. 3.

По чудесамъ симъ судить можно и о всѣхъ прочихъ дѣяніяхъ, приписываемыхъ Шигемунію.

97.

Въ области Буддизма допущены разныя ученныя степени. На высшей поставляется *Лхарамба*, котораго познанія чуть не безконечны; ибо обшир-

постию онѣ равняются пространству неба. Второе мѣсто занимаетъ *Дорамба*. Это воплощенный Ганджуръ—данжуръ. Каждое слово начертано въ его умѣ и памяти. И въ знаменіе этой необычайной мудрости, Дорамба носить на хребтѣ своемъ и на груди точно такія доски, какими облагаются Буддійскія книги. Третія ученая степень даетъ титулъ *Ман—римбы*, ручающійся за опытность адепта въ дѣлѣ врачеванія всѣхъ недуговъ. Далѣе по нисходящей линіи слѣдуютъ: *Мигримба*, *Джидримба*, *Дзок—римба*, *Юго—зари*, *Гешши*, *Габджи* и *Ранджинба*. Всѣ они обладаютъ большимъ, или меньшимъ знаніемъ таинъ вѣры, силъ природы, а также путей перерожденія и преселенія, которыми ведутся существа къ предназначенной имъ цѣли. Общество только ученыхъ мужей существуетъ, какъ полагаютъ, только въ Тибетѣ, и оно тамъ извѣстно подъ именемъ *цанит чойръ*, т. е., Богослововъ. Ибо Монголы Тибетское названіе переводятъ словами: *Бурхану чинар былейин делгерулку*.

98.

Подлинный текстъ рѣчи такой: *Сансарун да-лай-дор саба болоксан, саба ике иртынцу — дор итегел болоксан, генелту нурбан магой заман-еце гетумен, тонилмакчи геген тонголак хутуктан, хубарагут кигет, эдзен илете ачиту ундесун лама-*

гудои эмене (за сямъ произносятся собственные имена), *ыйма, ыйма перелен кемекдеку углиейн эдзет—ину, эне насон—даган гай барцат—угей булет, эцус хочуйн насон даган тогулаксан буржану эрденити боди хутуктор куркуйн—тола, мандза дзет селтеши эргумой...* *Аборал—дор—ен бактаган, айлат, айлат айлатхалун эргуце—ину мандза, дзет селтеши эргумой.* Здѣсь глашатай перечисляетъ всѣ приношенія, въ чемъ бы онѣ ни заключались.

99.

Рѣшаясь дать понятіе о музыкальныхъ орудіяхъ, употребляемыхъ въ капищахъ, начинаемъ съ Харонги.

1) *Харонга* походить на сковороду. Дуганчи, или пономарь, предъ утреннею службою выносить ее изъ капища и, читая молитву, медленно ударяетъ булавою нѣсколько разовъ, число которыхъ опредѣляется уставомъ — *Джанцун юсогар*. И позову сему, прежде всѣхъ является Гебгой, какъ блюститель порядка; а за тѣмъ начинаютъ приходить и другіе служители капища, отъ младшихъ до старшихъ.

2) *Ганди-модо*. Это деревянное клепало замѣняетъ собою харонгу при совершеніи службъ особой важности, каковымъ наприм. считается Соджину хураль. Младшій изъ Гелуновъ, облекшись

въ священныя одежды, взявъ орудіе и положивъ конецъ его на лѣвое плечо, становится на капищномъ крыльцѣ и отсчитываетъ опредѣленное число ударовъ, соображаясь съ текстомъ молитвы, которую обязанъ онъ въ это время читать.

3) *Дунаръ*, *Дум-бурр* — раковины двухъ сортовъ. Однѣ изъ нихъ считаются, по Монгольской Конгіологіи, принадлежащими къ породѣ овечьей — *хонши*, а другія къ козьей — *яман*. Въ сущности же, первыя принадлежатъ къ роду конусовъ, или вавилонскихъ Плевротомовъ, а послѣднія къ Трифонамъ. И оба вида служатъ вмѣсто трубъ и часто замѣняютъ собою харонгу.

4) *Хонхо* — колокольчикъ, на поверхности котораго изображается Урунджинъ, или облачальный принадлежности Докшитскаго чина, и начертывается молитва, извѣстная подъ именемъ Мани, т. е. *ом*, *ма*, *ни*, *бад*, *ме*, *хом*; а внутри: *ом*, *хом*, *драм*, *хри* — слова, дающія понятіе о четырехъ главныхъ божескихъ свойствахъ: *Аморлиной*, *делгеренуй*, *эрке*, *докшин*. Вмѣсто же рукояти, служитъ изображеніе богини Дары, увѣчанной очиромъ (*sceptrum*), какъ эмблемою власти, какую имѣютъ по преимуществу боги вѣнца; почему и называется она въ этомъ случаѣ Очир-Дарою. *Хонхо* вообще имѣетъ большое значеніе; ибо безъ него не совершается ни одна служба, и онъ

одинъ можетъ замѣнять собою всѣ музыкальныя орудія; равно какъ очиромъ при нуждѣ замѣняются всѣ капищныя принадлежности.

5) *Дамара* — бубенчакъ, составленный изъ двухъ сосудцевъ, для выраженія той мысли, что мѣръ небесный и земный (*саба шими иртыңу*) взаимно связуются и что совершаемое на землѣ отзывается въ небесахъ и обратно.

6) *Кенерге*—большой, плоскій барабанъ.

7) *Дударма*—малый барабанъ.

8) *Селнины* и *цаны* составляютъ родъ тимпановъ, производящихъ звукъ, одинъ при ихъ потрясеніи, другія при взаимномъ удареніи.

9) *Укырь-бурь*, труба-корова, вполне соответствующая своему имени.

10) *Гайлинъ* употребляется при ночныхъ призывахъ духовъ и вообще при священнодѣйствіи по обрядамъ зотчинскимъ. Она дѣлается изъ ручной, или ножной человѣческой, а иногда и медвѣжьей кости. Голосъ этой трубы самый пронзительный.

11) *Бискуръ*, родъ пискливой флейты.

12) *Мианъ* и *либбо*—свистки, похожіе одинъ на другой. Ихъ употребляютъ наиболѣе при ночныхъ оргіяхъ, для возбужденія ужаса.

13) *Джуру* и *Шулу* — трубы, отзывающіяся

дикимъ птичьимъ голосомъ и съ виду на птицъ похожій.

14) *Гандунъ* — роговидная небольшая труба, оканчивающаяся изображеніемъ драконовой головы.

15) *Тулра* подражаетъ лаю собаки и даже представляетъ подобіе ея пасти и языка, постоянно движущихся при играніи.

16) *Деншикъ* — малыя тарелки; онѣ сходятся съ цанами и употребляются для призыва блудящихъ духовъ, извѣстныхъ подъ именемъ: якчись, ракчись, асори, гандари, гароди, чинари, махораки, манюки, лусь, будинеръ. При призывѣ котораго либо изъ сихъ духовъ, вмѣстѣ съ деншикомъ можетъ употребляться и хонхо, но никакое другое орудіе. Самые же обряды сего призыва извѣстны подъ именемъ: часомъ, усун ба-ливъ, сабдакъ, чабдоръ. И какъ всѣ помянутые духи считаются несчастными, то призывъ ихъ не другую имѣетъ цѣль, какъ оказаніе имъ утѣшенія и вниманія къ судьбѣ ихъ.

Наконецъ замѣтимъ, что всѣхъ музыкальныхъ орудій считается 24, и дѣлятся онѣ на четыре разряда: 1) духовыя — *улекуй*, 2) бряцательныя — *делеткуй*, 3) звѣнящія (при удареніи) *куделекуй*, 4) струныя — *чибакдасутан*. См. Боди мурун дзерге т. II. л. 40.

100.

О знакахъ, составляющихъ додекаду, говорено въ 92 примѣчаніи.

101.

Дни седмицы или недѣльные носятъ слѣдующія названія: *Бимба*—суббота, *Адѣа*—воскресенье, *Сома*—понедѣльникъ, *Аширакъ*—вторникъ, *Сотра*—среда, *Ботъ*—четвергъ, *Брахасвади*—пятница.

102.

Законъ Буддѣйскій далеко распространяетъ степени плотскаго родства, пренятствующаго брачному союзу. По линіи мужеской доходятъ онѣ до девятаго колѣна, а по женской до шестаго. И хотя со стороны Ламъ часто дѣлается снисхожденіе; но бракамъ, состоявшимся въ запрещенныхъ степеняхъ, общее мнѣніе никогда не даетъ полной законности и считаетъ ихъ неблагополучными. Въ отвращеніе чего, лица почетныя стараются при бракахъ избѣгать даже однофамильцевъ.

103.

Бурятскія и Тунгусскія дѣвѣны по большей части заплетаютъ волосы въ восемь косъ (*найман гедзеге*), и каждая коса украшается моржанами и разными цвѣтными камнями, извѣстными подѣ

общимъ именемъ *кете*, а на голову надѣваютъ что-то похожее на вѣнокъ — *боготу дарума*, пестрящей королями. Украшенія эти теряетъ невѣста по вступленіи въ женихову юрту, оставаясь лишь съ правомъ носить: а) двѣ косы (*туйба*), налегающія на грудь и всегда прикрытыя особаго рода орнаментомъ, называющимся *хабчаръ* и *шибергелъ*. Послѣдній прикрѣпляется къ первому и служитъ какъ бы футляромъ для волосъ; б) ожерелья — *холопчи*, которыя состоятъ изъ монетъ и моржановъ, служатъ выставкою вкуса и богатства; в) наплечникъ — *муруйнь гоу*, дѣлаемый изъ металла и всевозможно украшаемый; д) *малогайнь дензе*—это остроконечная шапочка, примѣненная къ китайскому вкусу, и ее носятъ какъ женщины, такъ и мужчины.

104.

Изваянія, полагаемые въ бумханахъ, дѣлаются изъ глины и имѣютъ видъ столбиковъ — *субарга*, или пирамидокъ, съ изображеніемъ Шигемунія. Пирамидки служатъ памятниками побѣды надъ злыми духами, одержанной Шигемуніемъ и его предмѣстниками. Эта же побѣда воспоминается особыми обрядами. И затѣмъ въ каждую изъ пирамидокъ вкладываютъ лоскутки бумаги съ означеніемъ числа покоренныхъ духовъ. Всѣ цифры

въ общей сложности даютъ всегда одинъ и тотъ же стотысячный итогъ.

105.

Докторъ философіи и медицины I. Христоф. Стебій издалъ въ 1689 году цѣлую книгу подъ названіемъ *Coelum Spheroticum*. Въ ней, ссылаясь на авторитетъ раввиновъ, говоритъ: *In hoc coelo spherotico omnes creaturarum virtutes a Deo manifestatas esse et caet.* Къ такому же познанію таинствъ природы приводится человекъ, по ученію Буддійскому, чрезъ врата помовъ. И какъ кабалисты допускаютъ 50 вратъ разумѣнія (*intelligentiae*), такъ въ свою очередь и Буддисты дѣлятъ лѣстницу духовнаго восхода почти на такое же число ступеней.

106.

Подраздѣленія, допускаемая въ классъ существъ высшаго міра, показаны въ 67 примѣчаніи.

107.

О классахъ существъ говорено въ статьѣ VII.

108.

Въ Боди мурун дзерге т. I, л. 53, обширно разсуждается о состояніяхъ грѣховнаго рабства подъ статью: *найман чилуге-угей ину*. И въ ка-

тегорію эту входятъ изувѣры и безвѣры — *терес номтан*, рабы чувственности—*алджіасъ удзелтен* и наконецъ твари низшихъ классовъ, каковы напр. бессловесныя, бирты и под. имъ.

109.

О добродѣтеляхъ, равно какъ и о противоположныхъ имъ грѣхахъ, см. въ статьѣ о Барамдахъ.

110.

Монголы первый членъ Итегела, или символа своего, такъ перифразируютъ: *Би теригутен: эке болоксан, хамок амитан, арбан дзугун гурбан цагун хамок хутуктан хубарагун ба, эдген илете ачиту ундесун ламанугуттор итегемой.*

111.

Вторый членъ Итегела до того уважается, что не бываетъ службы, при которой бы не повторился онъ три раза и всегда на распѣвъ. Къ тому предписывается имѣть его въ мысли и устахъ наравнѣ съ молитвою, извѣстною подъ именемъ Джурган (джиргоган) усук мани.

112.

О происхожденіи: *ом, ма, ни, бад, ме, хом* говорено въ III статьѣ.

115.

Аскетизмъ Буддѣйскій на пути усовершенія главнымъ правиломъ поставляетъ постепенность. Начиная съ послѣдней ступени, ведетъ какъ по лѣстницѣ, въ безконечную даль. Такъ напр. желающему достигнуть постническаго совершенства вмѣняется въ обязанность имѣть глиняную чашу, могущую вмѣстить количество пищи, достаточное для насыщенія челоуѣка, именно въ 42 глотка. Подвижникъ, не навлекая на себя никакого укора, вправѣ сѣдять въ сутки по одной чашкѣ. Но по окончаніи трапезы своей, онъ долженъ опрокинуть сосудъ на жесткій камень и сѣдять имъ три оборота. Умалемый силою такого тренія, сосудъ превратится наконецъ въ пластинку; но вмѣстѣ съ тѣмъ и организмъ челоуѣка такъ переработается, что для поддержанія въ немъ жизни и силы достаточно будетъ нѣсколькихъ капель.

114.

Плиній въ кн. X гл. 12 Натуральной исторіи говоритъ объ Алціонахъ, что онѣ выютъ гнѣзда среди моря—in medio mari nidum conficiunt, и это дѣлаютъ въ зимніе мѣсяцы, когда наиболѣе свирѣпствуютъ бури. Однакожь въ дѣлѣ своемъ Алціоны никогда не встрѣчаютъ помѣхъ. Ибо Призирающей свыше на всѣхъ тварей, даруетъ

и крошечной Алціонѣ потребное для нея время покоя. По манію Его, въ Алціонины дни и вѣтры затихаютъ и море не шумитъ—*tum venti se remittunt, cum Alcedo septem diebus incubat, excludit enim pullos totidem, qui cum cibum appetunt, septem alios dies, ad pullorum incrementum, minutissimo animali elargitur Deus.* Въ семъ отношеніи Алціона представляется образомъ чистой совѣсти и эмблеммою блаженства, которое въ душѣ своей обрѣтаетъ праведный среди всѣхъ обуреваній жизни. Буддистъ же думаетъ найти это счастье въ мірѣ Nirваны, куда матерія не досязаетъ, а духъ, свободный отъ ея вліяній, блаженствуетъ въ лонѣ невозмущаемаго покоя.

113.

О Мандалѣ часто приводится намъ упоминать. Это металлическій кружокъ, имѣющій вершка четыре въ поперечникѣ и похожій на опрокинутую тарелку. Въ таинственномъ значеніи онъ принимается за образъ вселенныя, а являющіеся на немъ бугорки, большею частію моржановые, суть представители странъ свѣта. При такомъ значеніи, мандалъ составляетъ необходимую принадлежность службъ и важнѣйшихъ духовныхъ требъ.

116.

Лице, къ которому относится наша рѣчь, есть о. Николай Ниловъ-Доржѣвъ, миссіонеръ и священникъ Гужирской Николаевской (въ Иркутской епархіи) церкви, построенной его тщаніемъ, а мною освященной 18 Августа 1852 года. Жизнь этого человѣка выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. А потому очень не лишне память о ней предать письмени.

Ниловъ-Доржѣвъ родомъ Монголь изъ племени Дзалеир-удзонцевъ, входившихъ нѣкогда въ составъ Чингисовой монархіи. Отецъ его до нынѣ кочуетъ въ степяхъ, прилегающихъ къ Онону и находящихся между Нерчинскомъ и Акшинскою пограничною крѣпостцею. При кумирѣ Худжиртайской сперва состоялъ онъ прихожаниномъ, потомъ сдѣлался ея Гецуломъ, а наконецъ призванный благодатію Божіею, обратился (въ 1850 г.) къ вѣрѣ Христовой и получилъ новое имя Юсифъ, въ замѣнъ языческаго Гунга дорджи.

Нужно ли говорить, что орудіемъ обращенія 80-лѣтняго старца съ 11-ю членами семейства былъ сынъ его Николай, преобразившійся года за три предъ симъ изъ Буддиста и Ламы въ Христианина и Священника? Событіе рѣдкое въ наше время, а въ странахъ сибирскихъ даже неслы-

ханное. И вотъ пути, которыми Промыслъ велъ избраницка своего къ цѣлямъ своимъ.

Нагмать—такъ назывался Николай въ мірскомъ быту (*)—въ самомъ юномъ возрастѣ сталъ проявлять добрыя наклонности, особенно любовь къ грамотѣ и уединенію. При такихъ свойствахъ сына, отцу не оставалось ничего болѣе, какъ предназначить его въ Ламское званіе. Такъ было и поступлено. Послѣ домашняго обученія, Нагмать записанъ въ школу Гуджиртайскаго дацана, и въ ней находившись подлѣ онекою Ламъ до 18-ти лѣтняго возраста, и будучи уже Генцумомъ, отправился (за 500 в.) для слушанія уроковъ къ Дандарану,—Дандаранъ этотъ управлялъ, да кажется, и до нынѣ управляетъ Цугольскимъ дацаномъ и считается за ученѣйшаго между монголами человѣка; а потому и учившіеся у него пользуются особеннымъ уваженіемъ, что причислось испробовать и нашему Нагмату. Не смотря на молодость лѣтъ (21-го года), онъ удостоился Гелунскаго сана съ почетною должностію Намсо, возложенною на него самимъ Хамбо Ламою.

Въ степномъ быту Бурята, такое возвышеніе составляетъ чуть ни предѣлъ всѣхъ желаній. Но

(*) *Нагмать* имя свѣтское; *Сунранъ* имя полученное при посвященіи въ Ховараки; *Дембровъ*—при посвященіи въ Гелуны. Это нужно имѣть въ виду при чтеніи біографіи о. Николая.

для нашего Гелуна новый санъ служилъ лишь переходомъ въ новую область духовныхъ подвиговъ. Онъ принялъ обѣтъ пустынножителя (Діанчи) и сдѣлался строгимъ аскетомъ. Первый годъ пустынноческой жизни своей провелъ онъ въ верховьяхъ пустынной р. Ынде, вытекающей изъ высоты Ындейн агула и впадающей въ Ононъ, между Мангутскимъ и Улхонскимъ пограничными караулами. Другой годъ странствовалъ онъ въ горахъ Кукулбин-кучи, въ сосѣдствѣ съ извѣстнымъ Адун-чилономъ, и наконецъ около Худжиртая. Трехлѣтній періодъ этого странствованія представляетъ рядъ испытаній и приключеній всякаго рода. Такъ, однажды, когда подвижникъ нашъ, по обычнымъ въ Буддизмѣ аскетическимъ правиламъ, поджавъ ноги и положивъ одну руку на бедро, а другую на грудь, сидѣлъ недвижимо и читалъ молитвы, вдругъ изъ сосѣдней скалы выползла змѣя и ни мало не подозревая, чтобы могъ кто либо находиться подлѣ ея жилища, стала медленно подвигаться по направленію къ нашему аскету. При чрезвычайномъ семъ случаѣ, что оставалось дѣлать: прервать ли молитву и со стыдомъ искать спасенія въ бѣгствѣ, вопреки пустынножительскому уставу, или исполняя долгъ вѣры, обречь себя на явную гибель? Дембрель избралъ послѣднее и вышелъ изъ напастн героемъ.—Змѣя

всползла на его колѣно, и ощутивъ теплоту тѣла, особенно голой руки, она какъ будто изумилась, подняла голову съ разверстою пастью, окинула яримъ взглядомъ жертву свою и поцелелась въ дальнѣйшій путь!

Со мною Дембрель встрѣтился 17 Юля 1847 года. И это случилось съ нимъ непосредственно послѣ видѣнія во снѣ Креста, который осіяваемъ былъ чуднымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ глубокий мракъ покрывалъ языческую Даурію. Въ Даурскихъ степяхъ и я находился въ это время, на разстояніи верстъ 60-ти отъ Акшинской крѣпости. Послѣ пустынной встрѣчи съ Дембреломъ, я въ тотъ же день засталъ его въ селеніи Дулдорга на рѣкѣ Нлѣ. И можно сказать, что чрезъ это, хотя и кратковременное свиданіе наше, сдѣланъ Дембреломъ первый шагъ отъ язычества къ Христіанству.

Въ Иркутскъ прибылъ онъ въ началѣ 1848 года, а Святаго Крещенія сподобился въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, во Св. Великій четвертокъ, послѣ трехмѣсячнаго наставленія въ Законѣ Божіемъ подъ руководствомъ моимъ и учителей Семинаріи. Въ томъ же году начали мы дѣлать съ нимъ опыты перевода Богослужебныхъ книгъ. А между тѣмъ Николай не прерывалъ отношеній своихъ къ Семинаріи, и вскорѣ самъ сдѣлался учителемъ разговорнаго Монголо-бурятскаго языка. Въ 1852 году

онъ успѣлъ уже выстроить церковь въ селѣ Гужирекомъ среди Бурятскаго населенія, а въ 1853 поставленъ во Священника къ оной. Въ 1854 отправился со мною въ Ярославль, а нынѣ находится въ Петербургѣ, занимаясь преложениемъ Богослужебныхъ книгъ. Вотъ краткіе, но самыя вѣрные очерки жизни человѣка, котораго имя не должно умереть.

117.

Къ отличительнымъ признакамъ бурхановъ, кромѣ позы ихъ, формъ тѣла и цвѣта одеждъ, принадлежать разныя орудія, о которыхъ не разъ приходилось намъ упоминать. Но сколь ни разнообразны эти атрибуты, все они отнесены къ 45 отдѣламъ, по примѣненію къ таковому раздѣленію всѣхъ обожаемыхъ существъ.

113.

Аммонъ—*Ammonius*, есть одно изъ прозвищъ Юпитера, и происходитъ отъ Греч. слова *άμμος* песокъ: такъ какъ капище, посвященное этому божеству, находилось среди песчаныхъ степей Ливіи. Оно пользовалось славою своихъ оракуловъ и удостоилось чести видѣть въ стѣнахъ своихъ Александра Македонскаго. Блескъ его, равно какъ и всего язычества, началъ погасать въ первомъ

вѣкъ послѣ Рожд. Христова, а въ четвертомъ совершенно исчезъ.

119.

По демонологіи буддійской, злые духи не могутъ обойтись безъ пищи и нѣкоторыхъ удовольствій жизни. И доколѣ не были укрощены богами міроправителями, отъ нихъ не было житья людямъ. Они сѣдали ихъ живьемъ, губили и душу и тѣло. Чтобъ умѣрить такую ярость, люди принуждены были служить бѣсамъ и приносить имъ человѣческія жертвы. Наконецъ боги заставили демоновъ покориться и дать клятву, за нарушеніемъ которой непосредственно слѣдуетъ низверженіе ихъ во адъ. Этотъ судъ произносятъ по временамъ и сами Ламы, совершая обрядъ, называемый *Джин-серек читхаху*. Но къ крайней мѣрѣ прибѣгаютъ лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, обыкновенно же стараются умиловить духовъ гурумами и жертвами. Духи, принявъ жертву, оставляютъ людей въ покоѣ, пока они злыми дѣлами своими сами не ослабятъ узъ, связующихъ демоновъ и не дадутъ повода къ начатію новой съ ними брани.

120.

Общія, или основныя новятія объ Адѣ и его отдѣленіяхъ, представляемыя Буддійскими книга-

ми, почти тождественны. Но въ частностях этой картины много видно разнообразія, часто доходящаго до противорѣчій. Такъ, по сказанію Мани Гамбума, —

Въ 1-мъ отдѣленіи ада грѣшникъ предается въ жертву разныхъ чудовищъ, въ томъ числѣ, и птицы Гаруды.

Во 2-мъ отдѣленіи, орудіемъ казни служатъ двѣ черныя горы — *хоир хара аула*, непрестанно то сближающіяся, то расходящіяся, судя потому, нужно ли захватить грѣшника, или сокрушить кости его. Самыя же горы имѣють сходство съ бараньею головою — *хуцейн ханшар мету*.

3-е отдѣленіе походить на огромную желѣзную наковальню — *тумур души*; и на ней то осужденные раздробляются по частямъ.

Въ 4-мъ хищныя птицы и всякія гадины съ ненасытною алчностью нападаютъ на пришлеца и объедаютъ тѣло его до костей — *миха ясона куртеле идеку бой*.

5-й отдѣлъ представляетъ ужасное зрѣлище распиливанія тѣлъ — *кируге бариджу быи киругедеку бой*.

Въ 6-мъ отдѣленіи варятся и тысячекратно перевариваются въ кипяткѣ — *боцалаксан халагун осу бой*.

Въ 7-мъ растянутые и пригвожденные по рукамъ и по ногамъ грѣшники, особенно злоязычники,

подвергаются со всѣхъ сторонъ жженію — *гадасу бер телегет дурбен дзук еце теледжу шитагамой.*

Въ 8-мъ лютой ястребъ прежде всего исторгаетъ у несчастной жертвы глаза, а потомъ терзаетъ ее по частямъ — *тумур харцага ниду ухун чи-улаху бой.*

Въ 9-мъ изязанія всякаго рода совершаются чрезъ посредство желѣзныхъ иглъ—*тумур ургусун дотора алаху бер цубшику бой.*

Въ 10-мъ желѣзная птица — Угули, терзая добычу когтями, пожираетъ и тѣло и кости—*быи керчин, миха ясойи хагамаю.*

Въ 11-мъ орудіемъ казни служить камень, похожій на корову — *уқырь чилогун*, которымъ на раскаленной плитѣ размножаются головы.

Въ 12-мъ опять являются лютейшія чудовища—*тумур гахой, тумур цуругесу;* и имъ-то въ добычу достаются человѣко-ненавистники.

Въ 13-мъ плиты и наковальни, камни и молоты находятся во всегдашнемъ дѣйствіи, для кары проливавшихъ человѣческую кровь.

Въ 14-мъ казнь совершается чрезъ жженіе въ запертомъ котлѣ — *тумур тогон дотора, хацурху мету, тулеку.*

Въ 15-мъ отдѣленіи—*цубурилту*, господствуетъ невыносимый холодъ, отъ котораго тѣло цокрывается пузырями и разсѣдается.

Чойжилъ клятвенно обязанъ къ покорности и къ правосудію, и въ память сего обязательства долженъ былъ принять новое имя Номун-хана и новыя атрибуты—зеркало, вѣсы оцяръ и проч. О каковыхъ его принадлежностяхъ въ Мани Гамбу (т. 11, л. 9) такъ говорится: *«Арсаланту такцан дегере эрлик Номун хан кемеку-ину тар даган Сансарун затану Толи кигет, улабур хара керчимел модо ба, дуудлейн хара улаан чилуу бариксан.»* Но при всѣхъ этихъ атрибутахъ, при всемъ полномочіи взвѣшивать и опредѣлять значеніе дѣлъ каждаго (*буин килинцем тоюлазу*) и за тѣмъ отпирать его въ страны міра горняго, или же преподнаго — *видур дегерекине эсебесу тамойн аблтацин дор илеку*, при всемъ, говорю, таковомъ значеніи своемъ, Чойжилъ для сохраненія памяти о прежнемъ своемъ униженномъ состояніи, окруженъ одними лишь ужасами, равно и самъ служить для всѣхъ предметомъ ужаса.

122.

Ни Олимпъ, стократно воспѣтый, ни поля Елисейскія, долго служившія приманкою для Грека и Римлянина, ни рай Магометовъ, составляющій услажденіе набожнаго Мусульманина, не представляютъ въ описаніяхъ своихъ ничего подобнаго царству Сукавади—*сукавадин таріаланун орон*.

Въ царствѣ этомъ все преисполнено святостию (*арилоксан*). Его украшаетъ священное древо—*боди модо*. Оно озаряется огнемъ божественной премудрости—*былге биллг*, согрѣвается теплотою праведности. Въ немъ вкушаютъ пищу духовную—*діану идеген*, пѣють изъ источниковъ, исполняющихъ всякое желаніе—*эрил хангаху ариіану осу зогоглахой—еще, босо ундаган кемеку перечу угей*. Раждаясь токмо отъ Лиховы, тамъ не старѣются и не умираютъ, не знаютъ иныхъ путей, кромѣ пути вѣчнаго правды. Тамъ жилище боговъ мира—*амоголан боди хутукту бурхану орон*, и владычество Того, Кто обитаетъ во свѣтѣ безконечномъ, совмѣщаетъ въ себѣ десять силъ, четыре естества и восемьдесятъ добротъ, никогда не насыщающихъ собою зрѣнія—*цалмаси угей герыл — дор сагун, арбан куцун, дурбен быи—бер чимен, нанн саин нанрак, учин хоиръ лакшин быллес ер, удзеджу улу ханхой...* См. Мани Гамб. т. 1. л. 1 и л.

125.

Преданія и легенды буддійскія выдаютъ старинныхъ Шамановъ за глубокихъ знатоковъ черной и естественной магіи. И мысль эта не новость для ученаго міра. А потому, оставляя ее въ сторонѣ, замѣтимъ здѣсь, что таинственныя знанія и силы, приписываемыя Шаманамъ, проявляются и въ Буд-

дѣйскихъ святошахъ, особенно въ тѣхъ изъ нихъ, коимъ удалось сѣбности Тарнин санваръ. Люди эти, по сказанію Даг—вика (гл. 8, л. 19), обладаютъ даромъ восьми великихъ чудесъ—*найман ике сиди*. Они могутъ:

1. Исцѣлять всѣ недуги—*эбучини дараху*.
2. Летать по поднебесью—*октарюй дор пейску*. И это совершается при посредствѣ Оркимджи, который распространяется по воздуху, въ видѣ крыльевъ.
3. Становиться, когда захотятъ, невидимыми—*улу удзекдеку*.
4. Дѣлать доступными и проходимыми для себя всѣ мѣста и на землѣ и подъ землею.
5. Производить безъ малѣйшихъ послѣдствій рѣзанье тѣла у себя и у другихъ—*илдубер октолху*.
6. Все видѣть и предвидѣть; каковъ даръ опредѣляется фразою—*Иидуни эм*, дающею понятіе о сверхъестественномъ просвѣтленіи очей, или прозорливости.
7. Производить Пылденъ, т. е. бѣлое тяжело-вѣсное сѣмячко, обладающее притягательною силою.
- 8) Производить также Ричини ирелу, или зелено-желтыя изумительныхъ свойствъ пилюли. Пилюли эти, равно какъ и Пылденъ, считаются даромъ неба, и по его благоволенію, онѣ зараждаются то въ волосахъ у пустынножителей, то въ

Священныхъ книгахъ, а иногда и въ видѣ манны падаютъ свыше. Чаше же добываются руками праведниковъ изъ пещеры экейн умей—*uter mat-gis*, гдѣ дни невинности своей проводилъ Шара бычии бакши.

Крупивки Пылдена и Ричина влагаютъ въ уста умирающему, чтобъ избавить его отъ вліянія демоновъ и открыть путь къ счастливой будущности.

Естественно, что въ дѣлахъ сего рода Шаманы не могутъ принимать ниже малѣйшаго участія. Это тайна недоступная для нихъ. Между тѣмъ какъ во всѣ прочія мистеріи (а ихъ 81) они входятъ за одно съ Чойжинчивами, т. е. съ Ламами, посвятившими себя исключительно богу ада—Чойжилу. Что однакожъ не препятствуетъ имъ быть непримиримыми между собою врагами и направлять одиѣ и тѣже дѣйствія къ цѣлямъ совершенно противоположнымъ.

124.

Магада, Одіаново царство и другія мѣста, входящія въ исторію Шигемунія, учеными изслѣдователями отыскиваются частію въ Индіи, частію въ сосѣднихъ съ нею странахъ.

125.

О чудесахъ Шигемунія говорено въ примѣчаніи 96-мъ.

Жертвенное животное, бывъ избрано по указанію Шамана, украшается привѣсками и пвѣтами. Самый же обрядъ приношенія состоитъ въ гнусномъ и безжалостномъ мученіи бѣдной твари. При дѣйствіяхъ сего рода, не отъемлемую принадлежность Шамана составляютъ: 1) *Оргой*. Это кафтанъ сшиваемый изъ пятипвѣтныхъ тканей и обвѣшиваемый сверху до низу 15-ю видами всякаго рода гаднвъ и разными энигматическими изображеніями, дѣлаемыми изъ мѣди и желѣза. 2) *Малханчи*—железный шлемъ съ двумя рогами и побрякушками. 3) *Абагалдей*—чудовищная личина изъ кожи, дерева, или металла. Ее росписываютъ и привѣшиваютъ къ ней огромную бороду и тому подобные орнаменты. 4) *Сорби*, иначе Шалдей. Это шаманскій конь, состоящій въ двухъ палкахъ, украшенныхъ рѣзными эмблемами конскихъ головъ 5) *Кеце*—бубень со множествомъ позвонковъ и брякушекъ. Шаманъ, держа его горизонтально, въ уровень съ своими устами, и ударяя въ него снизу булавою (холбога), умѣетъ звуки орудія сливать съ напѣвами и тѣмъ производить на толпу желанный эффектъ. 6) *Толи*—родъ медальона, съ изображеніемъ 12-ти знаковъ, представителей Додекады, о которой не разъ уже говорили мы. Толи носятъ на шеѣ, какъ символъ всѣхъ силъ и стихій

міра горняго и дольняго. Слѣдовательно талисманъ этотъ столько же таинственъ, какъ и печать Меркурія Трисмегиста.

127.

Гунны, вышедши изъ Китайскихъ границъ, разрушили Готскую монархію, а потомъ подъ управленіемъ Атиллы, основали въ V вѣкѣ обширную монархію, простиравшуюся отъ Дуная до Балтійскаго моря. Смотр. Геогр. Атл. Лесажа. *Metho-giae populorum* 1 Stritter. t. 1. p. 46.

128.

Свѣденія объ обстоятельствахъ вторженія Буддизма въ Сибирь и распространенія его въ оной заимствованы изъ современныхъ актовъ, и мы ручаемся за ихъ вѣрность.

129.

Къ числу вещей, составляющихъ ламскій скарбъ, принадлежатъ: 1, разнаго рода медикаменты, привозимые изъ Китая въ небольшихъ тючкахъ, или бозахъ; 2, бурханы, курды, четки, хадаки (лоскуты шелковой ткани) и другія мелочи; 3, Пылденъ и Ринчинъ, о которыхъ говорили мы въ примѣчаніи 121 и которые въ понятіи невѣжествующей толпы тѣмъ вышее получаютъ значеніе, чѣмъ болѣе Авгуромъ приписывается имъ достоинствъ. Такъ напр. въ похвалу Ринчина услышите, что онъ родился на берегахъ священнаго

Ганга, въ рукахъ величайшаго изъ подвижниковъ, или что онъ есть безцѣнный даръ самаго Далай Ламы и проч. и потому, ни мало не сомнѣваясь, можно одну и ту же крупинку до семи разовъ влгать въ уста умирающаго, и затѣмъ находить ее на макушкѣ головы (*vertice*) покойника! Кайба дж. даг-икъ гл. v.

150.

Кайба въ гл. X раздѣляетъ пульсъ на 58 степеней и полагаетъ, что у здороваго человѣка въ промежутокъ одного дыханія долженъ онъ ударять до 5 разовъ.

151.

Лѣкарства берутся отъ всѣхъ царствъ природы. И вотъ общая ихъ перечень: Каменныхъ пресодъ 34; земляныхъ 12; солей и соковъ 110; травъ (*эбесун эм*) 133; отъ разныхъ птицъ 17; отъ звѣрей когтистыхъ (*ариатан-еце*) 13; отъ хищныхъ (*куцубер идекчи*) 11; отъ домашнихъ животныхъ (*кумун эдзлексен*) 12; отъ поровыхъ животныхъ (*нукуне орошикчи*) 10; отъ болотныхъ (*поптаза аймак-еце*) 8; отъ разныхъ другихъ животныхъ породъ 100. Всѣхъ же вообще лекарственныхъ видовъ считается 612. См. Кайба дж. даг-икъ гл. x.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРЕДМЕТОВЪ, О КОТОРЫХЪ УПОМИНАЕТСЯ
ВЪ КНИГѢ.

(ЦЫФРАМИ ОЗНАЧЕНЫ СТРАНИЦЫ).

А.

- Абагалдей 233, 234, 356.
Абида 21, 27, 36, 40, 45, 161, 188, 217, 295, 300.
Абидарма 107.
Абидейн-намтаръ 312.
Абиагарин-ванъ 181, 190, 200, 204.
Абульгази 291.
Абызы 12.
Авгуръ 143, 358.
Ада 231.
Адись 121.
Адоголигун-ундуръ 274.
Адъ 138, 208, 348.
Ады 126, 139.
Азійскіе татары 11.

- Акинская крѣпостца 343, 346.
Аларская степь 9.
Аларскіе Буряты 9, 287.
Алдагъ 6.
Алеутскіе острова 279.
Алеуты 280,
Албинъ 60, 126, 139, 232.
Али-Гали 190.
Алтайскія горы 1.
Алтан-Мелекей 43, 67, 98, 147.
Алтан-саба 149.
Амарамакскій міръ 58.
Американскія племена 1.
Аммонъ 200, 347.
Амога сиди 45, 310,
Амуръ 6, 14, 277, 284, 286.
Анагамони 154.
Анадыръ 3, 4, 6, 285.
Анакреонъ 182.
Ананда 51, 105, 326.
Ангара 9, 287.
Ашинскій даданъ 78, 101, 175, 204.
Аписъ 190.
Арапсаль 20, 112, 114.
Арахола 63, 64.
Арбан-докшиты 66.
Аргентовъ 283.

- Аргушь 6, 284, 286.
 Аришцы 282.
 Арихманій 320.
 Ариаболо 23, 171, 207, 295, 303.
 Архат-дани дароксань 154.
 Аршіанъ 25, 56, 120, 296, 327.
 Аскетизмъ 1, 156, 175, 341.
 Асури 65, 141, 169, 213, 226, 327, 337.
 Асурины 52, 65, 170, 299, 316, 320.
 Атласовъ 291.
 Атилла 357.
 Ахметъ Гирей 12.
 Ачинга р. 6.
 Ачиту Лама, 180, 184, 187.
 Аюс-тамо 151, 208-210.
 Аюши 101.

Б.

- Багаторъ 161.
 Бадара 88.
 Бадма гатаръ 111.
 Бадма Линхова 22, 99, 161, 169, 216.
 Байкаль 8, 9, 78, 252, 277, 285.
 Байкальскія горы 9.
 Бактрія 328.
 Бакши 56, 71, 89, 112, 161, 182, 198, 304.
 Балаганскіе Буряты 9, 288.
 Балба-о 99.

- Бандина 70, 88, 104, 252, 324.
 Банзаровъ 247.
 Баньди 38—40, 71, 86, 308.
 Баньченъ-богда 54, 70, 83, 86, 112, 158, 218.
 Баньченъ Эрдени 77, 84, 92.
 Бараба 12.
 Барабинскіе Татары
 Барамиты (парамитъ) 106, 155, 176, 340.
 Баранза 295.
 Баргузинъ 8.
 Баргузинны 287.
 Бимала зедери 28, 52, 316.
 Бирюзана 45, 310.
 Бириты 52, 60, 169, 213, 322.
 Бисваво 47, 314.
 Бискуръ 124, 194, 335.
 Биширелту 79, 81.
 Боги 132, 160—163, 183—207, 316, 348, 353.
 Боги вѣща 334.
 Богини 161, 168, 334.
 Бодисадойн-санваръ 108.
 Бодисать 29, 44, 52, 112, 161, 185, 301, 315.
 Бодв Хутукту 123.
 Борга 9.
 Борьба Буддизма съ Шаманствомъ 219.
 Боэцій 217.
 Брадигабуты 54, 154, 168, 185, 315.

- Бражникъ (воевода) 2.
 Брамины 37, 276.
 Брачные обряды 126, 128.
 Брандза барамида 110.
 Будда 19, 31, 49, 52, 110, 155, 226, 312, 331.
 Будда верховный 26, 35, 108, 219, 305.
 Буддизмъ 7, 50, 105, 195, 247, 263.
 Буддисты 21, 63, 134, 205, 299, 329.
 Буддiйское вѣроученiе 7, 18, 92, 218, 319.
 Букъ 60, 126, 139, 196, 232.
 Бумба 92, 120, 148.
 Бум-ханъ 143, 338.
 Бурханъ 19, 55, 103, 154, 194, 310, 357.
 Буряты 7, 19, 77, 199, 250, 286, 344.
 Бутгалисы 54, 315.
 Бычнь-ханъ 34.
 Бюрнуфъ 329.

В.

- Вайбашикъ 313.
 Вайсали (вайшили) 224.
 Ванзейнъ-хубцать 76.
 Ваншай 73, 183, 196.
 Ванъ 191, 193.
 Варзадара 237.

- Варнасонъ-балгасунъ 225.
 Васильевъ 327, 329.
 Великая стѣна 5.
 Веніаминовъ 280.
 Верхоленскіе Буряты 10.
 Верхоленскій острогъ 10.
 Вечерній хураль
 Вещественная душа
 Вилюй 3.
 Виная 107.
 Вирудакъ 50.
 Витимъ 3.
 Вишну 107.
 Вогулы 2.
 Возвращеніе души 138.
 Восточный океанъ 1.
 Вотяки 2, 228.
 Враждебные духи 230.
 Вторженіе Буддизма въ Сибирь 250.
 Второстепенные Бурханы
 Вѣра Буддійская

Г.

- Габаликъ 225.
 Га-га-га 187, 188.
 Галабъ 308, 309.
 Галбарбарасъ 58, 59.

- Галданъ 253.
Галиндига 220.
Гамалай 318.
Гана-гамони 47, 314.
Гангъ 105, 276, 358.
Ганди-модо 333.
Гандой 199—203.
Ганджуръ 14, 18, 77, 94, 105, 167, 190, 327, 332.
Гандупъ 336.
Ганлинь 124, 194, 202, 335.
Гантимурп 7, 286.
Гарга-совди 47, 314.
Гашибъ 47, 314.
Гаюкъ 277.
Гвоздевы острова
Гегбой 103, 115, 333.
Гегегень 81.
Геген-голи 53.
Гелунъ 70, 72, 86—88, 122, 224, 325, 345.
Гешпи 332.
Геской 122.
Гецуль 70, 72, 88, 325, 343.
Гляки 285.
Гиракъ 72.
Гмелинь 279.
Гоангъ 8.
Гоби 78.

- Годома 223.
 Гонгарь 54.
 Гонлакъ (хонлакъ) 274, 275.
 Головинъ 291.
 Головкинъ 280.
 Гомбо 54, 102.
 Гонхо 116.
 Гoo-самбиръ 224.
 Гоцкая монархія 357.
 Грѣхи 157—159.
 Гунгарь 102, 112.
 Гунны 247—249, 357.
 Гурумбе 104.
 Гурумун-номъ 112.
 Гурумъ 18, 128, 140, 150, 196, 244, 268, 348.
 Гусино-озерскій дацанъ 78, 175, 204, 264.
 Гусинское озеро 78.
 Гусумтукъ 116.
 Гынкъ 104.

Д.

- Да 103.
 Дайсун-тенгери 229.
 Да-лама 76.
 Далай-лама 54, 80, 83—86, 90—92, 158, 218.
 Дамара 88, 117, 194, 335.
 Дамдинъ 54.

- Дамчокъ-римбучи 100.
Данджуръ 18, 77, 105, 167, 190, 328, 332.
Дара 301, 303, 316, 319, 334.
Даурскія страны 6, 196, 250.
Дацагъ 76, 78, 95, 147, 175, 262, 344.
Даян-хан 249.
Девадженин оронъ 215.
Делиль 279.
Демонологія 143, 348.
Демьянскій ямъ 12.
Деншикъ 124, 336.
Джабданъ 77.
Джадамба 110.
Джаджотъ 108, 265, 267.
Джамсоранъ 54.
Джананъ 183, 188, 189.
Джанчи 74, 80, 115.
Джень-шень 275.
Джид-римба 332.
Джида 9.
Джима 104.
Джимдзан-дамбейн-гегень 54.
Джин-серекъ 348.
Джинхоръ 193, 195.
Джитбу 77, 104.
Джун-джикъ 72, 104.
Джуру 124, 335.

- Дзамбудаши 58.
 Дзан-бандида 219.
 Дзок-римба 332.
 Дзол-дзаягачи 230.
 Дзотбо 146.
 Дзотчи 143.
 Дзукдерь 102.
 Дзумыбе римбучи 99.
 Дзугань 175.
 Диван-гара 47.
 Дизавуль 277.
 Динва 74.
 Діана 353.
 Діанчи 29, 176, 179, 345.
 Додекада 127, 327, 337, 357.
 Докъ-икъ 75, 196.
 Докбо 117, 197.
 Докджуръ 196, 197.
 Долгань 285.
 Докшитскіе обряды 54.
 Докшитъ 112, 161, 167, 200, 351.
 Дорамба 332.
 Дотогаду номъ 312.
 Дуганчи 104, 333.
 Дударма 194, 335.
 Дулбейн санваръ 108, 176.
 Дулдей 51, 88.

- Дум-бурѣ 124, 334.
 Дунгарь 99, 334.
 Дурбен ундесу 45.
 Духовный отецъ 173.
 Дѣвы—духи 319.

Е.

- Енисей 2, 3, 6, 271, 278, 289.
 Ермакъ 290, 291.

Ж.

- Жена горь 30.
 Женскіе наряды.
 Жертва благодарная 121, 182, 186.
 Жертвенная вода 120, 238.
 Жертвенное животное 149, 242.
 Жертвоприношеніе 149, 239, 240.
 Жесты 117.
 Жрецъ 88, 123, 145, 169, 195.

З.

- Загарвадон-ханъ 36, 40—42, 307, 331.
 Зангей хамаковъ 288.
 Засак-да-лама 77, 103.
 Заяйга 252, 253.
 Земархъ 277.
 Злые духи 348.
 Злыя смерти 324.

Золотой вѣкъ 23, 307.

Золотыя рыбки 98.

II.

Ивановъ 280.

Идинскія Буряты 9.

Идрофобія 273, 275.

Илегелу 272.

Индія 1, 17, 29, 84, 227, 270, 328, 355.

Ишгада р. (Енгидей) 6.

Иргачины 126, 135, 137, 206, 214.

Ирен-юсун-сульде 230.

Иреть р. 9.

Иркуть 9, 287.

Иркутскъ 9, 253, 346.

Иртышь 2.

Искутъ души 126, 139, 140, 150.

Исламизмъ 11.

Исламъ 247.

Итегель 20, 116, 340.

I.

Иакинѣвъ 238, 284.

Иерархія 45, 83, 86.

Юасафъ хотунцевскій 280.

Югозари 332.

K.

Кабалисты 180.

- Кайба-джумнейн-даг-икъ 106, 293, 310, 317.
 Кама 2, 290.
 Камчадалы 3, 4, 280, 285.
 Камчатка 3, 280-282, 285, 291.
 Камчатскій полуостровъ 3, 279, 280.
 Канонъ Буддійскій 159.
 Карагасы 235, 282, 285.
 Карское море 2.
 Кадегетуба 226.
 Кенгерге 65, 120, 194, 202, 335.
 Кетеркой 253.
 Кизильцы 285.
 Киргизы 228, 278.
 Кисаганъ 230.
 Китай 5, 17, 93, 247, 270, 284, 291, 357.
 Ключъ закона 20, 118, 155, 166.
 Кобелевъ 283.
 Ковалевскій 351.
 Колыма 4, 6, 130, 234, 284.
 Коряки 3, 4, 281, 285.
 Крашенинниковъ 3, 282.
 Креолы 280.
 Куда 9.
 Кударинское племя 8.
 Кударинскіе Бурятия 9.
 Кульчинъ 139, 232.
 Курду 115, 155, 170—172, 357.

- Курильскіе острова 3, 4, 279, 281.
 Курильскыя 3, 4, 280.
 Кучумъ 11, 247, 291.
Л.
 Лабари 101.
 Лагой 73.
 Ламбу римбучи 100.
 Ламуты 4, 284, 285.
 Ламы 1, 17, 90, 133, 250—256, 318, 355.
 Лацагъ 77, 103.
 Лебаутскія юрты 12.
 Ледовитое море 1, 3, 285.
 Лена 6, 7, 14, 199, 276.
 Лессенъ 283.
 Лизей-ори 224, 331.
 Лимбо 124, 335.
 Линга 141—143.
 Линхова 59, 353.
 Ломбо-римбучи 100.
 Лу 65, 66.
 Лу-дупъ 191—195, 200—204.
 Лумбумъ-гарбо 64, 140.
 Луна 22, 29, 323.
 Лун-абишикъ 181—183.
 Лусун-ханъ 24, 65, 297.
 Лусъ 102, 126.

- Ихамо 54, 102.
 Ихамойн-гандой 198, 201-204.
 Ихантоб-чимбо 265, 270.
 Львиная поза 146.

М.

- Магада 355.
 Магія 353.
 Мадъ-икъ 75.
 Магометанизмъ 12.
 Майдари 43.
 Макбон-римбучи 100.
 Мапама 58.
 Ман-а-джотъ 108, 265.
 Мандалъ 97, 184, 342.
 Манджу-шири 28, 295.
 Мандза 29, 120, 175, 300-307.
 Мани-гамбумъ 110, 294-300, 349, 352.
 Манжуриі 5, 275, 284.
 Марсь 194.
 Махаранзы 102.
 Махасалы 52, 315.
 Махасаммата 49.
 Махаяна 50, 313.
 Мекдземъ 115.
 Миганъ 124, 335.
 Мигримба 117, 332.

- Мигримъ-джидримъ 117, 327.
 Мидор-дзогин-ванъ 181, 189, 190, 191, 204.
 Милангоръ 126.
 Миллеръ 279, 282.
 Мистеринъ 180, 218, 355.
 Мистицизмъ 50.
 Моголы 247, 287.
 Молитва 155, 163, 169-179, 238, 325, 334.
 Монголія 1, 17, 121, 191, 250, 278, 284.
 Монголь 20, 145, 229, 293, 322, 344.
 Монгольская монархія 11.
 Монгольскія племена 1, 5, 7, 14.
 Море Нижнее 23.
 Море вѣжное 24.
 Музыкальные орудія 124, 333, 334, 336.
 Муллы 11, 12, 247.
 Мунку сардыкъ 192.
 Муртаза 11, 291.
 Мынгиръ 272.
 Мытарства 210-212.
- И.**
- Награды по смерти 205.
 Названія дней 337.
 Найджи тойи 234, 249.
 Наказанія по смерти 205.
 Намджиръ 73.

- Нами кегу 37.
 Пансо 103, 344.
 Небесная дѣвы 101.
 Небожители 215.
 Непаль 49.
 Перча 6.
 Перчинскіе Монголы 8.
 Ниловъ-Доржѣвъ 343.
 Нирайджина 50.
 Нирба 103.
 Нирвана 21, 35, 126, 161, 313, 342.
 Нисванисъ 151, 210.
 Ногон-риджа 58.
 Номун-анханъ 306.
 Намун-ханъ 28, 207, 352.
 Нарбо-римбучи 99.
 Нукчанъ р. 4.
- О.**
- Обгамби 220—226.
 Обдорія 2.
 Облако драгоцѣнное 24.
 Обо 141, 142, 241.
 Ободай 73, 74.
 Обряды 86, 125, 136—149, 184, 190, 228, 242.
 Обская губа 2, 3.
 Обь 2.

- Обѣты 136, 150, 156, 158, 176.
 Овень 132.
 Овидій 119.
 Одіанова царство 224.
 Ока 9.
 Окинскіе Буряты 9,
 Октаргойн-санъ 28, 52.
 Олекма 3.
 Ольхонскіе Буряты 9.
 Ольхонъ 10.
 Олютерцы 281.
 Ом-ма-ни-бад-ме-хомъ 28, 110, 147, 169, 298.
 Омолой р. 4, 284.
 Онгонъ 139, 196, 232-249.
 Ононъ р. 6, 193-199, 274, 287, 343, 345.
 Ордынское озеро 9.
 Оркимджи 71-73, 87, 115, 354.
 Оролонъ 60, 126, 139, 222.
 Ортусская земля 8.
 Остяки 2, 12, 228.
 Оточи 101.
 Хотское море 3, 284,
 Хотскъ 281.
 Очирвани 43, 63, 64, 112, 227.
 Очир-дара 334.
 Очирой 291.
 Очир-садова 310.

Очирь 45, 63, 95, 117, 184, 334, 352.

II.

Павлуцкій (Маіоръ) 4, 284.

Палласъ 292.

Пакбала Хутукта 81, 82.

Пенжинская губа 3.

Пенжинское море 4.

Перерожденіе душъ 185, 189, 205, 212.

Переселеніе душъ 205, 212, 213.

Пермяки 2.

Пивіа 141.

Плиній 114, 341.

Пово 183.

Постъ 155, 177.

Призывъ души 126, 134, 137.

Проводы души 126, 145.

Психологія 134.

Пульсъ 358.

Пунцукъ 252.

Пути переселенія душъ 172.

Пылденъ 354, 355, 357.

Р.

Радна-самбоба 45, 310.

Ракчиса 30, 31, 300-306, 319.

Ракчисы 297, 336.

Ринчви-дукденъ 98.

- Ричин-ирелу 354.
 Руйджинъ 75, 196.
 Рупертъ 256.

С.

- Сабашими (сими) 22, 25, 296, 335.
 Сагардагамъ 153, 154.
 Садорвасун-балгасунъ 52, 225.
 Сани-цакъ 111.
 Сала 26, 297, 298.
 Самоѣды 2, 278.
 Санангъ-сеценъ 111, 309, 314.
 Сансарун-далай 152, 295.
 Сансаръ 22, 24, 27, 110, 153, 312.
 Сартаванъ 153.
 Саутрантики 313.
 Саянскія горы 1, 9, 285.
 Седмица 127.
 Селенга 8, 9, 192.
 Селенгинскъ 78.
 Селенгины 9.
 Селнины 120, 124, 194, 335.
 Севдуме 54, 102, 112.
 Сефиротическое небо 180.
 Сидарта 50.
 Сидль 135, 136.
 Силва 290.

- Словцовъ 283, 291.
 Слѣпцовъ 279.
 Собади 51, 105.
 Сойбунъ 51, 77, 104, 115.
 Солнечные дворцы 323.
 Солнце 29, 95.
 Сомовское повѣтріе 281.
 Становой хребеть 4.
 Степени родства 337.
 Степени, ведущія на высоту нравственнаго совершенства 150, 153.
 Сукавади 41, 110, 19, 205, 215, 260, 352.
 Сумбрь 21, 44, 67, 117, 142, 199, 315—319.
 Суной 113, 202.

Т.

- Табун-ханъ 54.
 Таилга 237.
 Тайша 7, 288.
 Такильчи 97, 104, 120.
 Тарнии-келе 190.
 Тарнии-савваръ 108, 354.
 Тарнии 107.
 Татарія 2.
 Татарскія орды 2.
 Татарскія племена 1, 247.
 Темникъ 9.

- Тенгерины 25, 56, 161, 213, 299, 315.
 Теткуи-асаракчи-хутукту 37.
 Тибеть 17, 83, 270, 306, 332.
 Тибь 58, 59, 62, 321.
 Тигисари 225.
 Тоболь 2.
 Тобольскій ямь 12.
 Тогаи-тимурь 249.
 Тойи-годомы 220, 223.
 Толай 76, 278.
 Толи 53, 85, 120, 327, 356.
 Тома р. 2.
 Тугона 270.
 Туйиъ 120.
 Тунгусскія племена 5, 14.
 Тунгусы 5, 6, 19, 199, 228, 282, 286.
 Тункинскіе Буряты 9, 287, 288.
 Турна 336.
 Турга 6.
 Туринскъ 12.
- У.**
- Убасанца 71, 86.
 Убаши 31, 70, 86, 153.
 Уда р. 8.
 Удскій край 285.
 Укъ или Ука р. 3.

- Укыр-бурѣ 124, 335.
 Улигерун-далай 110, 219, 314, 326.
 Уизать 72, 103, 116, 120.
 Уральскія горы 1, 277.
 Уран-аргату 23.
 Уран-маңду-шири 23, 30, 43, 303, 351.
 Ургинскій Хутукту 81—83, 112, 250.
 Урляхан 285.
 Урять 8.
 Ут-галай-хан 234.
 Утей-сангуи-агула 30.
 Учевья степени 331.

Ф.

- Фениксъ 217.
 Финскія племена 1.
 Фишеръ 277, 278.
 Фо 249.
 Фонсты 17.

Х.

- Хадакъ 120, 130, 132, 184, 357.
 Хашимлаху 271.
 Хамбо лама 77, 89, 253, 262, 344.
 Хамнигавы 7, 285, 287.
 Ханаяна 50, 312, 314.
 Хара-гурумъ 202.

- Хара манджу шири 36.
 Хара нигуль 151.
 Харинцы 8.
 Харіагъ 8.
 Харонга 333, 334.
 Хекъ 146, 187, 188.
 Хилку 8.
 Ховаракъ 70—72, 87, 177, 308, 344.
 Хонхо (колокольчикъ) 88, 95, 117, 334, 336.
 Хорло римбучи 99.
 Хормузда 28, 52, 142, 226, 300, 316—320.
 Хубилганъ 23, 36, 45, 70, 82, 90, 167, 300.
 Хураль 114, 200, 333.
 Хутукту 54, 81, 91, 161, 191—200, 252, 315.
- Ц.**
- Цаган-бунгъ 151.
 Цаганъ гурумъ 200.
 Цамбо 54.
 Цам-харайху 197.
 Цаны 124, 335.
 Царбукчи 75.
 Царство Сукавади 99, 106, 215, 216.
 Цзун-чжинъ 248.
 Цинь-джу 240.
 Цонголы 9, 287.
 Цонгольскій дацанъ 78, 101, 261.

- Цонгольскій родъ 241.
 Цорджи Лама 77, 103.
 Цохонда 192.
 Цугольскій даианъ 175, 193, 200, 344.

Ч.

- Чабдоръ 336.
 Чакдза 117.
 Чахотка 272.
 Черемисы 2, 228, 277.
 Черная вѣра 219.
 Чкоо 91.
 Чикой 9.
 Чимейджитъ 108, 265.
 Чингисъ-ханъ 2, 277, 278, 287.
 Чинданъ 236.
 Чинзаба 103.
 Чинъ хураловъ 118.
 Читкуръ 54, 60, 231.
 Чихула кереглекчи 59, 111, 293, 307—310, 320.
 Чоги-джал-цанъ 99.
 Чойжилъ 52, 102, 135, 210, 351, 355.
 Чойжинцы 143.
 Чойванъ Дорджинъ 79, 324.
 Чугачи 280.
 Чудеса Шигемуніевы 330.
 Чукотскій народъ 4.

- Чукчи 4, 288, 283, 285.
 Чулиціе 190.
 Чусова 290.
 Чрезвычайныя средства 179, 180,

Ш.

- Шаджотъ 265.
 Шаваранъ 161, 168, 326.
 Шакджин-арсаланъ 28, 52.
 Шакшабаты 173—176, 179, 311.
 Шакъямунскій родъ 49, 50.
 Шальши 54.
 Шаманство 7, 81, 219, —238, 247.
 Шаманъ 214—227, 232—236, 330, 353.
 Шанак-гоннакъ 75.
 Шантапъ 72, 73.
 Шара-бычин-ханъ 32, 36, 301—307.
 Шаумгичу (шумшу) 3.
 Шигемунн 17, 28, 50, 97, 169, 219, 315—338.
 Шигемуннин-намтаръ 110.
 Шигемуніанская Іерархія 68.
 Шиги 42, 47, 314.
 Шикур-губденъ 101.
 Шилка 284, 286.
 Ши—ло 248.
 Шимпанна 87, 176, 177.

Шимпусъ 54, 60, 126, 212, 214, 223.

Ширеть 76, 87-89, 103, 115, 182, 251, 262.

Шисаръ 73, 115.

Ши-ху 248.

Шуглу 124, 335.

Шуленга 7.

Ъ.

Ънде 192, 345.

Э.

Эке эцеге модо 243.

Эле 139, 231.

Эрлик-ханъ 52, 207, 210.

Эрквм-дара 32.

Ю.

Югорія 2.

Югорскій хребеть 2, 217.

Юкагиры 4, 284.

Юмъ 109, 118, 160.

Юпитерь 194, 347.

Юсун-дорлукъ 54.

Юсун-эрденин-дзуйль 142, 148.

Я.

Яблоновъ хребеть 8, 199.

- Якисы 26, 297, 317, 336.
 Якуты 3, 228, 279, 282.
 Ямандага 54, 102.
 Японія 279.
 Японское море 4, 284.
 Японцы 4, 280.

Ө.

- Өеософия 45.

С.

Ю.

Я.